

COUNCIL OF EUROPE CONSEIL DE L'EUROPE

ЗАПРЕЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (СТАТЬЯ 14)

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЮРИСТОВ

INTERIGHTS РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЮРИСТОВ | ТЕКУЩЕЕ ИЗДАНИЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА ИЮНЬ 2009 Г.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИНСТИТУТА «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО»

Руководство подготовили

ШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/ АВТОРЫ	Андреа Кумбер Арпине Аветисян Кевин Китчин Порег Хьюс Дина Ведерникова	ПОМОЩНИК РЕДАКТОРА/ КООРДИНАТОР СЕРИИ	Арпине Аветисян Ия Квициани-Кинг
		ПЕРЕВОД	Егор Иванов
		КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА (РУССКАЯ ВЕРСИЯ)	Ваагн Арутюнян

Юристы INTERIGHTS

В РОЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДИРЕКТОРА	Джереми МакБрайд	СТАРШИЕ ЮРИСТЫ	Ян Берн Весселина Вандова Порег Хьюс
ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР	Хелен Даффи		
ДИРЕКТОР ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	Андреа Кумбер	ЮРИСТЫ	Константин Кожокариу Дойна Иоана Страстиану Дина Ведерникова Джудиф А. Одер Сибонжиль Ндаше Соломон Сакко

Совет директоров INTERIGHTS

Лорд Лестер оф Хёрн Хилл QC, почётный президент Профессор Джереми МакБрайд ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Присцилла Ашун-Сарпи, казначей Доктор Чалока Беяни Профессор Кристин Чинкин Джонатан Купер Тим Айк	Майкл Гриффин Анн Лаппинг Александра Маркс Профессор Рейчел Мюррей Эмма Плейфеа Доктор Линн Велчман
--	--

Международный консультативный совет INTERIGHTS

Профессор Филип Алстон Флоренс Бутегва Роджер Эррера Профессор Яш П. Гай Асма Хадер Вивиана Крстичевич	Марек А. Новицки Соня Пикадо Профессор Джерард Квинн Доктор Мэри Робинсон Профессор Мартин Шейнин Сурия Викремасинге
---	---

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ РУКОВОДСТВОМ

Настоящее руководство разработано региональной программой INTERIGHTS по Европе для использования в рамках образовательных проектов в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Цель данного руководства – служить справочным пособием для юристов по вопросам применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В настоящее руководство включены решения Европейского суда по правам человека, принятые вплоть до **30 июня 2009 года**. Ответственность за любые возможные ошибки, упущения и недоработки лежит на авторах.

Получить настоящее руководство в других форматах можно, обратившись в нашу организацию.

БЛАГОДАРНОСТЬ

INTERIGHTS выражает признательность всем, кто принял участие в подготовке настоящего руководства, включая своих многочисленных стажеров и волонтеров, участвовавших в исследованиях и подготовке текста настоящего руководства.

Отдельную благодарность INTERIGHTS выражает Институту «Открытое Общество», без финансовой и моральной поддержки которого этот проект не был бы осуществлен.

Опубликовано

Организацией INTERIGHTS
Lancaster House
33 Islington High Street
London N1 9LH
UK

Тел.: +44 (0)20 7278 3230
Факс: +44 (0)20 7278 4334
Эл. почта: ir@interights.org
www.interights.org

© INTERIGHTS 2009 г.

© Council of Europe 2009 г.

Все права защищены. Ни одна часть настоящей публикации не может быть переведена или воспроизведена без предварительного разрешения издателей. Авторское право на данную публикацию принадлежит INTERIGHTS. Вместе с тем, данная публикация может частично или полностью передаваться в любой форме и любым способом – с помощью электронных, механических средств, ксерокопий, записей или любым другим способом без предварительного разрешения издателей.

Содержание

1	ВВЕДЕНИЕ	1
	1.1 Значение и важность запрещения дискриминации	1
	1.2 Статья 14 – Запрещение дискриминации	1
2	ХАРАКТЕР И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 14	3
	2.1 Связь между Статьей 14 и материальными правами.	3
	2.1.1 Автономный характер Статьи 14	3
	2.1.2 Вспомогательный характер Статьи 14	4
	2.2 Понятие дискриминации	6
	2.2.1 Косвенная дискриминация	6
	2.2.2 Позитивные действия	8
3	КРИТЕРИИ НАЛИЧИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ	10
	3.1 Входят ли рассматриваемые факты в область применения материального права – “Тест на область применения”	10
	3.2 Имело ли место нарушение материального положения Конвенции	11
	3.3 Имела ли место разница в обращении	12
	3.3.1 Аналогичные ситуации.	12
	3.3.2 Отказ в особом обращении	13
	3.4 Обоснование разницы в обращении	14
	3.4.1 Законная цель	15
	3.4.2 Пропорциональность	16
	3.5 Пределы свободы усмотрения Государства	16
4	ОСНОВАНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ	19
	4.1 Введение	19
	4.1.1 Указанные признаки	19
	4.1.2 Неуказанные признаки («любые иные признаки»)	19
	4.1.3 Особые признаки	20
	4.1.4 Дискриминация, основанная на презюмируемых характеристиках	20
	4.2 Различия по признаку пола	21
	4.3 Различия по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения	24
	4.4 Различия по признаку религиозной принадлежности	30
	4.5 Различия, основанные на национальной принадлежности и принадлежности к национальным меньшинствам	36

4.6	Различия между детьми, рожденными вне брака, и детьми, рожденными в браке	39
4.7	Различия, основанные на сексуальной ориентации	41
4.8	Различия по признаку языка	45
4.9	Различия, основанные на политических или иных убеждениях или на социальном происхождении	47
4.10	Различия, основанные на имущественном положении	50
4.11	Примеры дел, связанных с дискриминацией по «иным признакам»	51
4.11.1	Семейное положение и связанные с ним вопросы	51
4.11.2	Профессиональный статус или военное звание	53
4.11.3	Инвалидность	54
5	ПОЗИТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА	56
5.1	Позитивные обязательства по защите от дискриминации	56
5.2	Обязательство по обеспечению особого обращения	58
5.3	Обязанность проводить расследование (процессуальные обязательства)	58
6	ДОКАЗЫВАНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В РАМКАХ КОНВЕНЦИИ	60
6.1	Бремя доказывания	60
6.2	Стандарт доказательства	61
6.3	Свидетельства дискриминации	62
7	ПРОТОКОЛ 12 К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	64
8	ДРУГИЕ РЕЛЕВАНТНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНВЕНЦИИ	66
8.1	Статья 5 Протокола 7 к Конвенции	66
8.1.1	Область применения Статьи 5	66
8.1.2	Позитивные обязательства по Статье 5	66
8.1.3	Обоснование вмешательства в пользование правами по Статье 5	67
8.2	Дискриминация и Статья 3 Конвенции	67
8.3	Дискриминация и Статья 8 Конвенции	69
9	ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ КОНВЕНЦИИ	70
9.1	Введение	71
9.1.1	Статья 14 – Запрещение дискриминации	71
9.2	Характер и область применения Статьи 14	71
9.2.1	Понятие дискриминации	71

9.2.1.1	Косвенная дискриминация	72
9.2.1.2	Позитивные действия	72
9.2.2	Связь Статьи 14 с другими правами	73
9.2.2.1	Автономный характер Статьи 14	73
9.2.2.2	Вспомогательный характер Статьи 14	74
9.3	Критерии наличия дискриминации	75
9.3.1	Тест на область применения	76
9.3.2	Разница в обращении	77
9.3.2.1	Аналогичные ситуации	77
9.3.3	Обоснование разницы в обращении	79
9.3.3.1	Законная цель	81
9.3.3.2	Пропорциональность	82
9.3.4	Пределы свободы усмотрения Государства	83
9.4	Основания дискриминации	85
9.4.1	Введение	85
9.4.1.1	Неуказанные признаки ('иной статус')	85
9.4.1.2	Особые признаки	86
9.4.2	Различия по признаку пола	86
9.4.3	Различия, основанные на расовой принадлежности, цвете кожи или этническом происхождении	92
9.4.4	Различия, основанные на религии	101
9.4.5	Различия по признаку национальности или принадлежности к национальному меньшинству	102
9.4.6	Различия между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака	102
9.4.7	Различия, основанные на сексуальной ориентации	104
9.4.8	Различия по признаку языка	105
9.4.9	Различия, основанные на имущественном положении	105
9.4.10	Примеры дел, связанных с дискриминацией по «иным признакам»	106
9.5	Позитивные обязательства Государства	107
9.5.1	Позитивное обязательство защищать от дискриминации	107
9.5.2	Обязательство предоставлять возможность учета различий	109
9.5.3	Обязательство проводить расследование (процессуальное обязательство)	110
9.6	Доказывание дискриминации по смыслу Конвенции	111
9.7	Другие релевантные положения Конвенции	115
9.7.1	Дискриминация и Статья 3 Конвенции	115
УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ		117

1 ВВЕДЕНИЕ

1.1 Значение и важность запрещения дискриминации

Понятие равенства имеет ключевое значение для защиты прав человека. Невозможность обеспечить «равенство» прав без достаточного обоснования означает неспособность гарантировать права человека. В этом смысле право на равенство или «равные права» является составной частью любого другого права человека. Преамбула к Всеобщей декларации прав человека провозгласила важность равноправия, отметив, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Равноправие - это не просто умозрительное понятие; отказ от предоставления равенства прав имеет серьезные практические последствия на благополучие людей. Дискриминация влияет на все аспекты жизни людей – она ведет к социальному отчуждению, маргинализации и обезчеловечиванию.

Запрещение дискриминации и принцип равенства считаются настолько фундаментальными для защиты прав человека, что они включены во все крупнейшие международные и региональные правозащитные механизмы, включая, в числе прочих, следующие документы:

- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) (Статьи 1 и 2);
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) (Статья 2);
- Международный пакт о гражданских и политических правах (1965 г.) (Статьи 2 и 26);
- Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.);
- Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.);
- Конвенция о правах ребенка (1989 г.) (Статьи 2 и 23);
- Конвенция о правах инвалидов (2007 г.);
- Американская конвенция о правах человека (Статьи 1 и 24);
- Африканская хартия прав человека и народов (Статьи 2 и 3);
- Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (2003 г.) (Статья 7).

1.2 Статья 14 – Запрещение дискриминации

Статья 14 – Запрещение дискриминации

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Статья 14 - главное положение Европейской конвенции о защите прав человека (далее «Конвенция» или «ЕКПЧ»), запрещающее дискриминацию. До вступления в силу Протокола 12 к Конвенции в 2005 году (который на момент написания данной публикации ратифицировали лишь 17 государств) это было единственным положением Конвенции, запрещающим дискриминацию. Цель Статьи 14 – защитить людей от дискриминации в пользовании правами и свободами, гарантированными Конвенцией и ее Протоколами.

Статья 14 – это не самостоятельное право на равенство, а зависимое положение, область применения которого ограничена правами, записанными в Конвенции. См., в числе прочих, дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)**. Жалобы, поданные в Европейский суд по правам человека (далее «Суд») на нарушение Статьи 14, должны касаться дискриминации в пользовании каким-либо другим правом, закрепленным в Конвенции, как, например, правом на уважение частной и семейной жизни или правом на свободу религии. Таким образом, Статья 14 применяется «в сочетании с» другими правами, записанными в Конвенции, а запрещение дискриминации может рассматриваться как часть любого материального положения Конвенции или как дополнение к нему. Следствием ограниченной области применения Статьи 14 является то, что если рассматриваемые факты не входят в «область применения» права, закрепленного в Конвенции, основания для применения Статьи 14 отсутствуют. Цель этого ограничения – исключить возможность применения Статьи 14 к определенным правам и льготам, предоставляемым национальным законодательством, например, в области социальной защиты.

Подчиненный характер Статьи 14 легко увидеть в сравнении с независимыми положениями в международном праве, запрещающими дискриминацию в принципе. Один из таких примеров - Статья 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, гарантирующая «равенство перед законом» и «равную защиту закона». Другой пример - Статья 1 Протокола 12 к Конвенции, которая запрещает дискриминацию в пользовании любыми правами, гарантированными национальным и международным правом. Протокол 12 будет рассмотрен ниже в разделе 7. Связь между Статьей 14 и другими правами, признанными Конвенцией, будет рассмотрена в разделе 2.

В Статье 14 приведен перечень оснований (которые иногда называют характеристиками или «отличительными признаками»), по которым запрещена дискриминация, а именно «[по признаку] пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения или рождения». Однако употребление выражения «или по любым иным признакам» указывает на то, - и Суд это подтвердил - что указанный перечень является иллюстративным, а не исчерпывающим. Другими словами, Статья 14 содержит в себе открытый перечень признаков, по которым запрещается дискриминация. Другие характеристики, признанные Судом в качестве подпадающих под определение «любые иные признаки», включают сексуальную ориентацию, семейное положение, рождение вне брака, профессиональный статус, отношение к военной службе и отказ от военной службы по религиозным или иным соображениям, а также инвалидность.

2 ХАРАКТЕР И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 14

2.1 Связь между Статьей 14 и материальными правами.

2.1.1 Автономный характер Статьи 14

Как было сказано выше, Статья 14 – зависимое положение, дополняющее другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Нарушение одной Статьи 14 не является основанием для рассмотрения в Суде; оно должно рассматриваться только в связке с каким-либо другим материальным правом, гарантированным Конвенцией.

- В деле **Marckx v. Belgium (1979 г.)** Суд решил (в параграфе 32), что Статья 14 «не имеет независимого существования, так как она действует только по отношению к «пользованию правами и свободами», гарантированными другими материальными положениями».

Однако нарушением Статьи 14 (в сочетании с каким-либо материальным положением) может считаться и такое нарушение, при котором одно материальное положение само по себе не было нарушено. Хотя сама Статья 14 не устанавливает независимого права, практика Суда наделила его «автономным» характером. Это означает, что несмотря на невозможность применения Статьи 14 самой по себе (т.е. независимо), Суд может установить нарушение Статьи 14 после решения об отсутствии нарушения материального положения. Этот вопрос впервые возник в деле **Belgian Linguistics (1968 г.)**, первом деле, в котором Суд рассматривал жалобу на нарушение Статьи 14. В данном деле Бельгия утверждала, что Статья 14 предоставляет лишь вспомогательную защиту или, другими словами, что Статья 14 может применяться только тогда, когда нарушено материальное положение, в сочетании с которым она рассматривается. Суд не согласился с этим утверждением.

- В деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** шесть групп заявителей жаловались, что некоторые аспекты бельгийского законодательства, регулирующего вопросы использования языков в школах, противоречили Конвенции. Заявители, которые были франкоговорящими жителями немецкоговорящей части Бельгии и окраин Брюсселя, хотели, чтобы их дети обучались на французском языке. Суд решил, что Статья 2 Протокола 1 не включала право на обучение на языке по выбору родителей. Так как Статья 2 в этом отношении не была нарушена, Государство заявило, что Статья 14 в данном случае не применима. Суд постановил, что нарушение Статьи 14 может иметь место при ее рассмотрении в сочетании с другой Статьей Конвенции, даже если эта другая Статья не была нарушена. В разделе 1В, параграфе 9, Суд отметил:

Хотя верно то, что эта гарантия [Статьи 14] не имеет независимого существования в том смысле, что согласно Статье 14 она относится только к «правам и свободам, записанным в Конвенции», мера, которая сама по себе соответствует требованиям Статьи, гарантирующей рассматриваемое право или свободу, может, тем не менее, нарушать эту Статью при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 14 по причине своего дискриминационного характера.

Суд использовал пример апелляционных судов для того, чтобы проиллюстрировать этот вывод. Так, Статья 6 (право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции не предполагает, что Государства должны создать систему апелляционных судов – такое требование выходит за рамки Конвенции. Однако Государство нарушило бы Статью 6 при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 14, если бы оно предоставило доступ к апелляционным судам отдельным лицам, не предоставив его всем остальным по тем же самым видам дел. В данном случае бельгийское законодательство нарушило Статью 14 Конвенции при рассмотрении в сочетании со Статьей 2 Протокола 1, поскольку препятствовала детям в отдельных территориальных общинах на окраинах Брюсселя в получении доступа к школам с преподаванием на французском языке только по причине места жительства их родителей. Согласно закону, преподавание в этих

общинах велось на немецком языке, однако на дошкольном и начальном уровнях была предусмотрена возможность создания франкоговорящих классов – при условии, что с такой просьбой обратились главы по крайней мере 16 семей. Этой возможности, однако, были лишены дети, чьи родители жили за пределами этих территориальных общин несмотря на то, что в тех общинах, где они жили, не было классов с преподаванием на французском языке. В классы же, где преподавание велось на немецком языке, принимали всех детей независимо от места жительства их родителей. Рассмотрев эти факты, Суд решил, что такая разница в обращении является незаконной согласно Статье 14.

Для того чтобы подать жалобу на нарушение Статьи 14 в сочетании с каким-либо материальным правом, заявитель не обязан утверждать, что это материальное право было нарушено само по себе. Достаточно того, что Статья 14 рассматривается в сочетании с этим материальным правом.

- Дело **Inze v. Austria (1987 г.)** касалось закона, который отдавал предпочтение наследникам, рожденным в браке перед наследниками, рожденными вне брака при наследовании собственности в отсутствие завещания. Заявитель не утверждал, что его права были нарушены в отношении Статьи 1 Протокола 1, вместо этого он утверждал, что оспариваемое законодательство нарушало Статью 14 в сочетании со Статьей 1 Первого протокола. Государство утверждало, что интерес заявителя в данном деле был связан с правом на приобретение собственности, что не входило в область применения Статьи 1 Протокола 1. Заявитель, в свою очередь, утверждал, что он уже являлся совладельцем неподеленной доли недвижимости, и что его жалоба касалась дискриминации против него в получении исключительных прав на эту недвижимость (ферму). Суд согласился с доводами заявителя и решил, что в данном случае есть основания для подачи жалобы на нарушение Статьи 14, так как такая жалоба входит в область применения Статьи 1 Протокола 1 (см. параграф 36).

Статья 14 распространяется не только на те элементы какого-либо права, которые Государство обязано гарантировать согласно Конвенции, но также и те элементы права, которые Государство гарантирует по своему усмотрению и которые таким образом могут стать предметом рассмотрения в рамках Конвенции. Более широкое толкование области применения «главного» положения ведет к расширению применимости Статьи 14. См., например, дело **Gaygusuz v. Austria (1996 г.)**.

На данный момент не существует судебной практики, связанной с Конвенцией по вопросу о том, должно ли отступление от выполнения обязательств в чрезвычайных ситуациях, предусмотренное Статьей 15, удовлетворять требованиям Статьи 14. Однако маловероятно, что правомерность какого-либо дискриминационного обращения без объективного и достаточного обоснования по отношению к Статье 14 может быть обоснована чрезвычайностью обстоятельств согласно Статье 15.

2.1.2 Вспомогательный характер Статьи 14

Как показывает практика, Суд сначала решает, было ли нарушено какое-либо материальное положение, и только потом переходит к рассмотрению возможного нарушения Статьи 14, рассматриваемого в сочетании с этим материальным положением. Если установлено нарушение материального положения, Суд может не рассматривать отдельно нарушение Статьи 14. В деле **Airey v. Ireland (1979 г.)** такой подход объяснялся «вспомогательным характером» Статьи 14.

- В деле **Dudgeon v. the United Kingdom (1981 г.)** Суд определил, что уголовное преследование гомосексуальных актов, совершаемых совершеннолетними мужчинами в частной обстановке нарушало Статью 8. Суд пришел к выводу, что установление этого факта освобождает Суд от необходимости рассматривать вопрос о возможном нарушении Статьи 14. По мнению Суда, утверждение заявителя о ее нарушении касается «той же самой жалобы, рассматриваемой под другим углом», и что «нет юридической необходимости» в вынесении такого решения (см. параграфы 67-70).

- В деле **X and Y v. Netherlands (1985 г.)** заявители оспаривали разницу в обращении, установленную голландским законом в отношении различных категорий граждан, заслуживающих особой защиты от сексуального насилия. По их мнению, такая разница в обращении является дискриминационной в нарушение Статьи 14 Конвенции. Заявление было подано от лица шестнадцатилетней девушки-инвалида, которая была изнасилована во время пребывания в частном доме для людей с ограниченными возможностями. Согласно голландскому законодательству заявление о сексуальном насилии может быть подано только жертвой преступления лично. Заявители утверждали, что это нарушало право на уважение частной жизни их дочери, так как она не могла подать заявление сама. Суд решил, что отсутствие защиты в рамках уголовного права в таком серьезном деле является нарушением Статьи 8. Что касается жалобы по поводу дискриминации, Суд решил, что Статья 14 не имеет независимого существования, но является составной частью каждого из прав, гарантированных Конвенцией. Суд отметил, что нет необходимости рассматривать вопрос о нарушении Статьи 14, если Судом установлено нарушение какой-либо из других статей по отдельности (параграфы 31-32).

Однако Суд не согласился с утверждением, что Статья 14 не может быть нарушена в принципе, если установлено нарушение любой другой материальной Статьи. Если бы Статья 14 понималась таким образом, это привело бы к тому, что нарушению материального положения всегда придавалось бы большее значение, чем любому утверждению о дискриминации. Суд будет рассматривать нарушение Статьи 14 (после установления нарушения материального права) только в том случае, если имеет место «*явное неравенство в обращении в пользовании рассматриваемым правом, и если оно является основополагающим аспектом этого дела*». Суд определит, так ли это.

Критерий «основополагающего аспекта» был сформулирован в решении по делу **Airey v. Ireland (1979 г.)**.

- В деле **Airey v. Ireland (1979 г.)** заявитель хотела получить постановление суда о раздельном проживании с супругом на основании якобы наличествующего с его стороны жестокого обращения с ней и их детьми. Она не могла воспользоваться услугами юриста, так как бесплатная юридическая помощь была недоступна, а она сама не располагала необходимыми средствами для оплаты таких услуг. Она подала жалобу в Европейскую комиссию по правам человека (далее «Комиссия»), которая вынесла единогласное решение о нарушении Статьи 6(1) по причине фактического отказа в праве на судебную защиту. По мнению Комиссии, необходимо было также рассмотреть вопрос о нарушении Статьи 14, однако Суд решил, что это необязательно. Суд указал (в параграфе 30), что:

...рассмотрение этого вопроса обычно не требуется в случаях, когда Суд устанавливает нарушение другой рассматриваемой в рамках этого дела Статьи, взятой в отдельности. Дело обстоит противоположным образом, если очевидное неравенство в обращении в пользовании рассматриваемым правом составляет основополагающий аспект дела, однако этого нельзя применить при нарушении параграфа 1 Статьи 6 в данном деле; исходя из этого, Суд не считает необходимым рассматривать данное дело в контексте Статьи 14.

По вопросу использования принципа «основополагающего аспекта» см. также дела **Canea Catholic Church v. Greece (1997 г.)**, **Chassagnou and Others v. France (1999 г.)** и **Timishev v. Russia (2005 г.)**.

- Таким образом, чтобы максимально увеличить шансы на отдельное рассмотрение Судом нарушения Статьи 14, необходимо подчеркнуть дискриминационный аспект этого дела, а также продемонстрировать, что связь и взаимозависимость между заявленным неравенством в обращении и нарушением материального права является основополагающей.

2.2 Понятие дискриминации

Конвенция не содержит определения «дискриминации». В деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** Суд разъяснил, что Статья 14 не запрещает Государству в любое время воздерживаться от какого бы то ни было дифференцированного обращения со своими гражданами. Суд указал, что определенная степень дифференциации может быть не только допустимой, но и иногда необходимой для того, чтобы исправить уже существующее неравенство.

В ряде других случаев Суд конкретизировал понятие дискриминации.

- В деле **Kjeldsen v. Denmark (1976 г.)** Суд отметил (в параграфе 56), что Статья 14 запрещает «дискриминационное отношение, в основе которого лежит или причиной которого является какая-либо личная характеристика («признак»), на основании которой отдельные лица или группы лиц различаются между собой».
- В деле **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)** (в параграфе) 82 Суд определил, что:

Понятие дискриминации в значении Статьи 14 обычно включает случаи, когда лицо или группа лиц испытывает, без надлежащего обоснования, менее благоприятное обращение, чем другие лица или группы лиц, несмотря на то, что такое благоприятное обращение не предусмотрено Конвенцией.

подавляющее большинство установленных нарушений Статьи 14 были связаны с «прямой дискриминацией» - то есть отличным обращением, не обоснованным объективными и достаточными причинами, по сравнению с лицами, находящимися в относительно схожем положении. Другие виды дискриминации оказались более проблематичными для Суда.

2.2.1 Косвенная дискриминация

До относительно недавнего времени позиция Суда по отношению к «косвенной дискриминации» была не вполне ясна. Косвенная дискриминация возникает тогда, когда существует «общий политический курс или мера, непропорционально предвзято воздействующие на определенную группу, несмотря на то, что такой курс/мера не направлен/а специально на эту группу» (**Hugh Jordan v. United Kingdom (2001 г.)**, параграф 154; **Hoogendijk v. the Netherlands (2005 г.)** стр. 21; **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)**, параграф 175). Очевидные трудности в установлении нарушения в случаях с косвенной дискриминацией связаны со сложностью доказывания, в особенности, с использованием статистических данных, а также принципом бремени доказывания. Подход Суда к этим вопросам был обобщен Большой Палатой в деле **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)**.

- В деле of **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)** Суд высказал мнение, что действие Конвенции вообще не распространяется на косвенную дискриминацию. По мнению Суда, заявители не смогли доказать, что иммиграционные правила, следствием которых стало исключение иммиграции лиц с индийского субконтинента, проводили различия между людьми по расовому признаку. Рассматриваемые правила препятствовали встрече потенциальных супругов; в наиболее невыгодном положении оказались женщины, желающие выйти замуж за мужчин с индийского субконтинента, где браки по договоренности были распространенным явлением. Суд сосредоточил свое внимание на цели оспариваемых мер – защите рынка труда в Великобритании. Судья Карилло (Carillo) в своем особом мнении, поддержанном судьями Мелькиором (Melchior) и Вейтзелем (Weitzel) из Комиссии по правам человека, пришел к выводу, что рассматриваемые иммиграционные правила «в силу своего практического

побочного эффекта, в краткосрочной перспективе и по самой своей цели являются косвенно расистскими».

- Намного позже в деле **Hugh Jordan v. United Kingdom (2001 г.)** Суд решил, что Конвенция распространяется на косвенную дискриминацию, но не установил нарушения на этой основе в данном деле. В этом деле заявитель утверждал, что обстоятельства убийства его сына свидетельствовали о дискриминации. По его показаниям, между 1969 годом и мартом 1994 года сотрудниками службы безопасности были убиты 357 человек, подавляющее большинство которых составляли молодые мужчины-католики либо молодые мужчины-националисты. Из сравнения общего числа погибших с числом погибших-протестантов следовало наличие дискриминационного применения силы со смертельным исходом, а также недостаток юридической защиты в отношении одного из сегментов общества по причине национальной принадлежности. Государство заявило, что в деле нет доказательств того, что какие-либо из смертей, имевших место в Северной Ирландии, были схожими или что имела место разница в обращении. Государство отметило, что только статистика (точность которой сомнительна) не может быть достаточным доказательством наличия дискриминации против католиков или националистов. В параграфе 154 Суд отметил:

Когда вследствие общей политики или меры отдельная группа оказывается в особенно невыгодном положении, нельзя исключать, что это может быть признано дискриминацией, несмотря на то, что такая мера либо политика не были специально направлены либо нацелены на эту группу.

Суд добавил, однако, что он:

...не считает, что статистические данные сами по себе могут свидетельствовать о наличии практики, которая может быть классифицирована как дискриминационная по смыслу Статьи 14 (параграф 154).

См. также дела **McKerr v. the United Kingdom (2001 г.)**; **Shanaghan v. the United Kingdom (2001 г.)**; **Kelly and Others v. the United Kingdom (2001 г.)**, и **McShane v. the United Kingdom (2002 г.)**.

- В деле **Hoogendijk v. the Netherlands (2005 г.)** Суд, несмотря на признание жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу, достаточно жестко высказался по поводу доказательств косвенной дискриминации, заявив:

Суд считает, что если Заявитель может показать на основе не вызывающих сомнения официальных статистических данных существование достаточного при отсутствии опровержения признака того, что какая-либо специальная мера – даже если она сформулирована в нейтральной форме – на деле затрагивает очевидно более высокий процент женщин, чем мужчин, Государство-ответчик обязано предоставить доказательства того, что это есть результат объективных факторов, не относящихся к дискриминации по признаку пола. Если бремя доказывания того, что разница в отношении к мужчинам и женщинам на практике не является дискриминационной, не будет перенесена на Государство-ответчика, то заявителям на практике будет крайне сложно доказать наличие косвенной дискриминации (стр. 21-22).

- Основываясь на этих выводах, Суд в деле **Zarb Adami v. Malta (2006 г.)** определил, что «дискриминация, потенциально противоречащая Конвенции, может являться результатом не только введения законодательной меры, но и фактической ситуации». Данное дело касалось отправления функций присяжного заседателя в Мальте, которые по утверждению заявителя в большинстве случаев возлагались на мужчин. Приняв во внимание статистические данные, Суд определил, что гражданская обязанность выполнять функции присяжного заседателя

преимущественно возлагалась на лиц мужского пола, что противоречит Статье 14 в сочетании со Статьей 4(3)(d) Конвенции.

- Большое значение имело рассмотрение дела **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)**, в котором Большая Палата подтвердила позицию Суда по отношению к косвенной дискриминации, установив ее наличие по признаку этнического происхождения. В результате рассмотрения данного дела были существенно прояснены ситуации, при которых случаи дискриминации вообще и косвенной дискриминации в частности могут быть установлены для целей Статьи 14.
- В деле **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)** заявители, школьники цыганского происхождения, были помещены в «специальные школы», предназначенные для детей с затруднениями в приобретении знаний, и не имели возможности посещать «обычные» школы. Заявители утверждали, что помещение их в специальные школы было дискриминационным в отношении пользования правом на образование, по причине их этнического происхождения, что нарушило Статью 15, рассматриваемую в сочетании со Статьей 2 Протокола 1 (право на образование). Они заявили, что к ним было применено неравное обращение в образовательной сфере по сравнению с детьми нецыганского происхождения. Разница в обращении состояла в том, что их детей помещали в специальные школы без достаточного обоснования, где они получали образование значительно худшего качества, чем в обычных школах, и в результате чего они могли получать среднее образование только в специальных профессионально-технических центрах.

Заявители в частности утверждали, что дискриминация не обязательно должна быть намеренной и что какая-либо мера может быть признана дискриминационной в силу практических последствий ее применения, проводя в подтверждение значительные статистические данные о доминировании детей цыганского происхождения в специальных школах. Они утверждали, в числе прочего, что непропорционально большое количество детей-цыган, обучающихся в специальных школах, объясняется расовой предвзятостью. Сами они объясняли такое положение наличием предубеждений по отношению к цыганам в области образования и в обществе в целом.

Хотя в 2006 году одна из Палат Суда не установила нарушения Конвенции, год спустя Большая Палата установила нарушение Статьи 14 Конвенции.

Большая Палата вновь напомнила принципы, заложенные в деле **Hugh Jordan v. United Kingdom**, которые заключаются в том, что общий политический курс или мера может быть признана дискриминационной вследствие предвзятого воздействия на определенную группу, даже если они специально не нацелены или направлены на эту группу. В подтверждение выводов, сделанных в делах **Zarb Adami** и **Hoogendijk** по поводу допустимых доказательств, Суд признал сложность доказательства дискриминации в таких обстоятельствах и согласился с тем, что необходимость использования статистических данных может перенести бремя доказывания на Правительство, которое должно будет объяснить причины разницы в обращении. Сложности, связанные со стандартами доказательства и то, как Суд справлялся с ними, будут рассмотрены далее более подробно в разделе 6.3.

2.2.2 Позитивные действия

Практика Суда подтвердила, что Конвенция предусматривает осуществление позитивных действий в целях достижения полного и фактического равноправия. Позитивные действия или позитивные меры (также известные как «специальные меры») – это меры, принимаемые правительством или негосударственным учреждением в целях исправления последствий дискриминации, имеющей место в прошлом и настоящем, посредством предоставления обратных преференций в пользу представителей классов, которые ранее находились в неблагоприятных условиях.

В ряде случаев Суд решил, что разница в обращении - при условии, что она обоснована целью обеспечить отдельные группы лиц полным пользованием правами, гарантированными Конвенцией - может не нарушать Статью 14. Такие меры могут включать позитивные меры, которые способствуют равноправию или «лишь ведут к исправлению фактического неравенства» (см. дело **Belgian Linguistics** в параграфе 10). Действительно, Большая Палата заключила, что:

*Статья 14 не запрещает Государству-участнику по-разному обращаться с группами людей в целях исправления «фактического неравенства» между ними; на самом деле, в определенных обстоятельствах отсутствие мер по исправлению сложившегося неравенства посредством разницы в обращении может само по себе привести к нарушению Статьи (курсив добавлен). Дела **Thlimmenos v. Greece**, параграф 44; **Stec and Others v. the United Kingdom (2006 г.)**, параграф 51; **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)**, параграф 175).*

Классическая формулировка, данная Судом по этому вопросу, содержится в деле **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)**, которое рассматривается ниже. В этом деле (в параграфе 44) Суд решил, что дискриминация возникает тогда, когда Государства «без объективного и достаточного обоснования» не в состоянии относиться по-другому к лицам, находящимся в существенно отличном положении».

Такой вид позитивных действий обсуждался в ряде дел, касающихся социальных льгот.

- В деле **Lindsay v. The United Kingdom (1986 г.)** налоговая льгота для замужних женщин, что входит в область применения права на собственность (Статья 1, Протокол 1), имела объективное и достаточное обоснование в целях обеспечения позитивной дискриминации, направленной на дополнительное мотивирование женщин к возвращению на работу.
- Дело **Zeman v. Austria (2006 г.)** касалось неравенства в обращении с вдовцами и вдовами при назначении пенсии лицу, потерявшему спутника жизни. Суд еще раз подтвердил, что «Статья 14 не запрещает Государству-участнику по-разному обращаться с группами лиц в целях исправления «фактического неравенства» между ними; в действительности, в определенных обстоятельствах отсутствие мер по исправлению сложившегося неравенства посредством разницы в обращении может само по себе привести к нарушению Статьи» (параграф 32). В данном деле, однако, по мнению Суда, нет объективного и достаточного обоснования разницы в обращении с вдовцами и вдовами в том, что касается права на выплату пенсии, и поэтому имеет место нарушение Статьи 1 Протокола 1 в сочетании со Статьей 14.

Принцип позитивных действий еще раз подтвержден в тексте Преамбулы к Протоколу 12.

3 КРИТЕРИИ НАЛИЧИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ

Как показывает практика, Суд придерживается стандартной позиции в делах, связанных с жалобами на дискриминацию по Статье 14. Эта позиция сформулирована в таких делах, как **Rasmussen v. Denmark (1984)** и **Unal Tekeli v. Turkey (2004 г.)**.

Позиция Суда по отношению к жалобам по Статье 14

1. Подпадает ли жалоба на дискриминацию под действие гарантированного материального права?
2. Имеет ли место нарушение материального положения?
3. Имеет ли место разница в обращении?
4. Имеет ли разница в обращении объективное и достаточное обоснование?
 - Преследует ли разница в обращении законную цель?
 - Являются ли используемые меры пропорциональными достижению этой законной цели?
5. Не выходит ли разница в обращении за пределы свободы усмотрения Государства?

В данном разделе поочередно рассматриваются все эти вопросы.

3.1 Входят ли рассматриваемые факты в область применения материального права – “Тест на область применения”

Как отмечалось ранее, Статья 14 применима только к правам, гарантированным Конвенцией и ее Протоколами. Для того чтобы установить нарушение Статьи 14 в сочетании с другим материальным правом, факты, являющиеся предметом спора, должны «входить в область применения» одного или более других положений Конвенции.

- В деле **Van der Musselle v. Belgium (1983 г.)**, Суд указал (в параграфе 43), что при рассмотрении применимости Статьи 14, «возникает вопрос, не выходят ли рассматриваемые факты полностью за пределы области применения Статьи 4 и, следовательно, Статьи 14».
- В деле **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)** Суд (в параграфе 29) дал ясную формулировку автономного характера этого положения:

Статья 14 дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она не имеет независимого существования, так как имеет силу действия только в отношении «пользования правами и свободами», гарантированными этими положениями. Хотя применение Статьи 14 не обязательно предполагает нарушение этих положений – и в этом смысле она имеет автономное значение - основания для ее применения есть только тогда, когда оспариваемые факты входят в область применения одного или более других положений Конвенции.

Следствием теста на применимость является то, что жалоба на незаконную дискриминацию не может быть подана в отношении прав, не признанных Конвенцией. Права, не записанные в Конвенции, включают определенные экономические и социальные права, такие как право на работу. Тем не менее, то, что именно составляет «область применения» какого-либо права, не всегда очевидно. С годами практика Суда расширила это понятие и теперь включает не только какое-либо отдельное право, прямо гарантированное текстом Конвенции, но и те жалобы, которые входят в

более широкую предметную область, на которую распространяется такое право. Суд также дал широкую интерпретацию отдельных положений Конвенции для того, чтобы включить дополнительные права в область их применения. Например, Суд определил, что права, относящиеся к трудоустройству, подпадают под действие права на частную жизнь, записанному в Статье 8. См., например, дело **Sidabras v. Lithuania (2004 г.)**, рассматриваемое ниже.

- В деле **Schmidt and Dahlström v. Sweden (1976 г.)**, Суд определил, что для решения вопроса о применимости Статьи 14 достаточно наличия лишь нестройной связи между Статьей 14 и другим правом, гарантированным Конвенцией. Данное дело касалось ряда неблагоприятных мер в отношении членов профсоюза, начавших забастовку. Эти меры (связанные с возможностью повышения зарплаты задним числом для определенной категории работников) сами по себе не нарушали права, записанные в Конвенции. Тем не менее, Суд постановил, что они были «связаны» со Статьей 11 о праве профсоюзов на защиту интересов своих членов и что в данном случае есть законные основания для рассмотрения вопроса о дискриминации (в параграфе 39).
- Дело **Sidabras and Dziautas v. Lithuania (2004 г.)** было подано заявителями, которым законы Литвы запрещали трудоустройство в различных отраслях частного сектора в силу того, что они являлись бывшими членами КГБ. Заявители утверждали, что такой запрет нарушает Статью 8 Конвенции, взятую отдельно, а также в сочетании со Статьей 14. Одним из ключевых пунктов данного дела был вопрос о применимости Статьи 8 и, следовательно, Статьи 14. Суд установил, что заявители испытывали на себе разницу в обращении со Стороны Государства по признаку лояльности или недостатка лояльности к Государству – так само Государство объяснило разницу в обращении. В отношении применимости Статьи 8 Суд, сославшись на свои более ранние решения, указал, что частная жизнь в соответствии со Статьей 8 - широкий термин, не поддающийся исчерпывающему определению. Суд отметил (в параграфе 47), что, с учетом принципов, распространенных в демократических странах, «общий запрет на трудоустройство в частном секторе действительно оказывает влияние на «частную жизнь»». Суд также установил нарушение Статьи 14. См. также похожее дело **Rainys and Gasparavicius v. Lithuania (2005 г.)**.
- В деле **Okpisz v. Germany (2005 г.)** заявители утверждали, что отказ властей Германии в назначении пособия на воспитание ребенка содержит в себе дискриминацию, запрещенную Статьей 14 в сочетании со Статьей 8. Суд снова заметил, что Статья 14 вступает в силу во всех случаях, когда «содержание неблагоприятного положения... составляет одну из модальностей осуществления гарантированного права», или если рассматриваемые меры «связаны с осуществлением гарантированного права» (сославшись, в числе прочих, на дело **Petrovic v. Austria**). В данном деле Суд заключил, что предоставляя пособия на воспитание ребенка, Государства демонстрируют уважение к семейной жизни по смыслу Статьи 8 Конвенции; таким образом, такие пособия подпадают под действие этого положения (см., с учетом соответствующих различий, дело **Petrovic v. Austria**, приведенное выше, параграф 30). В результате Статья 14 была признана применимой в данном случае. См. также дело **Niedzwiecki v. Germany (2005 г.)**.

3.2 Имело ли место нарушение материального положения Конвенции

Как отмечалось выше, на практике Суд сначала определяет, имело ли место нарушение какого-либо материального положения, заявленного в дополнение к Статье 14. Если Суд решает, что имело место нарушение материального положения, он часто не рассматривает отдельно жалобу на дискриминацию, за исключением случаев, когда такая жалоба на дискриминацию является основополагающим аспектом дела.

3.3 Имела ли место разница в обращении

В типичной жалобе на дискриминацию заявитель утверждает, что он испытывал или продолжает испытывать неравное обращение по сравнению с другими лицами, которые в схожем с ним положении испытывают лучшее обращение. К примеру, заявитель (напр., женщина) может стремиться продемонстрировать, как лицо или группа лиц противоположного статуса (напр., мужчина) испытывают более благоприятное обращение, чем женщина, находящаяся в сходном с ними положении.

3.3.1 Аналогичные ситуации.

Не любая разница в обращении имеет значение для целей Статьи 14. В большинстве случаев в жалобе на прямую дискриминацию заявитель будет стараться сравнить себя с другими лицами в сопоставимом или аналогичном положении или показать, что он находится в «относительно схожей» ситуации по сравнению с другими. Следовательно, Суду необходимо произвести тест на сопоставимость, т.е. установить схожесть ситуаций, рассматриваемых в поданной жалобе.

- В деле **Belgian Linguistics**, например, Суд решил, что разница в обращении неправомерна, только если она имеет место между лицами, находящимися в относительно схожем положении. См. также дела **National Union of Belgian Police v. Belgium (1975 г.)**; **Willis v. the United Kingdom (2000 г.)**.
- В деле **Lithgow v. The United Kingdom (1986 г.)** Суд определил, что Статья 14 «защищает лиц... «находящихся в аналогичных ситуациях» против дискриминационных различий в обращении» (параграф 177). Заявителю необходимо идентифицировать группу, которая испытывает отличное обращение. См. также дело **Unal Tekeli v. Turkey (2004 г.)**.
- В деле **Van der Musselle v. Belgium (1983 г.)** заявитель, адвокат-стажер, утверждал, что он был поставлен в менее выгодные условия (из-за необходимости оказывать бесплатные юридические услуги) по сравнению с представителями других профессий, которые не должны работать бесплатно, хотя их положение аналогично его положению. Суд отклонил эту жалобу и определил, что существуют фундаментальные различия в стандартах и правилах, применяемых к различным профессиям, что не позволяет сравнивать их между собой для целей данного разбирательства.
- В деле **Fredin v. Sweden (1991 г.)** заявители утверждали, что аннулирование их лицензии на добычу гравия было дискриминационным. Они заявили, что их положение было подобным тому, в котором находились компании, сохранившие свои лицензии, но не в положении тех, кто их лишился вследствие нарушения экологических норм. Суд потребовал, чтобы заявитель доказал, что его положение было подобным тому, в котором находились те, кто сохранил свои лицензии. Однако заявители смогли лишь доказать, что они не были полностью похожи на тех, чьи лицензии были аннулированы. Суд решил, что это не то же самое, что показать, что они были в схожем положении по сравнению с их коллегами, сохранившим лицензию, и поэтому Государство не должно объяснять разницу в обращении по отношению к ним. Суд отметил, что для того, чтобы жалоба могла иметь успех, нужно «доказать, что, среди прочего, положение предполагаемой жертвы можно считать схожим с положением тех, кто испытывал лучшее обращение» (см. параграфы 60-61). См. также дело **Stubblings and Others v. the United Kingdom (1996 г.)**.
- В деле **Odievre v. France (2003 г.)** заявителем была гражданка Франции, мать которой оставила ее на попечение органов здравоохранения Франции вскоре после ее рождения. Мать попросила сохранить происхождение ребенка в секрете. Впоследствии заявительница была удочерена и воспитана в приемной семье. Уже будучи взрослой, она начала поиски информации о своей

биологической семье и с этой целью обратилась во французский суд с запросом на доступ к информации, касающейся ее рождения и ее биологической семьи. Заявительнице было отказано в этом требовании. Она жаловалась, среди прочего, на нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 8. Суд решил, что она не испытывала дискриминации в области семейных отношений так как, во-первых, у нее были родственные связи с ее приемными родителями и потенциальные права на долю в их имуществе и недвижимости, и, во-вторых, она не могла утверждать, что ее положение по отношению к биологической матери было сравнимым с положением детей, которые имели установленные связи с их биологическими матерями.

- В деле **Mizzi v. Malta (2006 г.)** заявитель утверждал, что мальтийский закон был дискриминационным по отношению к нему по причине его статуса в качестве предполагаемого отца, в нарушение его прав, гарантированных Статьей 14 в сочетании со Статьей 6(1) и Статьей 8. Его утверждение основывалось на существовании временных ограничений для мужчин для опровержения отцовства, которые не применялись к другим заинтересованным сторонам, таким как ребенок или мать. Суд вновь отметил, что Статья 14 защищает права лиц, «находящихся в аналогичных ситуациях» против дискриминационной разницы в обращении. В данном деле Суд согласился с тем, что между заявителем и другими заинтересованными сторонами – а именно, ребенком, его матерью и биологическим отцом, возможно, есть различия. Однако, по мнению Суда, существование различия между двумя или более лицами, не исключает того, что они могут находиться в достаточно сравнимом положении и иметь сравнимые интересы. Суд решил, что касательно интереса в опровержении статуса родителя заявитель и «другие заинтересованные стороны» находятся в аналогичном положении согласно смыслу Статьи 14. См. также дело **Paulik v. Slovakia (2006 г.)**.

3.3.2 Отказ в особом обращении

Дискриминация может также возникать там, где имеет место отказ в особом обращении с лицами или группами лиц.

- В деле **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)** заявитель был признан виновным за отказ от службы в армии. Причины его отказа состояли в том, что он был последователем религии «Свидетели Иеговы» и исповедовал пацифизм. Заявитель утверждал, что вследствие признания его виновным он был исключен из профессии дипломированного бухгалтера, и что законодательство не предусматривало никаких различий между теми, кто осужден в результате своих религиозных верований и теми, кто осужден по другим причинам. Заявитель утверждал, что подобное обращение содержит в себе нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 9 о свободе мысли, совести и религии. Суд согласился с тем, что имело место нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 9. Поступая таким образом, Суд расширил свою практику на ситуации, где Государство без объективного и достаточного обоснования отказывается по-разному относиться к лицам, находящимся в значительно разных условиях (см. параграфы 41 и 44). См. также дело **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)** параграф 175.

На практике вопрос о том, находятся ли лица в различных условиях, иногда решается путем обращения к соответствующим объяснениям, выдвинутым Государством. Государства иногда пытаются «нейтрализовать» разницу в обращении, оспариваемую заявителем, с помощью выдвижения других оснований для классификации в группы, особенно если заявитель основывает свою претензию на разнице в обращении по причине принадлежности к «особым категориям» (suspect categories), таким как раса, пол или религия. «Особые категории» - это основания для дискриминации, которые Суд подвергает более тщательному рассмотрению, чем другие классификации, путем применения более высоких требований к обоснованию разницы в обращении (см. ниже, в Разделе 4). Например, заявитель может утверждать, что в отношении него имела место разница в обращении по причине пола; Государство может ответить тем, что разница в обращении была основана на другом,

«неособом» критерии, таком как, например, количество лет трудового стажа (что никак не связано с половой принадлежностью). Если классификация, предложенная Государством (т.е. объяснение разницы в обращении между двумя группами) не принимается Судом, он также с меньшей долей вероятности согласится с тем, что для разницы в обращении имеются «объективные и достаточные» основания согласно смыслу Статьи 14. В этом смысле, рассмотрение этих двух отдельных вопросов часто тесно пересекается.

- В деле **Timishev v. Russia (2005 г.)** Государство заявило, что заявитель претендовал на приоритетное обращение при пересечении границы между Российскими республиками Ингушетия и Кабардино-Балкария, и что это было причиной для отказа ему на въезд. Другими словами, Государство заявило, что по-разному обращалось с теми, кто безосновательно претендовал на приоритетное обращение и теми, кто этого не делал. Заявитель утверждал, что ему было отказано во въезде по причине того, что он был чеченского происхождения (т.е. Государство проводило разницу между чеченцами и не-чеченцами). Суд не нашел объяснения Государства правдоподобными и заключил, что заявитель был в том же положении, что и другие лица, пересекающие границу, и поэтому с ним должны были обращаться таким же образом, как и с остальными.

3.4 Обоснование разницы в обращении

Не всякое неравное обращение приводит к нарушению Статьи 14. Какое-либо различие не является дискриминационным, если у него есть «объективное и достаточное обоснование». Критерии для определения объективного и достаточного обоснования следующие:

Объективное и достаточное обоснование

Разница в обращении может быть объективно и достаточно обоснована, если (1) она преследует законную цель и (2) если способы достижения этой цели в достаточной степени пропорциональны этой цели.

Подход Суда к «обоснованию» применительно к Статье 14 подобен подходу, применяемому по отношению к другим Статьям Конвенции. Например, он решает, есть ли законная цель у рассматриваемых мер и являются ли данные меры необходимыми и пропорциональными.

В основополагающем деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** Суд сформулировал тест на обоснованность различия в обращении и подчеркнул важность как объективных целей, так и принципа пропорциональности (в разделе 1В, параграф 10):

В данном отношении Суд... считает, что принцип равенства обращения нарушается при отсутствии объективного и достаточного обоснования. Существование такого [объективного и достаточного] обоснования должно быть рассмотрено в связи с целью и следствиями рассматриваемой меры, с учетом принципов, обычно преобладающих в демократических обществах. Разница в обращении в пользовании каким-либо из прав, записанных в Конвенции, должна не только преследовать законную цель: Статья 14 также нарушается, когда используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются в достаточной степени пропорциональными друг другу.

См. также дела **Marckx v. Belgium (1979 г.)**, параграф 33; **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)**, параграф 38; **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)**, параграф 72; **Inze v. Austria (1987 г.)**, параграф 41; **Hoffmann v. Austria (1993 г.)** (параграфы 31 и 33); и **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)**, параграф 46.

Применение этого критерия привело к тому, что в большом количестве дел, связанных с нарушением принципа равенства, Суд принимал решение на основе вывода о том, были ли оспариваемые меры объективными и достаточными, а не на основе рассмотрения последствий этих мер для уязвимых групп. Этот критерий подобен тому, что используется для определения оправданности вмешательства в пользование материальными правами, записанными в Конвенции, такими как право на свободу выражения.

Важно отметить, что в ряде недавних дел Суд ограничил возможность обоснования дискриминации.

- В деле **Timishev v. Russia (2005 г.)** Суд счел, что разница в обращении, которая основана только или в решающей степени на этническом происхождении лица, не может быть объективно обоснована в современном демократическом обществе, построенном на принципах плюрализма и уважения к различным культурам (в параграфе 58). Этот подход соответствует Директивам Европейского Союза по расовому равенству и по общим стандартам равенства, согласно которым прямая дискриминация не может быть объективно обоснована.
- В деле **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)** Большая Палата определила, что «когда разница в обращении основывается на расе, цвете кожи или этническом происхождении, понятие объективного и достаточного обоснования должно интерпретироваться максимально строго» (в параграфе 196). Она также сочла, что обоснование, предложенное Правительством – что школьники были помещены в специальные школы по результатам тестов, показывающим их низкие интеллектуальные способности – не может заслуживать доверия в свете предвзятого в культурном отношении характера этих тестов. Большая Палата решила, что «существует опасность, что эти тесты были предвзятыми в культурном отношении и что их результаты не были проанализированы с учетом характерных особенностей и особых черт детей цыганского происхождения, которые сдавали эти тесты. В этих обстоятельствах рассматриваемые тесты не могут служить достаточным обоснованием оспариваемой разницы в обращении» (параграф 201).

3.4.1 Законная цель

Лишь в немногих делах возникает вопрос о законной цели, так как большинство Государств признают, что существующая разница в обращении требует рационального обоснования. Характер представляемого обоснования может варьироваться в зависимости от характера рассматриваемой разницы в обращении. Чаще всего, однако, Государству легко удается доказать, что разница в обращении преследует законную цель.

Например, в деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** законная цель заключалась в эффективной реализации политики по развитию языкового единства двух крупных языковых регионов. В деле **Marckx v. Belgium (1979 г.)** такая цель заключалась в поддержке традиционной семьи. В деле **Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)** это была защита рынка труда и защита общественного порядка. В деле **Hoffmann v. Austria (1993 г.)** она была направлена на защиту здоровья и прав детей. Даже традиционные отличия и иерархическая структура в армии были признаны достаточным обоснованием (в деле **Engel v. Netherlands (1976 г.)**).

Утверждая законную цель разницы в обращении, Государство-ответчик должно доказать не только законность преследуемой им цели, но также продемонстрировать на основе убедительных доказательств связь между такой законной целью и разницей в обращении, оспариваемой заявителем.

- В деле **Darby v. Sweden (1990 г.)** шведское правительство не пыталось обосновать дискриминационную налоговую политику, так как последняя в действительности основывалась не более, чем на административном удобстве. В этом деле заявитель в течение многих лет работал в Швеции без официальной регистрации своего места проживания. Согласно закону, он должен

был уплачивать церковный налог за посещение церкви, прихожанином которой он не являлся, в то время как другие лица в схожей ситуации, имеющие регистрацию по месту проживания, были освобождены от этого налога. Суд не установил законной цели такой разницы в обращении и поэтому решил, что в данном деле имеет место нарушение Статьи 14 (см. параграфы 33 и 33).

3.4.2 Пропорциональность

Критерий пропорциональности предполагает ответ на вопрос, являются ли используемые средства и цель, на которую они направлены, в достаточной степени пропорциональными друг другу.

- В деле **the Belgian Linguistics** Суд определил (в параграфе 10), что Конвенция «не запрещает различия в обращении, которые основаны на объективной оценке принципиально различных фактических обстоятельств и которые, будучи основаны на общественном благе, устанавливают справедливый баланс между защитой интересов общества и уважением прав и свобод, гарантированных Конвенцией». См. также эквивалентные формулировки, содержащиеся в делах **Marckx v. Belgium (1979 г.)** (в параграфе 33); **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)** (в параграфе 38); **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)** (в параграфе 72); и **Unal Tekeli v. Turkey (2004 г.)**.

Критерий пропорциональности предполагает рассмотрение вопроса о том, являются ли неблагоприятные условия, в которые был поставлен заявитель в результате применения рассматриваемой меры, преследующей законную цель, чрезмерными. Если это так, то есть вероятность, что это может означать нарушение Статьи 14.

- В деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** Суд решил, что бельгийская политика по поддержанию языкового единства в бельгийских регионах может быть признана обоснованной и что ее последствия не были чрезмерными по отношению к правам отдельных лиц.
- В деле **National Union of Belgian Police v. Belgium (1975 г.)** Суд счел, что отказ в предоставлении консультативных прав профсоюзу (сделанный на основе его малого размера по сравнению с теми профсоюзами, которые имели такие права) является пропорциональным ограничением. Его правомерность обосновывалась тем, что он устанавливал достаточный баланс между правами профсоюза и интересами наемных работников в обеспечении «последовательной и сбалансированной кадровой политики» (см. параграфы 47-49).
- В деле **Hoffmann v. Austria (1993 г.)** Суд счел, что разница в обращении по религиозному признаку, имеющая законную цель, непропорциональна этой цели (см. параграфы 34 и 36).

В деле **Paulik v. Slovakia (2006 г.)** Суд, признав, что законный интерес в защите семейных отношений и интересов детей может быть достаточным обоснованием для разницы в обращении, решил, тем не менее, что используемое с этой целью средство, а именно запрещение заявителю оспаривать отцовство, является непропорциональным по отношению к этой цели и, таким образом, нарушает Статью 8 в сочетании со Статьей 14.

3.5 Пределы свободы усмотрения Государства

В нескольких решениях Суд отметил, что Государства-участники обладают определенной «свободой усмотрения» в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении. Принцип пределов свободы усмотрения Государства не часто упоминается в разбирательствах по делам, связанным с нарушением Статьи 14.

- Дело **Handyside v. The United Kingdom (1976 г.)** стало главным прецедентом обращения Суда к принципу пределов свободы усмотрения - в данном деле в контексте Статьи 10 (свобода выражения). В этом деле заявитель пытался доказать, что целью наложения ареста на публикацию «Маленького красного учебника» (*Little Red Schoolbook*), справочного пособия для детей школьного возраста, содержащего информацию о сексе и других вопросах, было не защитить основы морали, а «заткнуть рот мелкому издателю, чьи политические симпатии были с неодобрением восприняты частью общественного мнения». Суд должен был решить, являлось ли привлечение к ответственности лиц, опубликовавших эту книгу, нарушением гарантии свободы выражения, записанной в Статье 10. Суд заметил, что не существует общеевропейского понимания «морали», и счел, что Государства обладают широкой свободой усмотрения в том, что касается оценки мер, необходимых для защиты нравственности. Подтверждая вспомогательный характер механизма защиты, предусмотренного Конвенцией, Суд решил (в параграфе 48), что:

По причине своего прямого и продолжающегося контакта с жизненно важными структурами своих стран органы власти Государства в принципе находятся в лучшей позиции, чем международный судья, чтобы дать точную оценку содержания этих требований, а также «необходимости» «ограничения» или «санкций», предназначенных для их достижения.

Суд дал некоторые рекомендации касательно факторов, которые могут повлиять на пределы свободы усмотрения. Пределы свободы усмотрения различаются в зависимости от обстоятельств, существа дела и его предпосылок; в этом отношении одним из значимых факторов может быть существование или отсутствие общности подходов, принятых в законодательстве Государств-участников.

- В деле **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)** заявитель утверждал, что датские законы нарушали его права согласно положениям Статьи 14 в силу того, что ограничивали временными рамками его право на оспаривание отцовства ребенка, рожденного во время брака, в то время как его бывшая жена могла инициировать такое разбирательство в любое время. Суд счел, что ему не обязательно рассматривать вопрос о том, находились ли муж и жена в аналогичных ситуациях, так как «обстоятельства и интересы, о которых здесь идет речь, также имеют значение для определения того, была ли обоснована разница в обращении». В том, что касается последнего вопроса, Суд решил положиться на свободу усмотрения Государств-участников, отметив, что одним из значимых факторов в этом отношении может быть существование или отсутствие общности подходов, принятых в законодательстве Государств-участников. В данном деле Суд не обнаружил такой общности подходов, так как положение матери и отца в разных правовых системах регулируется по-разному и поэтому датские власти имели право полагать, что данная разница в обращении была оправданной (параграфы 40-41). См. также дело **Petrovic v. Austria** (параграфы 38-39).

При определении пределов свободы усмотрения Суд иногда прибегает к сравнительному анализу национального законодательства и национальной судебной практики. Однако во многих случаях он также ссылаясь на другие инструменты международного права.

- В деле **Burghartz v. Switzerland (1994 г.)** Суд сослался на Американскую конвенцию о правах человека и на Международный пакт о гражданских и политических правах для того, чтобы продемонстрировать общность подходов, существующих в отношении права на имя (см. параграф 24).

В случае «общих мер экономической и социальной стратегии» Суд обычно предоставляет широкую свободу усмотрения (см. дело **Burden and Burden v. the United Kingdom (2008 г.)**). В делах, связанных с налоговой политикой государства, Суд редко вступает в спор с государством, определив, что «в основном государство должно само решать, как лучше всего установить баланс между растущими

доходами и достижением социальных целей» (**Burden and Burden v. the United Kingdom**; см. также дело **Stec and Others v. the United Kingdom (2006 г.)**)

Важно отметить, что в делах по Статье 14, связанных с различиями по особым признакам, таким как пол, внебрачное рождение или национальность, пределы свободы усмотрения сужаются (см. дела **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)**, **Inze v. Austria (1987 г.)** и **Gaygusuz v. Austria (1996 г.)** ниже; также см. дело **Stec and Others v. the United Kingdom (2006 г.)**, в котором разница в назначении социальных пособий была признана не выходящей за пределы свободы усмотрения Государства). Даже тогда, когда Государство имеет широкую свободу усмотрения, его право усмотрения не является неограниченным и подлежит оценке Суда. Так, в деле **Fretté v. France (2002 г.)** Суд постановил, что свобода усмотрения не должна пониматься так, как будто она дает Государству право на произвол; решение властей в любом случае остается подлежащим оценке Суда на предмет соответствия требованиям Статьи 14 Конвенции (см. параграф 41).

4 ОСНОВАНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ

4.1 Введение

4.1.1 Указанные признаки

Текст Статьи 14 содержит исчерпывающий перечень потенциальных признаков, по которым запрещена дискриминация. Этот перечень включает:

Указанные признаки

- Пол
- Раса
- Цвет кожи
- Язык
- Религия
- Политические или иные убеждения
- Национальное или социальное происхождение
- Принадлежность к национальным меньшинствам
- Имущественное положение
- Рождение
- «любые иные признаки» – другие признаки, по которым запрещена дискриминация согласно решениям Суда, включают неуказанные признаки, рассматриваемые далее.

Указанные признаки подобны тем, которые включены в другие международные механизмы по правам человека.

4.1.2 Неуказанные признаки («любые иные признаки»)

Согласно практике Суда, любое различие может быть дискриминационным. Это подтверждается выражением «любые иные признаки» в Статье 14, которое подразумевает наличие дополнительных оснований дискриминации (решение о них принимается индивидуально в каждом конкретном случае). Другими словами, признаки, перечисленные в Статье 14 - это лишь наглядные примеры категорий, которые могут лежать в основе незаконной дискриминации; различия, основанные на других категориях, также могут быть запрещенными.

- В деле **Engel v. Netherlands (1976 г.)** Суд рассмотрел вопрос о том, может ли воинское звание быть запрещенным признаком дискриминации. Он заметил (в параграфе 72), что перечень признаков, указанных в Статье 14 является «иллюстративным, а не исчерпывающим, что следует из слов “any ground such as” - «любому признаку, такому как» (по-французски “notamment”).¹ Суд также счел, что слово «признак» (status) может включать и воинское звание.
- В деле **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)** Суд (в параграфе 34) счел, что необязательно исследовать, по какому признаку оспариваемая разница в обращении имеет место, так как «перечень признаков, указанных в Статье 14 не является исчерпывающим».

Суд установил, что разница в обращении по следующим признакам составляет дискриминацию, несмотря на то, что эти признаки отсутствуют в тексте Статьи 14.

¹ В русском переводе текст Конвенции звучит иначе: «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, ...или по любым иным признакам». – Примечание переводчика.

Неуказанные признаки ('иные признаки') включают, но не исчерпываются следующим:

- Семейное положение¹
- Сексуальная ориентация³
- Рождение в браке и вне брака⁵
- Профессиональный статус²
- Воинское звание⁴
- Инвалидность⁶

4.1.3 Особые признаки

Тщательность и глубина рассмотрения дела Судом может варьироваться в зависимости от признаков, по которым имеет место различие. Суд подвергает разницу в обращении по некоторым признакам (иногда называемым «особыми» характеристиками или категориями) более тщательному изучению, чем разницу в обращении по каким-либо другим признакам. В таких случаях Государству труднее обосновать неравное обращение; пределы свободы усмотрения Государства менее широкие. Обоснование разницы в обращении по особым признакам требует наличия «веских причин» или очень веских причин. Например, в деле **Gaygusuz v. Austria (1996 г.)** Суд счел, что для обоснования правомерности дискриминации по признаку национального происхождения необходимы веские причины.

Формула «веских причин» была использована в практике Суда по отношению к следующим «особым признакам»: различия, основанные на расе, половой принадлежности; религии; национальности; рождения ребенка в браке или вне брака; а также сексуальной ориентации.

Последние три признака, по мнению Суда, относятся к «иным признакам» и требуют такого же уровня тщательности рассмотрения, как и случаи, связанные с первыми тремя «особыми признаками».

В делах **East African Asians v. the United Kingdom (1973 г.)** и **Cyprus v. Turkey (2001 г.)** (которые будут более подробно рассмотрены ниже), Суд решил, что дискриминация по признаку расы имеет настолько серьезный характер, что она может быть приравнена к унижающему достоинство обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции. Признание Судом серьезного характера дискриминации делает практически невероятной возможность непризнания ее в качестве особого признака, несмотря на то, что выражение «веские причины» не использовалось Судом по отношению к расе. Касательно этого вопроса смотрите также дело **Moldovan and Others v. Romania (No. 2) (2005 г.)**, рассматриваемое ниже.

В деле **Glor v. Switzerland (2009 г.)** Суд впервые установил нарушение права заявителя на защиту от дискриминации по признаку инвалидности. Суд установил нарушение в том, что швейцарские власти не предоставили заявителю возможности найти решение проблемы, которое соответствовало бы его индивидуальным обстоятельствам. Важным моментом является то, что Суд напрямую сослался на Конвенцию ООН о правах инвалидов в качестве доказательства существования европейского и общечеловеческого консенсуса по вопросу о необходимости защиты лиц, имеющих инвалидность, от дискриминационного обращения (см. ниже параграф 1.11.3).

4.1.4 Дискриминация, основанная на презюмируемых характеристиках

В деле **Timishev v. Russia (2005 г.)** Суд отметил, что Статья 14 запрещает дискриминацию не только тогда, когда человек является членом дискриминируемой группы, но также и в тех случаях, когда он «всего лишь воспринимается в качестве члена этой группы» (в параграфе 54).

1 См. дело **McMichael v. the United Kingdom (1995 г.)**.

2 См. дело **Van der Musselle v. Belgium (1983 г.)**; и дело **Rekvenyi v. Hungary (1999 г.)**.

3 См. дела **Salgueiro da Silva Mouta v. Portugal (1999 г.)**; **Frette v. France (2002 г.)**; и **Karner v. Austria (2003 г.)**.

4 См. дело **Engel and others v. the Netherlands (1976 г.)**.

5 См. дела **Marckx v. Belgium (1979 г.)**; **Inze v. Austria (1987 г.)**; **Vermeire v. Belgium (1991 г.)**; и **Mazurek v. France (2000 г.)**.

6 См. дело **Glor v. Switzerland (2009 г.)**.

4.2 Различия по признаку пола

Несмотря на существование широко распространенного гендерного неравенства в Европе, Суд не сформировал пока существенного объема решений по вопросу дискриминации в отношении женщин в рамках Статьи 14.

В деле **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)** Суд впервые постановил, что так как достижение равенства полов – это ключевая цель в Государствах-членах Совета Европы, «должны быть представлены очень веские причины», прежде чем разница в обращении по признаку пола может быть признана совместимой с Конвенцией (в параграфах 78-81).

- В деле **Abdulaziz** разница в обращении по признаку пола была прямо предусмотрена законодательством Великобритании. Заявительницами были женщины, которые постоянно и на законных основаниях проживали в Соединенном Королевстве. По иммиграционным правилам мужьям заявителек было отказано в возможности остаться с ними или приехать к ним жить в Великобританию, в то время как другие жены в сходном с ними положении не страдали от таких ограничений. Произведенный Судом анализ предложенного обоснования этой меры является ключевым аспектом вынесенного решения. Правительство пыталось обосновать разницу в обращении тем, что эти две категории лиц находились в разном положении. Правительство заявило, что мужья-иммигранты по-другому влияли на рынок труда, так как по статистике более заинтересованы в трудоустройстве, чем женщины. Суд, согласившись с тем, что защита рынка труда является законной целью, решил, однако, что такие статистические данные недостаточны, и что возможное различное влияние на рынок труда не достаточно для того, квалифицироваться в качестве «очень веских причин». Суд заключил, что в данном деле имеет место нарушение Статьи 14 по признаку пола.
- В деле **Schuler-Zraggen v. Switzerland (1993 г.)** заявительница была лишена пенсии по инвалидности в результате решения национального Суда, которое основывалось на том, что так как она была женщиной с маленьким ребенком, она в любом случае не могла бы работать вне дома. Суд счел, что для обоснования такой разницы в обращении не имелось веских причин и поэтому в данном деле имеет место нарушение Статьи 14 при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 6. Смотрите также дело **Wessels-Bergervoet v. the Netherlands (2002 г.)**.
- В деле **Unal Tekeli v. Turkey (2004 г.)** заявитель утверждал, что отказ национальных властей в возможности пользоваться только своей девичьей фамилией (не брать фамилию мужа) после заключения брака нарушает Статью 14. Суд не согласился с возражением Государства в том, что выбор фамилии не входит в область применения Статьи 8. Он решил, что, хотя в Статье 8 не содержится прямых ссылок на фамилии, имя человека – это средство его личной идентификации и родственных связей и поэтому касается его частной жизни (параграф 42). Суд заметил, что предлагаемое обоснование должно оцениваться в контексте принципов, обычно доминирующих в демократических обществах (в параграфе 50). Он решил, что фактическая разница между женатыми мужчинами и замужними женщинами в Турции, их социальный статус и экономическая зависимость не могут быть оправданием разницы в обращении. Суд отметил, что в отношении мер, принимаемых для защиты единства семьи, Государства располагают свободой усмотрения. Вместе с тем, Суд еще раз подтвердил, что Статья 14 требует, чтобы любые такие меры применялись одинаковым образом и к мужчинам, и к женщинам, за исключением случаев, когда разница в обращении оправдана очевидными причинами (в параграфе 58). Суд отметил важность принципа равенства полов в системе Совета Европы, в международном праве и среди Государств-участников. Он также отметил, что Турция является единственной страной, где закон требует принятия фамилии мужа замужней женщиной. Суд счел, что законная цель защиты семейного единства также могла быть достигнута посредством использования фамилии жены в качестве общей фамилии супругов. Заключив, что цель отражения семейного единства

посредством общей фамилии не может быть достаточным основанием для рассматриваемой разницы в обращении, Суд установил нарушение Статьи 14 при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 8.

- В деле **Opuz v. Turkey (2009 г.)** Суд впервые установил, что насилие по отношению к женщинам является дискриминацией по смыслу Статьи 14. Заявительница и ее мать в течение ряда лет подвергались насилию и унижениям со стороны ее мужа и сообщали об этих случаях насилия в полицию (хотя некоторые из этих заявлений были отозваны). С течением лет насилие усугублялось, однако действия властей были минимальными. В одном случае, например, заявительница была госпитализирована после того, как ее муж семь раз ударил ее ножом, за что всего лишь должен был заплатить штраф. В конечном итоге мать заявительницы была убита ее мужем. Муж заявительницы был признан виновным и приговорен к пожизненному заключению, однако, в силу того, что было решено, что он совершил убийство ради защиты своей чести, его приговор был сокращен до 15 лет, и до рассмотрения апелляции он был отпущен на свободу. Апеллируя к сравнительным правозащитным стандартам, Суд установил неспособность государства адекватно отреагировать на жестокость в отношении женщин как форму дискриминации. Суд заметил, что «общая и дискриминационная пассивность судебной власти в Турции, хоть и непреднамеренная, в основном негативно сказывалась на женщинах... насилие, от которого страдали заявительница и ее мать может считаться насилием по признаку пола, что есть форма дискриминации против женщин» (параграф 200). Рассматривая домашнее насилие как вопрос, затрагивающий интересы общества, а не как частное или семейное дело, Суд решил, что Государство обязано обеспечить защиту, а также эффективно расследовать, преследовать по закону и наказывать виновников домашнего насилия (параграф 171). Данное дело подчеркивает подход Суда к домашнему насилию и насилию против женщин вообще как к форме дискриминации, запрещенной международным правом, а неспособность эффективно реагировать на такое насилие как дискриминацию согласно Статье 14. Такой подход Суда согласуется с другими международными механизмами защиты прав человека, которые признают насилие против женщин в качестве одной из форм дискриминации (параграф 184).

Дело **Opuz, Schuler-Zraggen, Unal Tekeli** и дело **Abdulaziz** отражают жесткий подход Суда к стереотипным и традиционным представлениям о роли мужчины и женщины в публичной и частной жизни.

Суд также рассмотрел большое количество дел, связанных с дискриминацией по признаку пола в отношении мужчин.

- Дело **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)** стало первым случаем, когда Суд рассматривал дело, связанное с дискриминацией по признаку пола. Оно касалось датского закона, который ограничивал временными рамками возможность для женатых мужчин инициировать судебное разбирательство по установлению рождения ребенка от другого отца, в то время как для жены и матери закон не предусматривал временных ограничений для подачи такого иска. Сочтя, что муж и мать ребенка находятся в аналогичном положении, Суд перешел к вопросу о том, есть ли объективное и достаточное обоснование такой разницы в обращении. Он решил, что временные ограничения для начала разбирательства по установлению отцовства были законными для обеспечения юридической определенности и защиты интересов ребенка. Он отметил важность принципа свободы усмотрения Государства по этому вопросу в условиях недостатка общности подходов между Государствами-участниками, а также тщательное исследование и оценку ситуации, предпринимаемую Государством во время введения оспариваемого закона. Учитывая принцип свободы усмотрения, Суд решил, что Государство не нарушило принцип пропорциональности по отношению к Статье 14 и не нарушило Статью 14 в сочетании со Статьями 6 и 8.

- В деле **Burghartz v. Switzerland (1994 г.)** семейная пара утверждала, что отказ швейцарских властей зарегистрировать фамилию жены в качестве их общей фамилии составляет дискриминацию по признаку пола. Изучив выдвинутое Государством обоснование, Суд отверг аргументы Государства, относящиеся к традициям и использованию общей фамилии после брака для укрепления семейного единства. При вынесении решения о нарушении Статьи 14 Суд сослался на эволюцию в интерпретации Конвенции в свете изменяющихся условий в Государствах-участниках (особенно растущей важности принципа запрета дискриминации), и отверг аргументы, связанные с семейным единством и традицией (см. параграфы 28-29).
- В деле **Petrovic v. Austria (1998 г.)** Суд счел, что пособие по уходу за ребенком, предусмотренное для матерей и не предусмотренное для отцов, не нарушает Статью 14 в сочетании со Статьей 8. Суд решил, что хотя в данном случае законом установлена разница в обращении по признаку пола, эта разница может быть обоснованной. Государство не вышло за пределы своей свободы усмотрения и имело право решать, «оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении». Следовательно, разница в обращении, оспариваемая заявителем, не была дискриминационной в контексте Статьи 14 (параграфы 37-38).
- В деле **Van Raalte v. Netherlands (1997 г.)** заявитель жаловался на то, что освобождение от уплаты налога на воспитание детей, предоставляемое женщине, и не предоставление такого освобождения мужчине, находящемуся в сходном положении, является дискриминацией по признаку пола. Суд заметил, что взимание налога с неженатых бездетных мужчин в возрасте 45 лет и старше и не взимание этого налога с незамужних бездетных женщин, без всякого сомнения, составляет разницу в обращении по отношению к лицам в сходных условиях по признаку пола. Суд не обнаружил достаточно веских причин для оправдания такой разницы в обращении и решил, что в данном деле есть нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 1 Протокола 1 (см. параграфы 42-44).
- В деле **Zarb Adami v. Malta (2006 г.)** заявитель жаловался на дискриминационный характер назначения присяжных заседателей по причине того, что женщинам предоставлялось освобождение от выполнения функций присяжного заседателя, а мужчинам нет. Заявитель утверждал, что данные правила нарушали Статью 4(3)(d) в сочетании со Статьей 14, сославшись на практику Суда в отношении «обычных гражданских обязанностей» (упомянув дела **Karlheinz Schmidt v. Germany (1994 г.)** и **Van der Musselle v. Belgium (1983 г.)**) Суд отметил, что жалоба не содержала точных формулировок из соответствующих национальных положений, тогда как на самом деле закон не делал различий между полами, но лишь влиял на ситуацию на практике, например, в том, как составлялись списки присяжных или какие критерии применялись для освобождения от обязанности выполнять функции присяжного. В результате женщины составляли лишь небольшой процент от общего числа присяжных заседателей. Напомнив свое более раннее решение по делу **Hugh Jordan v. United Kingdom**, согласно которому статистические данные сами по себе не являются достаточным доказательством существующей дискриминации (параграф 154), Суд определил, что согласно статистическим данным гражданская обязанность выполнять функции присяжного заседателя возлагалась преимущественно на мужчин (параграф 78), следовательно, имеет место разница в обращении по отношению к мужчинам и женщинам. Подчеркнув, что для обоснования правомерности различия по признаку пола требуются веские причины, и не найдя таковых в данном случае, Суд установил нарушение Конвенции (параграф 80). Смотрите также дело **Zeman v. Austria (2006 г.)**.
- В деле **Hobbs, Richard, Walsh and Green v. the United Kingdom (2007 г.)** заявителями являлись пожилые вдовцы, которым было за 90 лет. Полагаясь на Статью 14 и Статью 1 Протокола 1, они жаловались, что власти отказались назначить им Пособие для вдов по смерти супруга (Widow's Bereavement Allowance) или эквивалентно уменьшить налоговые выплаты по доходам

на основании их пола. В то время, когда было введено Пособие для вдов, супружеские пары облагались налогом как единое целое, с предусмотренной налоговой льготой для мужчины в отношении дохода жены, в то время как женщины получали лишь льготу для незамужней вдовы. Пособие для вдов позже было отменено, так как оно не служило цели исправления неравенства между вдовами и вдовцами. Суд решил, что в то время, когда заявителям было отказано в получении указанного пособия, разница в обращении в отношении мужчин и женщин, выраженная в существовании этого пособия, не была объективно и достаточно обоснована, поэтому имело место нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 1 Протокола 1.

4.3 Различия по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения

Суд относится к дискриминации, основанной на расовой принадлежности, особенно серьезно. Дискриминация по признаку этнического происхождения является формой расовой дискриминации (дело **Timishev**, параграф 56; дело **D.H. and Others v. Czech Republic (2007 г.)**, параграф 176).

Большая Палата сочла, что «расовая дискриминация является особенно недопустимой формой дискриминации», имеющей «крайне опасные последствия» (дело **Timishev**, параграф 56; **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)**, параграф 176). По этой причине необходимы особая бдительность и решительные меры, и «власти должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для борьбы с расизмом и расовым насилием, утверждая таким образом демократическое понимание общества, в котором разнообразие воспринимается не как угроза, а как источник благополучия» (**Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.)**, в параграфе 146).

Таким образом, расовая дискриминация также образует «особую категорию», требующую более строгого подхода.

- В деле **East African Asians v. the United Kingdom (1973 г.)** Комиссия впервые подчеркнула серьезность расовой дискриминации, однако не использовала в этом контексте принцип «очень веских причин». Комиссия постановила, что дискриминация по признаку расовой принадлежности должна считаться особым поруганием человеческого достоинства; при отягощающих обстоятельствах она может приравниваться к унижающему достоинство обращению. Данное дело касалось недопущения в Великобританию лиц азиатского происхождения из Восточной Африки, являющихся гражданами Великобритании различных категорий, которые стремились въехать в страну из-за сложной политической ситуации в Восточной Африке. Оспариваемый закон предоставлял право беспрепятственного въезда в страну лицам, предки которых (бабушки или дедушки) постоянно проживали в Соединенном Королевстве, и таким образом действовал в пользу «белых» эмигрантов, но не жителей Восточной Африки азиатского происхождения. Комиссия решила, что «дискриминация, основанная на расовой принадлежности, может в некоторых случаях приравниваться к унижающему достоинство обращению по смыслу Статьи 3» Конвенции и что «к дискриминации, основанной на расовой принадлежности нужно подходить с особым вниманием» (в параграфах 207 и 208).
- В недавнем деле **Cyprus v. Turkey (2001 г.)**, касающемся систематической дискриминации против греков-киприотов в Северном Кипре, Суд сходным образом решил, что условия, в которых были вынуждены жить люди, являются уничижительными и противоречащими самому понятию уважения человеческого достоинства. Сославшись на дела **East African Asians v. the United Kingdom (1973 г.)** и **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)**, Суд отметил, что к дискриминации, основанной на расовой принадлежности нужно подходить с особым вниманием и что такая форма дискриминации может быть приравнена к унижающему достоинство обращению, запрещенному Статьей 3 (в параграфе 306). Поэтому, по мнению Суда, нет необходимости рассматривать этот вопрос отдельно относительно Статьи 14 (см. параграфы 310-311 и 314-315). Смотрите далее раздел 8.2 о связи дискриминации и Статьи 3 Конвенции.

- В деле **Timishev v. Russia (2005 г.)** и в совсем недавнем деле **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)** Суд счел проблему расовой дискриминации настолько серьезной, что постановил, что «никакая разница в обращении, основанная исключительно или в решающей степени на этническом происхождении лица, не может быть объективно обоснована». (Дело **Timishev v. Russia (2005 г.)**, параграф 58).

Несмотря на серьезность этой проблемы, Суд и Комиссия редко устанавливали нарушения в делах, связанных с расовой дискриминацией. Большинство жалоб на расовую дискриминацию были отвергнуты Судом вследствие сложившегося подхода к стандартам доказательства случаев дискриминации. Как показывает практика, чаще всего так происходило в делах, связанных с косвенной дискриминацией и расово-мотивированным насилием.

- В деле **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)** Суд отказался принять во внимание доказательства косвенной дискриминации по признаку расовой принадлежности. Оспариваемый закон, относящийся к иммиграционным правилам, по форме был нейтральным, однако заявители утверждали, что он был косвенно дискриминационным в силу того, что они страдали от этого закона в непропорционально большой степени. Суд отверг это утверждение, найдя другие объяснения данному непропорциональному воздействию, включая довод о том, что некоторые этнические группы просто количественно превосходят другие группы (см. параграфы 84-86). Суд решил, что рассматриваемые иммиграционные правила применялись ко всем людям без различия их по признаку расового или этнического происхождения, и что при установлении правил въезда в страну правомерно оказывать предпочтение лицам, имеющим с ней прочную связь.

В Суд было подано ряд жалоб, связанных с нарушениями Статьи 2 (право на жизнь) и Статьи 3 (Запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания), которые предполагалось рассматривать в сочетании со Статьей 14. Суд, однако, не спешил признавать связь между насильственными действиями и какой бы то ни было расовой мотивацией; отсутствие доказательств затрудняло установление нарушений.

- В деле **Velikova v. Bulgaria (2000 г.)** заявительница и ее партнер были цыганами. Партнер заявительницы умер, проведя 12 часов под стражей в полиции. Она утверждала, что имело место нарушение права на жизнь согласно Статье 2, а также нарушение Статьи 14 в силу того, что причиной жестокого обращения полиции с ее партнером было его этническое происхождение. Суд указал, что стандарт доказательства в рамках Конвенции - «доказанность вне всякого разумного сомнения». Суд решил, что представленные материалы не позволяют ему вне всякого разумного сомнения заключить, что смерть жертвы и ненадлежащее расследование этого дела властями были мотивированы расовой предвзятостью. Следовательно, Статья 14 нарушена не была. См. также дело **Anguelova v. Bulgaria (2002 г.)**.
- В деле **Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.)** Суд впервые установил нарушение гарантии защиты против расовой дискриминации согласно Статье 14 совместно со Статьей 2. Заявители были родственниками двух мужчин-цыган, застреленных болгарской военной полицией при попытке их ареста. В дополнение к утверждению о нарушениях материальных и процессуальных аспектов Статьи 2 и Статьи 13, они утверждали, что произошедшие убийства и нежелание их расследовать объяснялись расовой дискриминацией по отношению к лицам цыганского происхождения и поэтому нарушали Статью 14 в сочетании со Статьей 2, и в материально-правовых и в процессуальных аспектах.

Хотя Палата изначально вынесла решение в пользу заявителей в отношении их жалобы на материальное нарушение Статьи 14, Большая Палата на основе фактов не сочла установленным (применяя при этом свой принцип «доказанность вне всякого разумного сомнения»), что расизм

был причинным фактором убийства. Большая Палата не нашла, в частности, достаточных доказательств расистских высказываний со стороны офицеров полиции, ответственных за убийства, и общих доказательств проявлений расизма против цыган со стороны болгарской полиции. Более того, Большая Палата не была готова перенести на Государство бремя доказывания «отсутствия особого субъективного отношения со стороны» офицеров полиции, связанных с этим делом. Решив не перекладывать бремя доказывания на Государство, Большая Палата отклонилась от подхода, заложенного ранее Палатой.

По отношению к утверждению о процессуальном нарушении Статьи 14 Большая Палата последовала позиции Палаты, заключающейся в том, что Государства имеют процессуальную обязанность в рамках Статьи 14 в сочетании со Статьей 2 расследовать возможные расистские мотивы насильственных действий (в параграфах 156-159). Большая Палата отметила, что эта процессуальная обязанность может следовать из одной Статьи 2 в дополнение к Статье 14 в сочетании со Статьей 2. Она сочла, что власти располагали правдоподобной информацией, которой было достаточно для того, чтобы обратить их внимание на необходимость проведения начальной проверки и, в случае необходимости, полного расследования возможных расистских мотивов, лежащих в основе произошедших убийств. Она пришла к заключению, что власти не провели надлежащего расследования этих вопросов, что привело к нарушению Статьи 14 в сочетании со Статьей 2 в отношении процессуальных аспектов.

При рассмотрении этого дела и Палатой, и Большой Палатой Суд придал особое значение наличию национальных и международных данных о широко распространенной дискриминации против цыган в Болгарии. Суд также заметил, что данное дело – самое последнее в серии дел, связанных с подобными жалобами на дискриминацию в отношении цыган в контексте правоприменения.

Ряд судей в данном деле высказали свое особое мнение по поводу того, что касается перемещения бремени доказывания в случаях предполагаемого материального нарушения Статьи 14 в сочетании со Статьей 2. Из решения Суда следовало, что ввиду сложностей доказывания, с которыми столкнулось бы Правительство, лишь в редких случаях (если вообще когда-нибудь), было бы правильным перекладывать бремя доказывания и требовать от Правительства, чтобы оно опровергло расовые мотивы убийств. Судья Братза (Bratza), однако, заметил, что он может «легко представить себе случаи, когда в связи с убийством, совершенным представителем правоохранительных органов Государства, представленные доказательства являются достаточно серьезными для того, чтобы бремя доказывания было перенесено на Государство-ответчика, которое, в свою очередь, должно доказать, что убийство не имело расовых мотивов». Другая группа, состоявшая из шести судей не согласилась с привязкой Статьи 14 к материальным и процессуальным аспектам Статьи 2 по отдельности, предпочитая вместо этого общий подход. Более того, они сочли, что факты дела, рассмотренные в целом, указывают на нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 2 и что «ограничивая установление нарушения процессуальным аспектом, большинство судей не придали достаточного веса серьезным, явным и неопровергнутым предположениям, вытекающим из фактических данных по этому делу при их рассмотрении в целом, что заставляет установить нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 2 Конвенции».

Относительно недавно Суд рассматривал вопрос о «материальных» и «процессуальных» нарушениях Статьи 14 в сочетании с другими положениями Конвенции. Неустановление Судом в деле **Hasan Ilhan v. Turkey (2004 г.)** «материального» нарушения при наличии веских доказательств расового мотива совершенного преступления, подверглось жесткой критике судей, высказавших особое мнение по этому делу.

- В деле **Hasan Ilhan v. Turkey (2004 г.)** заявитель утверждал, что по причине принадлежности к курдскому этническому меньшинству он был подвергнут дискриминации в нарушение Статьи

14 Конвенции в сочетании со Статьями 3, 6, 8 и 13 и Статьи 1 Протокола 1. Он утверждал, что разрушение его семейного дома и имущества стало результатом официальной политики, которая являлась дискриминационной по отношению к нему по причине его принадлежности к этническому меньшинству. Суд снова счел, что для обоснования этого утверждения нет достаточной фактической базы, и заключил, что Статья 14 не была нарушена. Двое судей, однако, в своих особых мнениях выразили резкое несогласие с решением об отсутствии дискриминационных мотивов данных нарушений и об отсутствии нарушения Статьи 14. Судья Лукайдес (Loucaides) заявил, что он:

...не готов согласиться с мнением большинства в том, что Статья 14 Конвенции в данном деле не была нарушена. Изучив факты этого дела, я не могу найти какой-либо другой причины или объяснения полному разрушению собственности заявителя и выселению его семьи из их деревни, как это описано в решении по этому делу, кроме того, что заявитель был курдского происхождения.

Судья Лукайдес посчитал крайне важным тот факт, что Судом было рассмотрено большое количество других подобных дел против Турции, в которых Суд обнаружил схожие нарушения против лиц курдского происхождения в результате военных операций. Эти действия были осуществлены сотрудниками сил безопасности, которые применяли один и тот же способ совершения преступления, при котором цели, причины, методы и результаты были поразительно похожи на то, что произошло в данном деле. Более того, основываясь на решении Палаты в деле **Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.)**, судья Лукайдес принял во внимание то, что Государство не провело должного расследования данных о серьезных нарушениях при исполнении должностных обязанностей со стороны сил безопасности. Он также подверг критике критерий доказательства «вне всякого разумного сомнения», предъявляемый Судом. Судья Муларони (Mularoni) также счел, что Статья 14 была нарушена. Он тоже отметил большое количество подобных жалоб против Турции, поданных турецкими гражданами курдского происхождения. Он, как и судья Лукайдес, критически высказался по отношению к стандартам доказательств, применявшихся до этого момента Судом. По его мнению, такой подход делает практически невозможным для заявителей успешно доказать факт дискриминации.

Однако впоследствии Суд продемонстрировал большую готовность к установлению «процессуальных» нарушений Статьи 14 в делах, касающихся расово-мотивированного насилия.

В деле **Bekos and Koutropoulos v. Greece (2005 г.)** заявители были гражданами Греции цыганского происхождения, которые были арестованы по подозрению в краже со взломом. Они утверждали, что их избивали, им угрожали, подвергали расовой дискриминации во время нахождения под арестом в полиции и что последующее расследование их жалоб на эти действия было неудовлетворительным. Заявители жаловались на нарушения Статьи 3 Конвенции и в отношении пережитого жестокого обращения, и в отношении неспособности Государства провести соответствующее расследование. Они утверждали, что жестокое обращение по отношению к ним, а также последующее бездействие властей по проведению расследования отчасти объяснялись их этническим происхождением, что является нарушением Статьи 14.

Что касается «материальной» жалобы на расовую дискриминацию, Суд последовал позиции Большой Палаты, сформулированной в деле **Nachova and Others v. Bulgaria**, в соответствии с которой заявители должны доказать «вне всякого разумного сомнения», что рассматриваемые насильственные действия были основаны на расовых предрассудках. В данном деле Суд счел, что поведение офицеров полиции само по себе было недостаточным основанием для заключения о том, что обращение, с которым столкнулись заявители со стороны полиции, основывалось на расистских мотивах. Далее Суд счел, что общие данные о жестоком обращении к цыганам в Греции не доказывают жестокого обращения в данном деле. В заключение Суд решил, что отсутствие

расследования Государством вопроса расовой мотивации не может служить причиной перекладывания бремени доказывания на Государство относительно материальной жалобы; это была отдельная «процессуальная» жалоба.

В связи с предполагаемым процессуальным нарушением Статьи 14 Суд отметил, что на практике крайне сложно доказать факт наличия расово-мотивированной дискриминации. Следовательно, обязанность Государства расследовать возможную расовую окраску насильственных действий – это не простое обязательство, а обязанность приложить к такому расследованию максимум усилий. Суд обратил внимание на то, что доказательства расовой дискриминации против цыган полицией Греции были переданы властям страны вместе с данными международных организаций. По мнению Суда, такие доказательства требовали тщательного изучения властями. В данном случае, однако, несмотря на правдоподобные данные о том, что предположительно имевшее место жестокое обращение было расово-мотивированным, какого-либо серьезного расследования, судя по представленной информации, властями проведено не было. Они не пытались, например, проверить утверждения заявителей, касающихся расовой дискриминации, или выяснить, не были ли полицейские, участвовавшие в рассматриваемых событиях, ранее участниками подобных инцидентов. Суд заключил, что власти Государства не выполнили своих обязанностей по Статье 14 по принятию всех возможных мер по расследованию возможного наличия дискриминации в данных событиях.

- В деле **Šečić v. Croatia (2007 г.)** заявитель был атакован неизвестными мужчинами, которые избили его, выкрикивая при этом расовые оскорбления. Вскоре после происшедшего прибыла полиция, опросила людей, находившихся на месте преступления, и предприняла меры по поимке нападающих. Адвокат заявителя подала заявление в прокуратуру о совершении преступления неизвестными лицами и послала письмо в полицию с просьбой предоставить информацию, необходимую для открытия уголовного дела.

Адвокат заявителя проинформировала Государственного прокурора о том, что лица, напавшие на заявителя, по всей видимости, участвовали и в других многочисленных нападениях на цыган, происходивших в тот же самый период. Она подчеркнула, что все эти инциденты были расово-мотивированы, так как состояли как из физического насилия, так и вербальных оскорблений. Полиция впоследствии установила возможного подозреваемого, а потом сняла с него все подозрения, и ничто в материалах дела не указывало на то, что он когда-либо был допрошен в связи с данным инцидентом.

Заявитель утверждал, что власти страны не провели серьезного и тщательного расследования дела о расистском нападении и что он пострадал от дискриминации по причине своего цыганского происхождения. Суд решил, что власти должны были принять все возможные меры, имеющиеся в их распоряжении, для того, чтобы собрать необходимые доказательства, и сделать это незамедлительно и в разумно краткие сроки. Он счел, что неспособность властей Государства продвинуться в расследовании дела или получить доказательства, необходимые для установления и ареста нападавших в течение длительного времени, указывало на то, что расследование не соответствовало требованиям Статьи 3 и поэтому нарушало ее. Суд отметил, что лица, напавшие на заявителя, предположительно принадлежали к банде скинхедов, которые по самой своей природе руководствуются экстремистской и расистской идеологией. И полиция, и Правительство признали этот факт. Было решено, что то, что полиция, зная о возможном расистском характере произошедшего нападения, свыше семи лет не предпринимала каких-либо серьезных шагов по установлению и осуждению виновных в совершении преступления, является недопустимым. В связи с этим, Суд счел, что имело место нарушение Статьи 14 в сочетании с процессуальным аспектом Статьи 3. Данное дело – первое, в котором Суд дал характеристику обязанностям государств в случаях расово-мотивированных нападений, совершенных частными лицами. Суд объяснил, что принцип, впервые сформулированный в деле **Nachova v. Bulgaria** (который заключается в том, что Государства «имеют дополнительную обязанность

предпринять все разумные шаги по изобличению расистских мотивов и по установлению того, сыграли ли в произошедшем событии какую либо роль расовая ненависть и расовые предрассудки»), одинаково применим и к нападениям, совершенным частными лицами.

- Дело **Moldovan and Others v. Romania (No. 2) (2005 г.)** касалось спора между лицами цыганского и нецыганского происхождения, живущими в одном румынском селе, который привел к убийству толпой лиц нецыганского происхождения нескольких мужчин-цыган, ранению других и разрушению цыганских домов и собственности. Заявители утверждали, что полиция потворствовала толпе в разрушении цыганской собственности в деревне. Они также заявили, что по причине их этнической принадлежности они стали жертвами дискриминации со стороны судебных органов и должностных лиц в нарушение Статьи 14 Конвенции. В частности, они указали на ряд замечаний в свой адрес со стороны должностных лиц, которые имели явно враждебный характер по отношению к цыганам, а также на отказ властей в оказании им какого-либо содействия в сложившейся ситуации. Суд счел, что нападения на заявителей произошли по причине их цыганского происхождения. Хотя Суд в силу временных пределов действия Конвенции (*ratione temporis*) не имел возможности рассмотреть обстоятельства сожжения домов заявителей и убийства некоторых из их родственников, он решил, что цыганское происхождение заявителей оказало решающее влияние на продолжительность и результаты национального разбирательства, происходившие уже после вступления в силу Конвенции в Румынии. Суд далее обратил внимание на дискриминационные замечания, которые неоднократно высказывались властями в адрес заявителей в момент отклонения их жалоб, а также на полный отказ до 2004 года в возмещении нематериального ущерба, понесенного вследствие разрушения семейных домов. Суд также отметил, что Правительство не предъявило какого-либо обоснования разницы в обращении по отношению к заявителям. Суд заключил, что в данном случае имело место нарушение Статьи 14 Конвенции, взятой в сочетании со Статьями 6 и 8. О рассмотрении некоторых аспектов данного дела см. также раздел 8.2 (Дискриминация и Статья 3 Конвенции).

Кроме этого, в другом недавнем деле Суд установил нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 2 Протокола 4 (право на свободу передвижения) по причине этнического происхождения.

- В деле **Timishev v. Russia (2005 г.)** заявителем являлся российский гражданин чеченской национальности, проживающий в городе Нальчик в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) в качестве вынужденного переселенца. Во время передвижения между Ингушетией и КБР он и его водитель были остановлены на пропускном пункте, где сотрудники милиции отказали им во въезде на территорию КБР на основании устного указания от своего руководства не пропускать чеченцев. Заявитель утверждал, что ограничение его права на свободу передвижения содержало дискриминацию, так как основывалось на его этническом происхождении в нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 2 Протокола 4 (право на свободу передвижения). Суд счел, что явное неравенство в обращении являлось основополагающим аспектом данного дела и поэтому, несмотря на уже установленное нарушение Статьи 2 Протокола 4, решил рассмотреть отдельно вопрос о нарушении Статьи 14. Суд обратил внимание на устную инструкцию руководства милиции не пропускать «чеченцев». Так как национальная принадлежность не указывается в российских паспортах, этот приказ препятствовал проезду не только любого лица, в действительности являющегося чеченцем, но также всех тех, кого могли *принять* за таковых. Суд отметил, что согласно определениям, данным ООН и Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью, презюмируемая дискриминация, основанная на национальной принадлежности, является формой расовой дискриминации. Суд отметил, что расовая дискриминация – это особенно неприемлемая форма дискриминации, которая в силу своего губительного эффекта требует от властей особой бдительности и решительных мер по противодействию ей. Так как заявитель доказал наличие разницы в обращении по отношению к нему, Суд решил, что Государство обязано обосновать ее правомерность. В данном случае Правительство не предложило какого-либо обоснования разницы в обращении между

чеченцами и нечеченцами в пользовании правом на свободу передвижения. В любом случае, по мнению Суда, какая-либо разница в обращении, основанная исключительно или в решающей степени на этническом происхождении лица, не может быть объективно обоснована в современном демократическом обществе, построенном на принципах плюрализма и уважения к разным культурам. Суд заключил, что в данном деле имело место нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 2 Протокола 4.

В рамках дел по Статье 14 Суд редко сталкивался с объективным и достаточным обоснованием разницы в обращении, основанной на этнической принадлежности.

- В ряде дел против Великобритании, содержащих сходные факты, заявители-цыгане утверждали, что подготовка и осуществление мер, предпринятых местными властями в целях препятствия занятию земель цыганскими таборами, нарушило их право на уважение жилища, семейной и частной жизни, гарантированное Статьей 8. Они также жаловались на то, что были подвергнуты дискриминации в нарушение Статьи 14 (по причине их статуса в качестве представителей этнического меньшинства). Несмотря на явный негативный эффект рассматриваемых в рамках этих дел законов на заявителей, вмешательство в их права было признано пропорциональным законной цели сохранения окружающей среды, и поэтому не содержало в себе дискриминации, запрещенной Статьей 14 (**Beard v. United Kingdom (2001 г.)**; **Chapman v. United Kingdom (2001 г.)**; **Coster v. United Kingdom (2001 г.)**; **Jane Smith v. United Kingdom (2001 г.)**; и **Lee v. United Kingdom (2001 г.)**).
- В более позднем деле **Connors v. the United Kingdom (2004 г.)** рассмотрение Судом вопроса пропорциональности оспариваемых мер (в данном случае в связи со Статьей 8) привело к решению в пользу заявителя. Данное дело касалось семьи, выселенной с земли, на которой она на законных основаниях прожила почти тринадцать лет, в результате обвинений в нарушении общественного порядка. Члены этой семьи оказались бездомными и впоследствии столкнулись с серьезными проблемами по обеспечению своей безопасности и благополучия. Согласно национальным законам, местные власти были не обязаны предъявлять какие-либо существенные доказательства для обоснования выселения, несмотря на то, что данная семья оспаривала выдвинутые против нее обвинения. Заявитель пытался добиться судебного пересмотра решения о выселении, однако ему было отказано в этом по причине того, что судебное рассмотрение не могло предоставить какой-либо возможности для рассмотрения фактов спора между сторонами. Заявитель утверждал, что решение о выселении было нецелесообразным и несоразмерным, в особенности по причине отказа в возможности оспорить предъявленные обвинения в нарушении общественного порядка. Суд подчеркнул, что, в отличие от дела **Chapman v. United Kingdom (2001 г.)**, заявитель жил на занимаемом участке на законных основаниях и что он стремился получить доступ к процессуальным гарантиям, которые были доступны другим передвижным поселениям и арендаторам. Таким образом, свобода усмотрения, которой обладает Государство, в данном случае значительно меньше. Суд заключил, что так как нет существенных причин для «обоснования сохранения существующего положения вещей», а именно отсутствия требования о предъявлении обоснования для выселения, Статья 8 была нарушена.

4.4 Различия по признаку религиозной принадлежности

Религия также является «особой категорией», требующей особо тщательного рассмотрения.

- В деле **Hoffmann v. Austria (1993 г.)** заявительница, Свидетель Иеговы, жаловалась на нарушение своих прав по отношению, среди прочего, к Статье 8 (уважение частной и семейной жизни и жилища), Статье 9 (свобода религии) и Статье 14 в сочетании со Статьей 8. Австрийский Верховный суд предоставил опеку над ее детьми ее мужу после их развода, сочтя, что отец

сможет лучше защитить интересы детей, так как Свидетели Иеговы не позволяли проводить переливание крови, а также в силу того, что дети якобы станут социальными отщепенцами из-за своей веры. Суд решил, что решение национального суда нарушило Статью 8. Рассмотрев это право в сочетании с запрещением дискриминации по признаку религии, содержащемуся в Статье 14, Суд решил, что различие, основанное на религии, не было обосновано какой-либо законной целью со стороны Государства и, следовательно, заявительница была несправедливо лишена права на невмешательство в ее семейную жизнь. Суд отметил:

Несмотря на любые возможные доводы в пользу противоположного, различие, которое по сути основано на разнице в религиозных взглядах, является неприемлемым. Суд, таким образом, не может прийти к выводу, что используемые средства и цель, которую они преследовали, были пропорциональными друг другу; исходя из этого, имело место нарушение Статьи 8 в сочетании со Статьей 14 (параграф 36).

- В деле **Palau-Martinez v. France (2003 г.)** по решению национального суда право опеки над детьми заявительницы было передано их отцу; ей же были предоставлены права доступа к детям и проживания с ними. Заявительница была последовательницей Свидетелей Иеговы, и национальный суд решил, что правила, установленные ее религией в вопросах воспитания детей, являются «существенным образом предосудительными в силу своей суровости и нетерпимости, а также ввиду обязанности детей заниматься прозелитизмом». Апелляционный суд пришел к выводу, что в интересах ребенка «освободиться от ограничений и запретов, которые налагает на него религия, по своей структуре похожая на секту». Суд обратил особое внимание на то, что к моменту принятия апелляционным судом решения о проживании детей с отцом, они прожили с матерью около трех с половиной лет. Следовательно, это решение содержало в себе вмешательство в право заявительницы на уважение ее семейной жизни. Придав решающее значение религии заявительницы, национальный суд установил между родителями разницу в обращении по признаку религии. Суд далее рассмотрел вопрос о том, являлось ли такое вмешательство обоснованным. Хотя разница в обращении преследовала законную цель, а именно защиту интересов ребенка, национальный суд принял во внимание наблюдения общего характера о религии Свидетелей Иеговы, не имея практических и прямых доказательств того, что религия заявительницы существенно влияла на воспитание ребенка или его повседневную жизнь. И хотя принятые во внимание судом доводы имели определенное отношение к делу, они не были достаточными. Таким образом, Суд заключил, что так как используемые средства и цель, которую они преследовали, не были взаимно пропорциональными, имело место нарушение.
- Дело **Canea Catholic Church v. Greece (1997 г.)** касалось гражданского спора между римско-католической церковью города Ханья и частным лицом, проживающим по соседству с ней, который решил снести одну из стен, окружающих церковь. Церковь не могла разрешить этот спор в суде, так как греческие суды решили, что она не может выступать в качестве юридического лица. Церковь-заявительница утверждала, что стала жертвой дискриминации в силу того, что решение греческих судов основывалось исключительно на религиозной принадлежности. Суд решил, что в данном случае была нарушена Статья 14 (запрещение дискриминации) в сочетании со Статьей 6(1) (право на справедливое судебное разбирательство). Согласно греческим законам и Греческая православная церковь, и Еврейская община имели статус юридического лица для защиты своей собственности, поэтому не могло быть объективного и достаточного основания для обращения с римско-католической церковью отличным образом.
- В деле **97 Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and 4 Others v. Georgia (2007 г.)** Суд установил нарушение Статьи 14 совместно со Статьей 3 и Статьей 9. Заявителями была группа Свидетелей Иеговы, на которую напали православные верующие во время одного из их религиозных собраний. Хотя нескольким членам группы удалось бежать, остальные были подвергнуты жестоким нападкам, включая удары кулаками, пинки, таскание за волосы

и удары ремнями. Члены группы были также подвергнуты унижительной процедуре обыска, после чего символы их веры, такие как библия и другая религиозная литература, были сожжены. Эти нападения были сняты на камеру и позже показаны двумя местными телевизионными каналами. Хотя полиция была проинформирована о нападении в тот же день, а заявления о нем были поданы на следующий день, в большинстве случаев никаких следственных действий проведено не было, а те, что были начаты, были прекращены. Несмотря на предоставленные заявителями доказательства, полиция пришла к выводу о невозможности установить преступников.

Этот инцидент стал одним из распространенных случаев жестокого нападения на Свидетелей Иеговы в Грузии, произошедших в период с октября 1999 года по ноябрь 2002 года, что подтверждено данными международных некоммерческих и межправительственных организаций.

По решению Суда, факты указывают на то, что подстрекательство к насилию, нападения и отказ полиции своевременно вмешаться и провести эффективное расследование были связаны с религиозными взглядами заявителей. Суд отметил, что «комментарии и отношение государственных служащих, которые были проинформированы о произошедшем нападении, или которые позже получили заявления с просьбой провести соответствующее расследование, не могут считаться совместимым с принципом равенства каждого лица перед законом» (в параграфе 140). Суд решил, что причастность Государства к насилию и пропаганде религиозной ненависти привели к нежеланию полиции провести эффективное расследование преступления.

Как и в случае с расовой дискриминацией, Суд с большой осторожностью подходит к рассмотрению жалоб на косвенную дискриминацию по признаку религии. Многие из жалоб на косвенную дискриминацию по признаку религии были отклонены Судом по причине неустановления разницы в обращении по смыслу Статьи 14.

- В деле **Konttinen v. Finland (1996 г.)** заявитель жаловался на то, что его право на свободу религии было нарушено в результате увольнения, последовавшего за его отказом работать в субботу по религиозным соображениям. Заявитель также жаловался на то, что он был подвергнут дискриминации в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 9, так как его работодатель уважал право его коллег на соблюдение священного дня отдохновения в воскресенье, но не уважал его право на соблюдение такого дня в субботу. В отношении жалобы, касающейся Статьи 9, Суд решил, что увольнение заявителя было связано не с его религией, а с его отказом соблюдать график работы. Отказ работать, таким образом, не может быть предметом рассмотрения в контексте Статьи 9. Что касается вопроса о нарушении Статьи 14, Комиссия решила, что если считать, что его положение было схожим с положением членов других религиозных групп, он не испытывал неравного обращения по сравнению с ними. Суд не обнаружил достаточных доказательств того, что заявитель и другие последователи его религии были поставлены в особенно невыгодное положение по сравнению с членами других религиозных групп, и заключил, что Статья 14 нарушена не была.

Суд, однако, определил, что Статья 14 также применима в случаях, когда вмешательство Государства состоит в отказе от особого обращения с лицами в ситуациях, где это оправдано обстоятельствами дела. Применяемая Судом оценка обоснования отказа в особом обращении аналогична оценке обоснования дискриминационной разницы в обращении.

- В деле **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)** власти Греции отказались присвоить диплом бухгалтера заявителю, являющемуся Свидетелем Иеговы, в виду того, что он ранее имел судимость за неподчинение требованию носить военную форму. Заявитель утверждал, что отказ от ношения военной униформы был связан с тем, что Свидетели Иеговы являются убежденными пацифистами и поэтому его религиозные взгляды не позволяли ему этого делать. Он утверждал, что

действия Государства-ответчика нарушили Статью 9 в сочетании со Статьей 14 Конвенции, так как дискриминировали его в пользовании правом на свободу религии. Суд согласился с этим объяснением и решил, что греческие законы нарушили право заявителя на защиту от дискриминации в пользовании его правом согласно Статье 9, так как обращались с ним как с обыкновенным преступником, тогда как его судимость стала следствием его религиозных верований. Суд отметил, что такая разница в обращении обычно не входит в область применения Статьи 14, так как касается доступа к определенной профессии, а Конвенция не содержит гарантий защиты свободы выбора профессии. Однако жалоба заявителя касалась того факта, что при применении соответствующего закона не проводилось каких-либо различий между теми, кто осужден за преступления, совершенные исключительно по причине религиозных верований, и теми, кто осужден за преступления другого рода. Суд решил, что, в отличие от других судимостей за уголовные преступления, судимость за отказ носить военную униформу по религиозным или философским причинам не может быть свидетельством непорядочности или моральной порочности, которые могут повлиять на способность осужденного соответствовать требованиям профессии (параграф 42). Недопущение заявителя к профессии по причине непригодности, не было, таким образом, обоснованным и поэтому нарушило Статью. Суд решил, что нарушение права на защиту от дискриминации имеет место и тогда, когда государства отказываются по-разному обращаться с лицами, находящимися в существенно различных условиях.

Суд часто рассматривал вопросы, связанные с жалобами на дискриминацию по признаку религии в контексте других положений Конвенции, в частности в рамках права на свободу религии, закрепленного в Статье 9 Конвенции и права на выбор религиозного образования, записанного в Статье 9 Протокола 1. Позиция Суда в этих делах наглядно демонстрирует эволюцию его подхода к вопросам равенства.

- В деле **Larissis and Others v. Greece (1998 г.)** три заявителя были офицерами греческих военно-воздушных сил и одновременно последователями «протестантской христианской деноминации, придерживающейся принципа, что все ее последователи обязаны заниматься прозелитизмом». Заявители были осуждены военным судом за то, что они занимались прозелитизмом среди своих сослуживцев и гражданских лиц с целью обращения их в свою религию. Они жаловались, что их осуждение нарушило их право на свободу религии (Статья 9). Суд решил (и это не оспаривалось греческими властями), что осуждение заявителей означало вмешательство в их пользование правами по Статье 9; следовательно, необходимо было решить, было ли это вмешательство обоснованным и «необходимым в демократическом обществе». Суд указал (а параграфах 45-46):

...хотя религиозная свобода – это преимущественно предмет индивидуальной совести, она также подразумевает, среди прочего, свободу «проявлять [свою] религию», включая право на возможность убедить своего соседа в правоте своих взглядов, например посредством «учения». Статья 9, однако, не защищает любое действие, мотивированное или вдохновленное религией или верованием. Она, например, не защищает неправомерный прозелитизм, который основывается на обещании материальной или социальной выгоды или на применении ненадлежащего давления с целью обращения новых членов в эту религию. Суд должен определить, являются ли меры, примененные против заявителей, обоснованными в принципе и пропорциональными. Для этого он должен соотнести требования защиты прав и свобод других людей с поведением заявителей.

Суд по отдельности рассмотрел проповедование религии среди рядовых авиации и среди гражданских лиц. Приняв во внимание иерархическую структуру вооруженных сил, Суд решил, что вмешательство в пользование правом по Статье 9 было пропорциональным цели защиты нижестоящих военнослужащих от «неправомерного давления» со стороны старших по званию. Суд, однако, подчеркнул, что «не любое обсуждение вопросов религии или других деликатных

вопросов лицами, занимающими неравное положение в иерархии, будет подпадать под эту категорию» (параграф 51). Однако в случае с гражданскими лицами Суд не нашел доказательств неправомерного давления и поэтому осуждение заявителей нарушило Статью 9.

- Примером рассмотрения «обоснования» оспариваемых мер в контексте Статьи 9 Конвенции, является дело **Leyla Sahin v. Turkey (2005 г.)**. Данное дело касалось запрета на ношение исламских платков в высших образовательных учреждениях Турции, вследствие чего заявительница не смогла закончить обучение. Большая Палата подтвердила решение Палаты, согласно которому оспариваемые меры были обоснованы в принципе и были пропорциональны целям, которые они преследовали – в частности, защите светского образования – и поэтому могли быть признаны, с учетом широкой свободы усмотрения, которой обладает Государство, «необходимыми в демократическом обществе». Большинство судей сослалось на заявленный интерес Правительства в обеспечении равенства между мужчинами и женщинами в качестве обоснования запрета на ношение платка (параграфы 115-116). С решением большинства не согласился Судья Талкенс (Tulkens), по мнению которого при рассмотрении обоснования оспариваемого запрета не были в достаточной мере учтены обстоятельства дела данного конкретного заявителя. Более того, Судья Талкенс подверг критике подход большинства к вопросам гендерного равенства:

Я не понимаю, как принцип равенства полов может оправдать запрет женщине следовать практике, которой она очевидно, в отсутствие доказательств в пользу противоположного, следует по собственному выбору. Равенство и запрет дискриминации – это субъективные права, которые должны оставаться под контролем тех, кто наделен возможностью пользоваться ими для своего блага. «Патернализм» такого рода идет вразрез с практикой Суда, которая выработала реальное право на самостоятельность личности на основе Статьи 8... В конечном итоге, если бы ношение платка действительно противоречило принципу равенства мужчины и женщины в любой ситуации, Государство имело бы позитивное обязательство запретить его ношение во всех местах, будь то публичных или частных (Особое мнение Талкенса в параграфе 12).

- В деле **Kjeldsen v. Denmark (1976 г.)** заявителями выступали родители, которые возражали против посещения их детьми обязательных занятий по половому воспитанию в государственной школе на основании того, что это противоречило их христианским воззрениям. Заявители сослались на Статьи 8, 9, 14 и в особенности на Статью 2 Протокола 1. Суд детально рассмотрел объем обязательств Государства в отношении Статьи 2 Протокола 1 (право на образование, согласующееся с религиозными верованиями). Важно отметить, что по мнению Суда Статья 2 Протокола 1 применима как к Государственным, так и частным школам, и что Государство обязано «уважать взгляды родителя, будь то религиозные или философские, в течение всего периода образовательной программы, осуществляемой в этом Государстве». Суд отметил:

...Государство в осуществлении принятых на себя своих функций по отношению к образованию и обучению должно следить за тем, чтобы информация или знания, содержащиеся в учебном плане, преподносились в объективной, разборчивой и плюралистической манере. Государство не может преследовать цели внушения идей, которые могут считаться неуважительными по отношению к религиозным и философским убеждениям родителей. Это граница, которая не может быть нарушена (параграф 53).

Однако по отношению к фактам данного дела Суд заключил, что датские законы не причиняли достаточного большого вреда религиозным и философским взглядам заявителей, чтобы нарушить Статью 2 Протокола 1, в частности по причине того, что родители могли отдать своих детей в частные школы или заниматься их образованием дома. Суд также не обнаружил доказательств нарушения Статей 8, 9 и 14.

Ключевое значение для решения о применимости Статьи 14 в случаях, связанных с дискриминацией по признаку религии, имеет значение понятий «религия» и «религиозные верования». В рамках Конвенции эти вопросы обычно рассматривались в контексте Статьи 9.

- В деле **The Holy Monasteries v. Greece (1994 г.)** заявители пытались получить подтверждение Суда тому, что греческие законы, направленные на передачу Государству права собственности на землю определенных монастырей, нарушили Статью 9 Конвенции. Заявители утверждали, что эти законы лишали монастыри средств, необходимых для осуществления своих религиозных целей и сохранения богатств христианского мира. Суд определил, что хотя оспариваемые положения действительно нарушали права собственности заявителей (Статья 1 Протокола 1), они не касались объектов, предназначенных для отправления богослужения, и поэтому не вмешивались в пользование правом на свободу религии.
- Дело **Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France (1997 г.)** касалось еврейской церковной ассоциации, которой было отказано французскими властями в разрешении на проведение ритуального забоя скота для получения кошерного мяса. Такой ритуальный забой скота предписывается Торой. Заявители утверждали, что в их случае была нарушена Статья 9, взятая в отдельности и в сочетании со Статьей 14; последнее в силу того, что французские власти ранее дали такое разрешение Еврейской консисторской ассоциации Парижа. Суд отметил, что ритуальный забой скота без сомнения является частью права, закрепленного в Статье 9. Тем не менее, «вмешательство в пользование правом на свободу религии имело бы место только тогда, когда противозаконность исполнения ритуального забоя скота привела бы к тому, что ультра-ортодоксальные евреи были лишены возможности есть мясо животных, забитых в соответствии с религиозными предписаниями, которые они считают применимыми», в то время как было ясно, что заявители могли получить такое мясо в других местах. Суд решил, что французские законы преследовали законную цель, «а именно защиту общественного здоровья и общественного порядка, в той степени, в которой организация Государством отправления религиозных обрядов способствует религиозной гармонии и общественному порядку», и гарантии Статьи 9 «не могут распространяться на право лично принимать участие в исполнении ритуального забоя скота и в последующем процессе сертификации».
- В деле **Religionsgemeinschaft der zeugen Jehovas and Others v. Austria (2008 г.)** заявителями были четверо австрийских граждан, представляющих пятую по величине религиозную общину в Австрии. Дело касалось отказа австрийских властей предоставить Свидетелям Иеговы статус юридического лица в течение приблизительно 20 лет, и того факта, что их статус был второстепенным по сравнению со статусом религиозного объединения и более ограниченным по сравнению с другими религиозными общинами. Судебное дело было инициировано в 1978 году первыми четырьмя заявителями, которые направили запрос на получение Свидетелями Иеговы статуса религиозного объединения и предоставление им статуса юридического лица. Хотя в 1988 году Свидетелям Иеговы был предоставлен статус юридического лица как религиозной общины, запрос на признание их в качестве религиозного объединения был отклонен на основании того, что религиозная община может получить статус религиозного объединения, только если она существовала до этого не менее десяти лет. Суд обратил внимание на то, что по австрийским законам религиозные объединения обладали привилегиями в различных сферах, в первую очередь в сфере налогообложения. Принимая во внимание эти привилегии, государство должно было соблюдать нейтралитет и предоставить всем религиозным группам справедливую возможность получить тот или иной статус, используя для этого установленные критерии в недискриминационном порядке. Суд счел, что применение условия десятилетней истории существования для получения статуса религиозного объединения могло бы быть признано необходимым в исключительных обстоятельствах, например, для только что созданных или неизвестных религиозных групп. Однако это вряд ли оправдано по отношению к религиозным группам, хорошо известным как на национальном, так и на международном

уровнях, как это было в случае со Свидетелями Иеговы. Суд заключил, что в данном случае имело место нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 9.

- В делах **Gutl v. Austria (2009 г.)** и **Loffelmann v. Austria (2009 г.)** заявителями были члены Свидетелей Иеговы, которые утверждали, что их заставляли нести гражданскую службу взамен военной службы, в то время как члены других признанных религиозных объединений со сравнимыми религиозными функциями были освобождены от такого требования. Суд в своем решении сослался на вышеупомянутое дело **Religionsgemeinschaft der zeugen Jehovas and Others v. Austria (2008 г.)**. Он заключил, что освобождение от обязанности несения гражданской службы, предоставляемое исключительно членам признанных религиозных объединений, является дискриминационным и что заявители были подвергнуты дискриминации по признаку религии в результате применения этого положения. Таким образом, была нарушена Статья 14, взятая в сочетании со Статьей 9 Конвенции, в силу дискриминации против заявителей на основании их религиозной принадлежности. См. также дело **Lang v. Austria (2009 г.)**.

4.5 Различия, основанные на национальной принадлежности и принадлежности к национальным меньшинствам

Статья 14 Конвенции однозначно запрещает дискриминацию по признаку национального происхождения или принадлежности к национальному меньшинству. Практика Суда включает рассмотрение дел, связанных как с дискриминацией против лиц, не являющихся гражданами Государства, так и с дискриминацией по признаку национального происхождения или принадлежности к национальному меньшинству. В отношении различий, основанных на национальной принадлежности, Суд решил в деле **Gaygusuz v. Austria (1996 г.)** (в параграфе 42), что:

...должны быть представлены очень веские причины, прежде чем Суд мог бы признать разницу в обращении, основанную исключительно на национальной принадлежности, совместимой с Конвенцией.

Суд рассмотрел ряд дел, связанных с предполагаемой дискриминацией против лиц, не являющихся гражданами Государства.

- В деле **Gaygusuz v. Austria (1996 г.)** заявителем был гражданин Турции, который жил и работал в Австрии. Ему было отказано в праве на получение определенной льготы по безработице ввиду того, что он не являлся гражданином Австрии. Заявитель утверждал, что для такой разницы в обращении не существовало объективного и достаточного обоснования. Правительство заявило, что разница в обращении была обоснована особой ответственностью Государства за своих граждан. Оно также указало, что соответствующее положение предполагало наличие определенных исключений к указанному условию наличия австрийского гражданства. Суд обратил внимание на то, что заявитель проживал в Австрии на законных основаниях и, работая там, платил налоги, часть которых перечислялась в фонд страхования от безработицы. Суду не было предоставлено доказательств того, что он не соответствовал каким-либо другим требованиям для получения права на помощь в чрезвычайной ситуации, следовательно, в данном конкретном вопросе он находился в схожем положении по сравнению с гражданином Австрии. Различное обращение не имело достаточного или объективного обоснования. Установив нарушение, Суд заключил, что должны быть выдвинуты «очень веские причины» прежде чем он мог бы признать различное обращение по признаку национальности соответствующим требованиям Конвенции.
- В деле **Koua Poirrez v. France (2003 г.)** заявителю, который имел серьезную инвалидность с семилетнего возраста, было отказано в назначении пособия взрослого инвалида по причине того, что он не был гражданином Франции и ввиду того, что между Францией и Кот-д'Ивуаром

не существовало двустороннего соглашения касательно выплаты таких пособий. Заявитель жаловался на нарушение Статьи 14 совместно со Статьей 1 Протокола 1 (защита собственности). Он также утверждал, что пострадал от дискриминации по причине инвалидности, однако Суд решил, что отказ в назначении ему пособия был сделан исключительно по причине того, что он не был ни гражданином Франции, ни гражданином страны, подписавшей с Францией соответствующее двустороннее соглашение. Суд решил, что разница в обращении между гражданами Франции и гражданами стран, которые подписали двустороннее соглашение с одной стороны, и гражданами других стран с другой стороны не имеет объективного и достаточного обоснования. Соответственно, Суд заключил, что была нарушена Статья 14 в сочетании со Статьей 1 Протокола 1.

- В деле **Moustaquim v. Belgium (1991 г.)** заявитель, гражданин Марокко, был депортирован из Бельгии по причине участия в криминальной деятельности. Он с детства жил в Бельгии, там же проживали все прямые члены его семьи. Заявитель жаловался, что стал жертвой дискриминации по признаку национальной принадлежности (в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 8). Он утверждал, что к нему было применено различное обращение по сравнению с несовершеннолетними правонарушителями двух категорий: теми, кто имел бельгийское гражданство (так их не могли депортировать), и теми, кто был гражданином Государства, являющегося членом Европейского Союза (так как уголовная судимость была недостаточным основанием для их депортации). Суд счел, что заявителя нельзя сравнивать с бельгийскими несовершеннолетними правонарушителями, так как те имеют право проживания в своей стране и не могут быть высланы из нее. Суд решил, что имеется объективное и достаточное обоснование привилегированного обращения с гражданами Государств-членов Европейского Союза, так как в Бельгии, так же как и во всех других этих Государствах, действует особый правовой режим. Следовательно, нарушения Статьи 14 нет.
- В деле **Andrejeva v. Latvia (2009 г.)** заявительница имела статус постоянного резидента негражданина Латвии и жила в Риге (Латвия) в течение 45 лет (являясь до этого гражданкой бывшего СССР). Заявительница жаловалась, что ее лишили пенсионных льгот за трудовой стаж в бывшем Советском Союзе до 1991 года на основании того, что у нее не было латвийского гражданства. Суд решил, что должны быть выдвинуты очень веские причины, прежде чем он мог бы признать различное обращение, основанное исключительно на национальной принадлежности, соответствующим требованиям Конвенции. Суд в данном случае не смог обнаружить таких причин, так как не было доказательств того, что в эпоху Советского Союза существовала какая-либо разница в обращении к гражданам бывшего СССР в вопросе назначения пенсий. Более того, заявительница имела статус «постоянного резидента-негражданина» Латвии, единственного Государства, с которым она имела прочные юридические связи и, таким образом, единственного Государства, которое по объективным причинам могло принять на себя ответственность за нее в вопросах социальной защиты. В связи с этим, несмотря на широкие пределы свободы усмотрения, которой обладает Государство в области социальной защиты, Суд не установил наличия «достаточной пропорциональности» в разнице в обращении в данном деле. Суд отметил:

Запрещение дискриминации, закрепленное в Статье 14 Конвенции, имеет практический смысл только тогда, когда в каждом конкретном случае положение заявителя по отношению к критериям, указанным в Статье, рассматривается именно в том виде, в каком оно представлено. Отклонить жалобу заявителя на основании того, что он или она могли избежать дискриминации путем изменения одного из рассматриваемых факторов – например, путем получения гражданства – означало бы лишить Статью 14 всякого истинного смысла (в параграфе 91).

Суд также рассмотрел случаи дискриминации по причине принадлежности к национальному меньшинству.

- В деле **Magee v. the United Kingdom (2000 г.)** заявитель жаловался на дискриминацию по признаку национальности и принадлежности к национальному меньшинству по причине того, что он, среди прочего, не получил права незамедлительного общения с адвокатом после ареста в Северной Ирландии согласно соответствующему анти-террористическому закону, в отличие от подозреваемых, арестованных и задержанных в Англии и Уэльсе по сходному закону. Суд счел, что разница в обращении объяснялась не личными особенностями заявителя, такими как национальная принадлежность, а географическим местоположением, где лицо было арестовано и содержалось под стражей. Законодательство имело право учесть объективные и обоснованные региональные различия и особенности. Такие различия не считаются дискриминационными согласно по смыслу Статьи 14. См. также дело **John Murray v. the United Kingdom (1996 г.)**.
- Дело **Özgür Gündem v. Turkey (2000 г.)** касалось ежедневной курдской газеты, которую вынудили закрыться посредством нападений и угроз, якобы организованных и осуществленных турецкими властями. Заявители утверждали, что меры, примененные к газете, указывали на дискриминацию по признаку национальности и принадлежности к национальному меньшинству, запрещенную Статьей 14. По их утверждениям, власти воспринимали любое проявление курдского самосознания как призыв к сепаратизму и пропаганду Курдской рабочей партии (КРП). Таким образом, в отсутствие какого-либо обоснования примененные ограничительные меры могли объясняться только дискриминацией. Турецкое правительство в свою очередь заявило, что газета **Özgür Gündem** действовала как средство пропаганды КРП. Суд решил, что была нарушена Статья 10 (свобода выражения). Он счел, вместе с тем, что нет причин считать, что ограничения свободы выражения были связаны с разницей в обращении по причине национальной принадлежности заявителей или принадлежности к национальному меньшинству. Соответственно, Суд заключил, что Статья 14 не была нарушена (см. параграф 75).
- В делах **Arslan v. Turkey (1999 г.)**, **Okcuoglu v. Turkey (1999 г.)**; и **Ceylan v. Turkey (1999 г.)** каждый из заявителей утверждал, что он стал жертвой дискриминации в нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 10, по причине того, что против них было заведено дело на основании сочинений по курдским политическим вопросам и автором которых был человек курдского происхождения. Правительство заявило, что осуждение каждого из заявителей было вызвано исключительно сепаратистским содержанием и резким тоном данных сочинений. Установив нарушение Статьи 10 взятой в отдельности, Суд не посчитал нужным рассматривать эту жалобу в контексте Статьи 14.

В некоторых случаях, связанных с предполагаемыми нарушениями права на жизнь (Статья 2) и запрещение пыток (Статья 3), записанных в Конвенции, заявители пытались утверждать, что несоизмерно большое количество этих нарушений, совершенных в отношении определенной группы людей, содержит признаки дискриминационной политики. Однако ввиду сложностей доказывания таких фактов эти жалобы не были успешными.

- В деле **Hugh Jordan v. United Kingdom (2001 г.)** заявитель утверждал, что обстоятельства убийства его сына указывали на дискриминацию. Он заявил, что в период между 1969 годом и мартом 1994 года 357 человек были убиты сотрудниками службы безопасности в Северной Ирландии, подавляющее большинство которых были молодыми мужчинами-католиками или мужчинами-националистами. Заявитель утверждал, что небольшое количество убитых протестантов и незначительное количество осужденных по делам, связанным с убийствами, демонстрируют наличие дискриминационного применения силы со смертельным исходом и недостаток правовой защиты, доступной националистам или католикам по причине

национальности или принадлежности к национальному меньшинству. Правительство на это ответило, что не существует доказательств того, что какие-либо из этих смертей в Северной Ирландии были аналогичными друг другу или что они указывали на разницу в обращении. Голая статистика не может быть достаточным доказательством дискриминации против католиков или националистов. В параграфе 62 Суд отметил:

Когда вследствие общей политики или меры отдельная группа оказывается в особенно невыгодном положении, нельзя исключать, что это может быть признано дискриминационным, несмотря на то, что такая мера или политика не были специально направлены на эту группу. Однако, несмотря на то, что статистические данные свидетельствуют о том, что большинство лиц, убитых силами безопасности, были представителями католического или националистического сообщества, Суд не считает, что статистика сама по себе может свидетельствовать о наличии практики, которая может быть классифицирована как дискриминационная по смыслу Статьи 14 (параграф 154).

См. также дела **McKerr v. the United Kingdom (2001 г.)**; ; **Kelly and Others v. the United Kingdom (2001 г.)**, and **McShane v. the United Kingdom (2002 г.)**.

- В деле **Kurt v. Turkey (1998 г.)** заявительница утверждала, что насильственные исчезновения преимущественно затронули лиц курдского происхождения, и что исчезновение ее сына нарушило Статью 14. Заявительница отметила, что ее жалоба основывалась на материалах, опубликованных в период между 1991 годом и 1995 годом Рабочей группой ООН по насильственным или недобровольным исчезновениям. Суд счел, что доказательства, представленные заявительницей, не доказывают того, что ее сын стал жертвой преднамеренного насильственного исчезновения по причине своей этнической принадлежности. Следовательно, в этой части жалобы не было нарушения Конвенции.
- В деле **Tanli v. Turkey (2001 г.)** заявитель утверждал, что смерть его сына во время содержания под стражей свидетельствует о дискриминационной политике, осуществляемой властями против курдских граждан, и о существовании соответствующей официальной практики, в нарушение Статьи 14, взятой совместно со Статьями 2, 3, 5, 13 и 18. Заявитель полагался на значительный объем данных, собранных агентствами ООН и негосударственными организациями, свидетельствующий о систематическом незаконном обращении с курдами в юго-восточной Турции. Он также основывался на отсутствии надлежащих документальных сведений о содержании его сына под стражей, а также на непроведении надлежащего расследования его смерти. В данном случае Суд снова решил, что заявитель не смог доказать того, что его сын стал жертвой преднамеренной дискриминационной политики по причине его этнической принадлежности или что он стал жертвой ограничений, противоречащих целям Конвенции. Другие подобные жалобы, связанные с дискриминацией, которые были признаны недоказанными: **Tanrikulu v. Turkey (1999 г.)**; **Bilgin v. Turkey (2000 г.)**; **Onen v. Turkey (2002 г.)**; **Ergi v. Turkey (1998 г.)**; **Çakici v. Turkey (1999 г.)**; **Tekin v. Turkey (1998 г.)**; **Mahmut Kaya v. Turkey (2000 г.)**; **Akdivar and Others v. Turkey (1996 г.)**; **Mentes and Others v. Turkey (1997 г.)**; и **Selçuk and Asker v. Turkey (1998 г.)**.

4.6 Различия между детьми, рожденными вне брака, и детьми, рожденными в браке

Рождение вне брака также получило статус особого признака дискриминации, требующего особенно тщательного и строгого рассмотрения. В отношении разницы в обращении по причине рождения вне брака, Суд придал особое значение эволюции национальных законодательств Государств-участников Совета Европы, а также международным соглашениям, утверждающим принцип равенства между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака.

- Уже в деле **Marckx v. Belgium (1979 г.)** Суд решил, что различие статусов в бельгийском законодательстве между детьми, рожденными вне брака, и детьми, рожденными в браке, противоречит Конвенции. Однако статус «особого признака» по отношению к этим двум категориям детей не означает, что все различия между биологическими отцами и отцами, состоящими или состоявшими в браке должны рассматриваться с одинаковой долей тщательности. В решении по данному делу Суд сослался на эволюцию европейского внутреннего законодательства и международного права, а также на принцип толкования Конвенции как «живого механизма», и с особой тщательностью рассмотрел оспариваемое различие в обращении (см. параграф 41).

Осываясь на подходе, примененном в деле **Marckx**, Суд в деле **Inze v. Austria (1987 г.)** прямо высказался о необходимости наличия «очень веских причин» для обоснования неравного обращения.

- Дело **Inze v. Austria** касалось законов, дающих преимущественное право наследования собственности в отсутствие завещания детям, рожденным в браке, перед детьми рожденными вне брака. Принимая во внимание большое значение, придаваемое Государствами-членами Совета Европы принципу равенства прав детей, рожденных в браке и детей, рожденных вне брака, что подтверждается принятием в 1975 году Европейской конвенции о правовом статусе детей, рожденных вне брака, Суд заключил, что «должны быть представлены очень веские причины, прежде чем разница в обращении по причине рождения вне брака могла бы быть признана совместимой с Конвенцией» (в параграфе 41). Суд не счел доводы Правительства убедительными. Суд решил, что цель, преследуемая рассматриваемым законом, могла бы быть достигнута с помощью применения других критериев.
- В деле **Vermeire v. Belgium (1991 г.)** Суд подтвердил необходимость проведения особо тщательного рассмотрения случаев разницы обращения по отношению к детям, рожденным вне брака и детям, рожденным в браке, не ссылаясь при этом напрямую на принцип «очень веских причин». В данном деле заявителем была женщина, признанная «незаконным» ребенком, которая подала иск против «законных» внуков. Она заявила, что ее права были нарушены в отношении Статьи 8, взятой совместно со Статьей 14, так как она была лишена прав наследования недвижимого имущества ее бабушки и дедушки. В отношении имущества деда Суд отметил, что согласно решению по делу **Marckx** полное отсутствие прав наследования в отсутствие завещания, основанное только на «незаконном» характере родственной связи, является дискриминационным. Суд отметил, что бельгийские суды не приняли во внимание решение по делу **Marckx** и сформулированное в нем правило, которое однозначно и ясно запрещает дискриминацию, против заявительницы, основанную на принципе законности родственной связи между ней и умершим родственником. Другими словами, лишение заявительницы права на наследование имущества ее деда нарушило Статью 8 Конвенции.
- В деле **Mazurek v. France (2000 г.)** заявитель утверждал, что положения французского гражданского кодекса, ограничивающие права наследования детьми, рожденными вне брака, являлись дискриминационными и несовместимыми со Статьями 8 и 14 Конвенции. Правительство заявило, что цель этих положений – защита традиционной семьи. Суд счел, что цель, обозначенная Государством, может в принципе быть оправданной. Однако рассмотрев вопрос пропорциональности этой цели используемым для ее достижения средствам, он не нашел оснований для оправдания дискриминации по признаку рождения вне брака (параграф 54). Следовательно, имело место нарушение Статьи 1 Протокола 1, взятой в сочетании со Статьей 14. См. также схожее дело **Merger and Clos v. France (2004 г.)**.
- В деле **Camp and Bourimi v. Netherlands (2000 г.)** Суд отметил, что ребенок был подвергнут отличному обращению не только по сравнению с детьми, рожденными в браке, но и по сравнению с внебрачными детьми, которые были признаны своими отцами. Суд решил, что в обстоятельствах данного дела для обоснования такой разницы в обращении требуются так же

веские причины. Ссылка на конкретные обстоятельства дела указывает на то, что решение о необходимости тщательного рассмотрения основывалось не только на данном признаке дискриминации, но также на других факторах дела (таких как смерть отца ребенка до его рождения и отсутствие сознательного решения о непризнании своего ребенка). Родители собирались вступить в брак, и ребенок получил «письма об усыновлении», подтверждающие то, что он был сыном своего отца. «Письма об усыновлении», однако, не имели обратной силы и поэтому не могли установить прав наследования (параграф 38).

См. также дело **Pla and Puncernau v. Andorra (2004 г.)** (рассмотренное далее в разделе 5), в котором Суд снова применил принцип «очень веских причин».

- В деле **Brauer v. Germany (2009 г.)** Суд отметил, что применение соответствующих положений национального законодательства создало ситуацию, при которой к внебрачному ребенку, рожденному до 1 июля 1949 года, было применено неравное обращение по сравнению с детьми, рожденными в браке. По мнению Суда, доводы, высказанные в поддержку сохранения оспариваемого положения, утратили свою силу; правовой статус детей, рожденных вне брака, стал равнозначным статусу детей, рожденных в браке. Более того, трудности доказывания отцовства детей уменьшились.

Суд не нашел каких-либо причин для оправдания дискриминации, основанной на рождении вне брака, особенно с учетом того, что лишение заявительницы прав наследования поставило ее в более невыгодное положение по сравнению с заявителями в других схожих делах, рассмотренных Судом. Следовательно, имело место нарушение Статьи 14 Конвенции, взятой в сочетании со Статьей 8.

4.7 Различия, основанные на сексуальной ориентации

Сексуальная ориентация не упоминается ни в одном положении Конвенции. Суд, однако, стал первым международным органом, установившим, что уголовное преследование гомосексуального поведения нарушает стандарты прав человека.

Сексуальная ориентация подпадает под категорию «иного статуса» для целей Статьи 14 (**Sutherland v. the United Kingdom (1994 г.)**, в параграфе 51). Более того, практика Суда указывает на то, что сексуальная ориентация является «особой категорией», и поэтому любая разница в обращении по этому признаку требует особенно веских причин для ее обоснования (**Salgueiro Da Silva Mouta v. Portugal (1999 г.)**).

Решения по первым делам, связанным с сексуальной ориентацией, принимались только по Статье 8, так как Суд не считал необходимым дополнительно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 14. В деле **Dudgeon v. the United Kingdom (1981 г.)** и позже в делах **Norris v. Ireland (1988 г.)** и **Modinos v. Cyprus (1993 г.)** Суд решил, что национальные законы, устанавливающие уголовную ответственность за консенсуальные сексуальные отношения между совершеннолетними однополыми партнерами, нарушают право на уважение частной жизни, записанное в Статье 8 Конвенции. В деле **Dudgeon** Суд не посчитал необходимым рассматривать вопрос о нарушении Статьи 14 в сочетании со Статьей 8 после установления нарушения по Статье 8. В последующих делах был применен такой же подход.

Право на уважение частной жизни согласно Статье 8 распространяется на все действия, имеющие действительно частный характер, и к ним применяется одинаково узкие пределы свободы усмотрения.

- В деле **A.D.T. v. the United Kingdom (2000 г.)** заявитель жаловался на то, что его осуждение за грубую непристойность нарушило его право на уважение частной жизни согласно Статье 8 в

отдельности и в сочетании со Статьей 14. Применяя критерий, использованный в жалобах на нарушение Статьи 8, Суд должен был решить, являлись ли оспариваемые меры «необходимыми в демократическом обществе». Суд определил, что действия заявителя имели действительно «частный» характер. Таким образом, в данном случае Государство обладает такими же узкими пределами свободы усмотрения, как и в других делах, связанных с интимными аспектами личной жизни (напр., дело **Dudgeon**). Причины, указанные Государством, не являются достаточными для того, чтобы оправдать оспариваемые меры. Суд установил нарушение Статьи 8 и также не посчитал нужным дополнительно рассматривать это дело в контексте Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 8. См. также дело **Laskey, Jaggard and Brown v. the United Kingdom** (1997 г.).

После дела **Dudgeon** Суд вынес ряд решений в пользу заявителей в делах, связанных неравным возрастом согласия для вступления в однополые и разнополые сексуальные отношения. Суд установил, что такая разница в обращении содержит дискриминацию, противоречащую Статье 14 в сочетании со Статьей 8. Похоже, что в делах такого рода Государство также обладает узкими пределами свободы усмотрения.

- В деле **Sutherland v. the United Kingdom** (1997 г.) Европейская комиссия по правам человека решила, что существование законов, устанавливающих уголовную ответственность за участие в консенсуальных гомосексуальных актах между мужчинами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста при существовании уголовного преследования за аналогичные действия в отношении гетеросексуальных лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, нарушает Статью 14 Конвенции в сочетании со Статьей 8.
- В деле **S.L. v. Austria** (2003 г.) и деле **L. and V. v. Austria** (2003 г.) заявители жаловались на существование законов, устанавливавших уголовную ответственность за гомосексуальные акты между совершеннолетними мужчинами и юношами в возрасте от 14 до 18 лет, и на их осуждение по этим законам. Полагаясь на Статью 8, взятую по отдельности и в сочетании со Статьей 14, они утверждали, что их право на уважение частной жизни было нарушено и что оспариваемое положение является дискриминационным, так как гетеросексуальные или лесбийские отношения между взрослыми лицами и лицами той же самой возрастной категории не преследовались по закону. Правительство ответило тем, что данное положение было необходимым для защиты подростков мужского пола. Суд рассмотрел, имелось ли объективное и достаточное обоснование такой разнице в обращении, отметив, что одним из факторов, имеющих значение для определения пределов свободы усмотрения, которой обладает Государство, является существование либо отсутствие общности подходов в законодательствах Государств-участников. Суд заключил, что Государство не смогло предъявить «веских причин» для обоснования данного вмешательства. См. также дела **Woditschka and Wilfling v. Austria** (2004 г.); **Wolfmeyer v. Austria** (2005 г.); **H.G. and G.B. v. Austria** (2005 г.); и **Ladner v. Austria** (2005 г.).
- В деле **B.B. v. the United Kingdom** (2004 г.) заявитель жаловался на дискриминацию в отношении него по признаку сексуальной ориентации (в нарушение Статьи 8 в сочетании со Статьей 14) ввиду существования закона, устанавливавшего уголовную ответственность за гомосексуальные действия с женщиной, не достигшим 18 лет, и его осуждения по этому закону, в то время как возраст согласия для вступления в гетеросексуальные половые отношения был установлен на уровне 16 лет. Суд последовал подходу, заложенному в деле **S.L. v. Austria and L. and V. v. Austria** (упомянутому выше) и установил нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 8 Конвенции.

Суд также рассмотрел дело, связанное с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации в пользовании правом на свободу собраний.

- В деле **Baczowski and Others v. Poland (2007 г.)** заявители были членами негосударственной организации, проводящей кампании в защиту прав геев и лесбиянок. Они жаловались на нарушение их права на свободу мирных собраний в соответствии со Статьей 11 совместно со Статьей 14, так как им было отказано в организации публичного шествия, посвященного привлечению внимания к проблемам меньшинств, включая права гомосексуалов. Вслед за подачей заявления о проведении шествия национальная газета опубликовала интервью с мэром Варшавы, в котором он прямо заявил, что пропаганда гомосексуальности не подпадает под действие права человека на свободу собраний. Хотя заявителям были представлены различные причины запрета их шествия (а именно непредоставление карты маршрута шествия и предотвращение столкновений с другими группами, имеющими противоположные взгляды), заявители утверждали, что главная причина отказа была связана с их сексуальной ориентацией.

Приняв во внимание законные основания отказа в получении разрешения на проведение шествия, Суд, тем не менее, отметил, что власти давали разрешение другим группам в проведении демонстраций, а также обратил внимание на заявление мэра, сделанное в тот момент, когда вопрос о получении разрешения на проведение шествия находился на стадии рассмотрения властями. Основываясь на своих более ранних решениях, Суд решил, что есть достаточные основания считать, что заявление мэра могло быть воспринято как инструкция к действиям теми представителями власти, чья карьера зависела от их решения по этому заявлению. В связи с этим, Суд решил, что имело место нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 11.

Пределы свободы усмотрения Государства по отношению к военным силам существенно шире. Тем не менее, в ряде дел, поданных гомосексуальными сотрудниками вооруженных сил против Великобритании, Суд решил, что была нарушена Статья 8 Конвенции. В этих делах рассмотрение обоснования разницы в обращении было сделано в контексте Статьи 8, однако схожая аргументация применима и к Статье 14.

- В деле **Smith and Grady v. the United Kingdom (1999)** заявителями были члены Королевских воздушных сил, которые были уволены из вооруженных сил исключительно по причине их гомосексуальности в соответствии с политикой Министерства обороны по недопущению гомосексуалов к военной службе. Заявители утверждали, что данная политика нарушила их права на уважение частной жизни согласно Статье 8 в сочетании со Статьей 14 и что методы расследования их сексуальной ориентации нарушили Статью 3 совместно со Статьей 14. По мнению Суда, данным обращением не был достигнут минимальный уровень жестокости, необходимый для его рассмотрения в рамках Статьи 3, и поэтому не обнаружил нарушения Статьи 3 в сочетании со Статьей 14. Однако было установлено нарушение Статьи 8, так как ни методы расследования сексуальной ориентации заявителей, ни их увольнение по причине их гомосексуальности в соответствии с политикой Министерства обороны не были обоснованными. Суд решил, что отдельного вопроса, связанного со Статьей 14 в данном деле нет и поэтому нет необходимости рассматривать возможность ее нарушения.
- В деле **Lustig-Prean and Beckett v. the United Kingdom (1999 г.)** Суд решил, что он не может игнорировать распространенные и последовательно развивающиеся взгляды или законодательные акты в национальных судах Государств-участников в пользу разрешения гомосексуалам служить в вооруженных силах этих Государств. Кроме этого, Правительство Великобритании не предложило убедительных и веских причин необходимости их увольнения исключительно по причине гомосексуальности. Поэтому Суд решил, что была нарушена Статья 8 Конвенции. Суд, однако, не стал рассматривать эту жалобу в контексте Статьи 14 в сочетании со Статьей 8. См. также дело **Beck, Copp and Bazeley v. the United Kingdom (2002)** and **Perkins and R. v. the United Kingdom (2002 г.)**

Суд указал, что Государство не может проявлять дискриминацию по признаку сексуальной ориентации в делах, касающихся детей. Однако он также заметил, что Государства обладают широкими

пределами свободы усмотрения в делах, касающихся усыновления детей лицами гомосексуальной ориентации ввиду недостатка общности подходов, применяемых Государствами в этой сфере.

- В деле **Salgueiro Da Silva Mouta v. Portugal (1999 г.)** заявитель жаловался на то, что решение португальского апелляционного суда о передаче родительских прав на его дочь его бывшей жене, а не ему, основывалось исключительно на его сексуальной ориентации, в нарушение Статьи 8 (взятой в отдельности и в сочетании со Статьей 14). Суд решил, что принятие во внимание апелляционным судом гомосексуальности заявителя в качестве фактора, имеющего значение для решения об опеке, демонстрирует разницу в обращении между заявителем и его бывшей женой, основанную на сексуальной ориентации заявителя. Национальный суд определил, что «нет необходимости в рассмотрении того, является гомосексуальность или сексуальная ориентация, направленная на лиц своего пола, болезнью или нет. Как бы то ни было, это отклонение от нормального состояния и дети не должны расти в тени таких ненормальных обстоятельств». Суд решил, что эта часть решения Лиссабонского апелляционного суда говорит о том, что гомосексуальность заявителя была решающим фактором в принятии судом решения и что она привела к разнице в обращении, основанной на факторах, связанных с гомосексуальностью заявителя, что является непозволительным согласно Конвенции (см. параграфы 34-36). Несмотря на то, что решение апелляционного суда преследовало законную цель – защиту здоровья и интересов ребенка, различие, которое оно делала на основе соображений, относящихся к сексуальной ориентации заявителя, не является допустимым согласно Конвенции. Цель и использованные для ее достижения средства, не были пропорциональными друг другу. Следовательно, была нарушена Статья 8, взятая в сочетании со Статьей 14.
- В деле **Fretté v. France (2002 г.)** заявление заявителя об усыновлении ребенка было отклонено на основании того, что его «образ жизни» не позволил заключить с достаточной уверенностью, что он будет способен обеспечить ребенку надлежащие условия жизни. Заявитель утверждал, что отклонение его заявления на усыновление было по сути связано исключительно с его сексуальной ориентацией. Он заявил, что данное решение, принятое в рамках правовой системы, допускающей усыновление ребенка лицом, не состоящим в браке, фактически исключало любую возможность усыновления для категории лиц, определяемой их сексуальной ориентацией, а именно бисексуалов и гомосексуалов, без учета их индивидуальных качеств и способности к воспитанию ребенка. Он заявил, что стал жертвой дискриминации по признаку сексуальной ориентации, в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 8. Суд согласился, что решение, оспариваемое заявителем, было основано на его гомосексуальности. Однако он решил, что пределы свободы усмотрения, которой обладает Государство в данном вопросе, достаточно широкие в силу недостатка консенсуса среди Государств-участников и в научном сообществе по вопросу усыновления детей лицами гомосексуальной ориентации. Суд решил, что отказ властей не нарушил принцип пропорциональности и что обоснование, предъявленное Государством, является объективным и достаточным; таким образом, разница в обращении, на которую жаловался заявитель, не содержит дискриминации по смыслу Статьи 14. Однако это решение не было единогласным; ряд судей высказали резкое несогласие с этим решением. Приняв во внимание серьезность различия по признаку сексуальной ориентации, они не согласились с тем, что Правительство обладает широкими пределами свободы усмотрения в данном вопросе, указав, в частности, что:

...приведенный в данном решении аргумент о недостатке «общности подходов» среди Государств-участников или «универсальных принципов» в отношении усыновления гомосексуалами... который предоставляет Государствам полную свободу действия, кажется нам не имеющим отношения к делу, расходящимся с существующей практикой Суда по отношению к Статье 14 Конвенции и, будучи выраженным в таких общих чертах, может быть использован в ущерб фундаментальным правам (Особое мнение Судей Братззы (Bratzka), Фюрмана (Fuhrmann) и Талкенса (Tulkens)).

- В решении по делу **E.B. v. France (2008 г.)** Большая Палата отклонилась от подхода, примененного Судом в деле **Fretté v. France**. Заявителем была лесбиянка, живущая с партнершей, с которой она имела прочные постоянные отношения. Она жаловалась на то, что была подвергнута дискриминации, так как ее заявление на усыновление ребенка было отклонено французскими властями якобы по причине ее сексуальной ориентации. Причины, указанные властями, состояли в отсутствии «примера для подражания» ввиду отсутствия отцовского образа или примера и неоднозначном характере личного отношения партнерши заявительницы к планам по усыновлению ребенка. В отличие от объяснений, представленных властями в деле **Fretté v. France**, власти в данном деле утверждали, что отказ в праве на усыновление основывался не на ее выборе образа жизни, а на потребностях и интересах усыновленного ребенка. Суд счел, что связь принятого властями решения с гомосексуальностью заявительницы была если не явной, то подразумеваемой. Влияние ее гомосексуальности на оценку ее заявления было не только установленным, но и имело решающее значение при принятии решения об отказе в усыновлении. Если представленные причины такой разницы в обращении основывались исключительно на соображениях, связанных с сексуальной ориентацией, это значит, что имела место дискриминация, запрещенная Конвенцией. Более того, французский закон допускал усыновление ребенка лицами, не состоящими в браке, таким образом открывая возможность усыновления лицом гомосексуальной ориентации, не состоящим в браке. В связи с этим, Суд определил, что заявительница испытывала разницу в обращении, и установил нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 8.
- В деле **Karner v. Austria (2003 г.)** заявитель утверждал, что стал жертвой дискриминации по признаку сексуальной ориентации так как Австрийский Верховный Суд отказал ему в предоставлении статуса «спутника жизни» по отношению к его умершему партнеру; отсутствие этого статуса, используемого в австрийском законодательстве, не позволило ему продолжить аренду собственности, оформленную его партнером. Заявитель утверждал, что в данном случае была нарушена Статья 14 в сочетании со Статьей 8. Суд согласился, что предъявленный Государством довод о необходимости защиты семьи в традиционном смысле имел вескую и законную причину, которая могла в принципе быть достаточным обоснованием разницы в обращении. Однако это достаточно абстрактная цель и для ее достижения могут использоваться самые разные конкретные меры. Кроме этого, в делах, связанных с разницей в обращении, основанной на половой принадлежности или сексуальной ориентацией, пределы свободы усмотрения, которая предоставлена Государствам, относительно узкие. Следовательно, принцип отношений пропорциональности между используемыми мерами и целью, на которую они направлены, не только требует того, чтобы избранная мера подходила для достижения преследуемой цели; также необходимо показать, что для достижения этой цели необходимо исключить гомосексуальные пары из области действия данного закона. Государство не предъявило каких-либо аргументов в пользу такого вывода и поэтому не предоставило убедительных и веских причин, которые могли бы обосновать правомерность рассматриваемого законодательного положения. Таким образом, имело место нарушение Статьи 14 Конвенции, в сочетании со Статьей 8.

См. также дела **Simpson v. the United Kingdom (1986 г.)**; **W.J. and D.P. v. the United Kingdom (1987 г.)**; **C. and L.M. v. the United Kingdom (1989 г.)**; **Z.B. v. the United Kingdom (1990 г.)**; **Kerhoven and Hinke v. the Netherlands (1992 г.)**; и **Mata Estevez v. Spain (2001 г.)**.

4.8 Различия по признаку языка

Статья 14 Конвенции прямо запрещает дискриминацию по признаку языка. Однако Суд рассмотрел лишь несколько дел, связанных с дискриминацией по этому признаку.

- В деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** Суд определил, что Конвенция не гарантирует права родителям на обучение их детей на языке по их выбору. Он указал, что такое истолкование Статьи

14 привело бы к абсурдным последствиям: кто угодно мог бы требовать права на обучение на любом языке на любой территории стран-участников. Суд, однако, решил, что право на образование и право на уважение семейной жизни, гарантированные соответственно Статьей 2 Протокола 1 и Статьей 8 Конвенции, должны осуществляться без дискриминации по признаку языка (параграф 11).

- В деле **Orsus v Croatia (2008 г.)**¹ заявители, граждане Хорватии цыганского происхождения, жаловались на нарушение их права на обучение согласно Статье 2 Протокола 1 в сочетании со Статьей 14 в силу того, что они были отделены от других учеников и помещены в классы для школьников-цыган. Они также утверждали, что это привело к их исключению из основного образования, лишив их таким образом перспектив на дальнейшее образование и трудоустройство, а также негативно повлияв на их интеграцию в хорватское общество и на их участие в нем. Проведя параллели с делом **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)**, Суд обратил внимание на то, что в отличие от дела **D.H. and Others**, где дети были помещены в школы для детей с затруднениями в приобретении знаний по причине их этнической принадлежности, что требовало особой тщательности рассмотрения, в данном деле разница в обращении была основана на уровне владения языком, а значит, в такой ситуации Государство обладает более широкой свободой усмотрения. Суд еще раз подчеркнул, что Государствам не запрещено вводить отдельные классы или различные типы школ для детей с затруднениями в приобретении знаний, или осуществлять специальные образовательные программы, соответствующие их особым потребностям. Суд даже счел это позитивной мерой, принятой властями страны, и заключил, что так как первоначальное помещение заявителей в отдельные классы основывалось на недостаточном знании хорватского языка, а не на их расе или этническом происхождении, оно было обоснованным для целей и Статьи 14 Конвенции, и Статьи 2 Протокола 1. В момент подготовки данного пособия это дело ожидало рассмотрения Большой Палатой.
- Дело **Association Ekin v. France (2001 г.)** касалось книги, опубликованной во Франции, которая была посвящена историческим, культурным, лингвистическим и социально-политическим аспектам жизни басков. Французские власти запретили эту книгу, заявив, что она пропагандировала сепаратизм и содержала призывы к насилию и, таким образом, представляла угрозу общественному порядку. Заявитель жаловался, что запрет книги нарушил Статью 10 (свобода выражения) и привел к дискриминации по отношению к свободе выражения по признаку языка или национального происхождения в нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 10. Суд рассмотрел вопрос о соответствии этой меры Статье 10. Суд счел, что запрет книги не был социально необходим и не являлся пропорциональным преследуемой цели; следовательно, он не является «необходимым в демократическом обществе» и, таким образом, нарушил Статью 10. Суд не посчитал необходимым рассматривать эту жалобу отдельно в контексте Статьи 14.
- Дело **Kamasinski v. Austria (1989 г.)** касалось обстоятельств судебного разбирательства в Австрии в отношении лица, не говорящего на немецком языке. Он утверждал, что средства по обеспечению перевода, которые были ему предоставлены, не соответствовали его потребностям, что нарушило его права по Статье 6 (справедливое судебное разбирательство) и по Статье 14 по причине того, что он в силу незнания немецкого языка был лишен преимуществ, которыми обладали подсудимые, говорящие на немецком языке. Суд счел «излишним рассматривать факты данного дела в контексте Статьи 14... так как в настоящем случае запрещение дискриминации, заложенное в этой Статье, уже содержится в Статье 6». Рассмотрев факты дела по существу, Суд не обнаружил нарушения Статьи 6.

¹ В момент подготовки данного пособия дело ожидало рассмотрения Большой Палатой. INTERIGHTS предоставила в качестве вмешательства третьей стороны материалы о международных и сравнительных подходах, которые выложены на сайте www.interights.org/orsus.

- В деле **Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium (1987 г.)** франкоязычные жители фламандской части Бельгии утверждали, что законы, регулирующие членство в местном Управляющем совете, не позволяли им использовать французский язык, в нарушение их прав по Статье 14 в сочетании со Статьей 3 Протокола 1. Суд решил, что в свете общей структуры бельгийского государства Статья 14 не была нарушена.
- Дело **Sampanis and Others v. Greece (2008 г.)** касалось непредоставления образования детям заявителей в течение 2004-2005 учебного года и их последующего помещения в специальные подготовительные классы – мера, которая, по мнению заявителей, была связана с их цыганским происхождением и которая содержала в себе разницу в обращении, поставившую их в менее выгодные условия по сравнению с детьми-не цыганами, находящимися в сходном положении. Суд заключил, что несмотря на желание властей обеспечить возможность образования детям-цыганам, условия поступления в школу для этих детей и их помещение в специальные подготовительные классы в конечном итоге привели к дискриминации против них. Соответственно, была нарушена Статья 14 Конвенции, взятая в сочетании со Статьей 2 Протокола 1 по отношению к каждому из заявителей.

Подтверждая фундаментальный характер запрещения дискриминации, Суд решил, что возможность того, что лицо может отказаться от права на защиту от дискриминации, является недопустимым. Такой отказ от установленного права противоречил бы важному общественному интересу.

4.9 Различия, основанные на политических или иных убеждениях или на социальном происхождении

Статья 14 прямо запрещает дискриминацию по признаку «политических или иных убеждений». К настоящему моменту Суд не установил нарушений запрета дискриминации, основанной на политических или иных взглядах.

- В деле **Feldek v. Slovakia (2001 г.)** заявитель, гражданин Чехии, распространил заявление, опубликованное в нескольких словацких газетах, в котором он упомянул «фашистское прошлое» премьер-министра Словакии. Национальные суды объявили это заявление клеветническим. Заявитель жаловался, что словацкие суды нарушили его право на свободу выражения и что публикация текста, объявляющего его заявление клеветой, нарушило его право на свободу мысли. Он также жаловался, что стал жертвой дискриминации по признаку политических убеждений. По мнению Суда, не вызывает сомнений, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу выражения. При принятии решения о том, являлись ли данные меры «необходимыми в демократическом обществе» Суд отметил, что заявление заявителя была сделано в рамках политических дебатов по вопросам, имеющим общественную значимость, а также, что поощрение свободных политических дебатов является очень важной чертой демократического общества. Соответственно, вмешательство, оспариваемое заявителем, не было «необходимым в демократическом обществе» по смыслу Статьи 10(2) и, соответственно, в данном деле имело место нарушение Статьи 10. Однако Суд не обнаружил подтверждений тому, что данная мера могла быть связана с разницей в обращении, основанной на политических убеждениях заявителя или других соответствующих критериях. Следовательно, Статья 14 не была нарушена.
- В деле **Devenney v. The United Kingdom (2002 г.)** заявитель был без всякого объяснения уволен с работы официанта. Он утверждал, что был единственным католиком среди постоянных работников гостиничного ресторана, занятых полный рабочий день; он пожаловался в Трибунал по справедливым условиям найма (the Fair Employment Tribunal) на то, что пострадал от несправедливой дискриминации по причине своих религиозных или политических убеждений.

Трибуналу была представлена справка, подписанная министром иностранных дел Северной Ирландии, из которой в соответствии с разделом 42 Акта о справедливых условиях найма (Fair Employment Act) следовало, что его договор найма был прекращен в целях защиты общественной безопасности и общественного порядка. Суд единогласно решил, что в данном деле имело место нарушение Статьи 6(1) Конвенции (справка, ссылающаяся на Акт о справедливых условиях найма фактически лишила заявителя доступа к судебной защите), и указал, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 14.

- Суд также рассмотрел дела, связанные с освобождением от работы в силу имевших ранее профессиональных связей со службами государственной безопасности СССР (КГБ), см. дела **Sidabras and Dziautas v. Lithuania (2004 г.)**, **Rainys and Gasparavičius v. Lithuania (2005 г.)** и **Žičkus v. Lithuania (2009 г.)**. Заявители в этих делах утверждали, что стали жертвой дискриминации, примененной к ним Государством по причине их прежнего политического статуса. По их мнению, в отношении них были нарушены Статьи 8 и 14 в силу того, что потеря ими работы и запрет на их трудоустройство в различных областях частного сектора были дискриминационными по своему характеру. Суд решил, что ограничения, установленные Государством на возможность трудоустройства человека в частных компаниях по причине недостатка лояльности к нему, не могут быть оправданы с точки зрения Конвенции, также как ограничения на его доступ к трудоустройству на государственную службу. Кроме этого Суд определил, что применение данных ограничений через 10 лет после того, как независимость Литвы была восстановлена и работа заявителей в КГБ была прекращена, явно говорит в пользу того, что применение запрета по отношению к заявителям содержит дискриминацию (**Rainys and Gasparavičius v. Lithuania (2005 г.)**, параграф 36, см. также раздел 3.1 выше).

Как отмечалось ранее, во многих делах Суд не рассматривает отдельно жалобы на нарушение Статьи 14, если до этого он принял решение по вопросу нарушения материальных положений Конвенции, таких как свобода выражения или право на жизнь. Хорошей иллюстрацией этому являются дела, имеющие отношение к роспуску оппозиционных партий в Турции. См. дела **United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey (1998 г.)**; **Incal v. Turkey (1998 г.)**; и **Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey (1999 г.)**. Государственная цензура в Турции (и связанное с ней применение насилия) также привели к подаче жалоб на нарушение свободы выражения и сопутствующих (нерассмотренных Судом) жалоб на дискриминацию по признаку политических убеждений. См. дела **Yasa v. Turkey (1998 г.)**; и **Baskaya and Okçuoglu v. Turkey (1999 г.)**. Дела **Veznedaroglu v. Turkey (2000 г.)** и **Kiliç v. Turkey (2000 г.)** были связаны с жалобами на нарушение права на жизнь в результате политических репрессий. Наконец, дело **Sidiropoulos and Others v. Greece (1998 г.)** касалось жалобы на нарушение права на свободу объединений в сочетании с дискриминацией по признаку политических убеждений.

Многие из «политических» дел из Северной Ирландии были рассмотрены в контексте «принадлежности к национальному меньшинству», а не в связи с политическими убеждениями (см. дела **McKerr, Shanaghan, Kelly, McShane** и др.). Многие из этих дел касались жалоб на меры по обеспечению «безопасности», принятые против республиканцев, таких как интернирование или ограничения свободы выражения.

- В деле **Ireland v. the United Kingdom (1978 г.)** Государство-заявитель утверждало, что различные меры, относящиеся к внесудебному лишению свободы в Северной Ирландии между 1971 и 1975 годами, осуществлялись дискриминационным образом в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 5. До 1973 года такие меры применялись только в отношении Ирландской республиканской армии; позже они применялись также против террористов-лоялистов, но уже в меньшей степени. Государство-заявитель утверждало, что это означало дискриминационную политику или практику, и что такая дискриминация не имела «объективного и достаточного обоснования». Суд принял во внимание, что до 1973 года существовала разница между

террористами-лоялистами и террористами-республиканцами: республиканцы были повинны в большем количестве противозаконных действий, их организации были намного лучше структурированы, и их было сложнее привлечь к правовой ответственности. Хотя интенсивность атак лоялистов возросла в период между 1972 и 1973 годами и это не привело к немедленному росту применения интернирования, Суд решил, что в следствие изменения ситуации Государству нужно время для адаптации. В связи с этим, Суд решил, что цель, преследуемая до 1973 года – прежде всего уничтожение самой грозной организации – являлась законной, а средства, использованные для ее достижения, пропорциональными. Суд заключил, что после февраля 1973 года не было значительной разницы в обращении. Хотя интернированию подверглось большее число республиканцев, это объяснялось тем, что они совершали большинство террористических актов и их было труднее предавать суду.

- В деле **P.K., M.K. and B.K. v. the United Kingdom (1992 г.)** заявители жаловались на то, что испытывали дискриминацию по причине политических или иных убеждений, национального происхождения или принадлежности к национальному меньшинству. Они утверждали, что заключенные, принадлежащие к Ирландским республиканцам, испытывали худшее обращение по сравнению с другими заключенными при переводе в другие тюрьмы. Европейская комиссия по правам человека установила, что заявителю было отказано в переводе в тюрьму в Северной Ирландии по крайней мере по соображениям безопасности. Приняв во внимание то, что он был осужден за очень серьезные террористические акты, Комиссия решила, что его положение по отношению к тюремному переводу не может считаться аналогичным положению других заключенных.
- В деле **McLaughlin v. the United Kingdom (1994 г.)** заявитель утверждал, что правительственные приказы британским вещательным СМИ, запрещающие им допускать к участию в телевизионных программах представителей партии Шин фейн (Sinn Fein), содержали дискриминацию против него в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 10 (свобода выражения). Европейская комиссия по правам человека рассмотрела, имелось ли объективное и достаточное обоснование этой разницы в обращении. Комиссия решила, что поддержка партией Шин фейн террористических актов оправдывала ограничение их доступа к средствам массовой информации в данных обстоятельствах.
- В деле **John Murray v. the United Kingdom (1996 г.)** заявитель утверждал, что применение в Северной Ирландии практики, касающейся доступа к адвокату обвиняемых в терроризме, является дискриминационным в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 6. Адвокатам было запрещено присутствовать во время их допроса полицией, в то время как такое ограничение не применялось к подозреваемым в терроризме в Англии и Уэльсе. Так как Суд установил, что отказ заявителю в доступе к адвокату нарушил Статью 6, он не считал необходимым дополнительно рассматривать данную жалобу в контексте Статьи 14.
- В деле **Magee v. the United Kingdom (2000 г.)** заявитель жаловался на дискриминацию по признаку национального происхождения и/или принадлежности к национальному меньшинству. Он утверждал, что подозреваемые, арестованные и содержащиеся под стражей в Англии и Уэльсе согласно антитеррористическому закону, могли получить доступ к адвокату немедленно после ареста и имели право на его присутствие в течение допроса, в то время как это не допускалось в Северной Ирландии. Кроме этого, в Англии и Уэльсе в соответствующее время инкриминирующие выводы не могли быть основаны на молчании арестованного в течение допроса, что, однако, могло иметь место в Северной Ирландии. Суд решил, что имевшая место разница в обращении была связана не с личными особенностями задержанных, такими как национальное происхождение или принадлежность к национальному меньшинству, а с географическим положением места, где было арестовано и содержалось под стражей данное лицо. Закон имел право принять во внимание объективные и соответствующие региональные

особенности и характеристики. Следовательно, в данном деле такая разница в обращении не была дискриминационной по смыслу Статьи 14.

Судом было рассмотрено очень мало дел, связанных с дискриминацией по признаку социального происхождения.

- В деле **Olsson v. Sweden (1988 г.)** заявители, муж и жена, были гражданами Швеции. Власти Швеции решили, что их дети должны быть взяты под государственную опеку. Это решение основывалось на докладе, который говорил о том, что развитие детей было в опасности, так как они жили в неудовлетворительных условиях вследствие неспособности их родителей обеспечить надлежащий уход за ними. Заявители оспорили это решение и характер его осуществления. Суд отметил, что решение о передаче детей под государственную опеку и отказ в отмене этого решения основывались на социальных отчетах, подтвержденных лицами, хорошо знакомыми с обстоятельствами дела. Однако меры, принятые для осуществления решения, которые были отчасти вызваны административными трудностями, не имели достаточных причин и не были пропорциональными законной цели, которую они преследовали, а поэтому не были «необходимыми». Суд не согласился с утверждением о том, что вмешательства в права заявителя были основаны на его «социальном происхождении» и что они по этой причине были дискриминационными.

4.10 Различия, основанные на имущественном положении

Практика Суда в отношении Статьи 14 указывает на то, что Государства обладают относительно широкой свободой усмотрения при проведении различий на основе имущественного положения.

- В деле **Larkos v. Cyprus (1999 г.)** оспариваемая разница в обращении была связана с ситуацией, при которой существовали различные статусы арендаторов. Однако данная мера определяла различные статусы арендаторов на основе типа собственника недвижимости, у которого арендуется жилье. Суд решил, что основой дискриминации была собственность на основе типа владельца недвижимости, у которого арендовалось жилье. Хотя Суд указал, что в данном случае Государство обладает широкой свободой усмотрения, он решил, что Государство не предоставило «какого либо объективного и достаточного обоснования для такого различия, чтобы соответствовать требованиям Статьи 14 Конвенции, даже принимая во внимание его свободу усмотрения в сфере контроля над собственностью» (в параграфах 31-32).
- Дело **Chassagnou and Others v. France (1999 г.)** было подано от лица землевладельцев, которые по этическим причинам были против охоты, однако по закону они должны были стать членами соответствующей региональной ассоциации охотников. Кроме этого, по этому же самому закону они были обязаны передать свои права на охоту на своей земле охотничьей ассоциации с тем, чтобы все охотники могли на ней охотиться. В силу того, что они были небольшими землевладельцами, они по этому закону не могли получить освобождение от этих обязанностей, в то время как крупные землевладельцы имели такую возможность. Наличие дискриминации было установлено на основе разницы в обращении между небольшими и крупными землевладельцами: небольшие землевладельцы не могли использовать свою землю в соответствии со своей совестью (в данном случае не причиняя вреда животным). Суд решил, что такая разница в обращении нарушила статью 1 Протокола 1 в сочетании со Статьей 14, а также Статью 11 в сочетании со Статьей 14.
- В деле **Darby v. Sweden (1990 г.)** заявитель, гражданин Финляндии британского происхождения, который работал в Швеции, должен был платить шведским властям в качестве одного из муниципальных налогов церковный налог, и не имел права на снижение этого налога по причине отсутствия шведской регистрации. Он утверждал, что этим были нарушены Статьи 9 и 14

Конвенции. Суд счел более естественным рассмотреть это дело в контексте Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 1 Протокола 1, который имеет отношение к мирному пользованию собственностью (обязанность платить налоги входит в область его применения). В том, что касается права на снижение этого налога, положение заявителя было признано схожим с положением других жителей, не являющихся прихожанами Шведской церкви. Суд решил, что различие, проводимое в отношении пользования данным правом между лицами, официально зарегистрированными в качестве жителей, и лицами, не имеющими такой регистрации, не имело законной цели по смыслу Конвенции. Соответственно, имело место нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 1 Протокола 1. Суд не посчитал необходимым рассматривать также вопрос о нарушении Статьи 14 в пользовании заявителем этим правом. Здесь нужно отметить, что Комиссия ранее сочла эту разницу в обращении дискриминацией, основанной на религии, однако Суд основал свое решение на аспекте собственности.

- В деле **Kjartan Asmundsson v. Iceland (2004 г.)** заявитель утверждал, что отмена его пенсии по инвалидности нарушила Статью 1 Протокола 1 в отдельности и в сочетании со Статьей 14 Конвенции. Правительство не согласилось, что введение новых критериев для определения инвалидности было незаконным, дискриминационным и непропорциональным интересам сообщества, в пользу которых оно действовало. Суд согласился с тем, что вопрос пропорциональности является ключевым аспектом данного дела (в параграфе 40). Хотя Суд рассматривал это дело в контексте Статьи 1 Протокола 1, ключевым пунктом для решения вопроса о пропорциональности было то, имела ли место необоснованная разница в обращении. Суд согласился, что введение новых правил, касающихся назначения пенсии, было вызвано законным стремлением решить проблему финансирования, и что нововведения были основаны на объективных причинах. Однако заявитель принадлежал к небольшому проценту получателей пенсий, чьи пенсии были отменены. Суд решил, что данная мера вряд ли решала проблемы, связанные с финансовым обеспечением пенсионного фонда. Суд счел, что хотя изменения правил назначения пенсий могут на законных основаниях учитывать потребности получателей пенсии, это различное обращение само по себе предполагает, что оспариваемая мера была необоснованной для целей Статьи 14. Суд отметил, что такое рассмотрение дела в контексте Статьи 14 имеет большой вес в определении отношений пропорциональности между мерой и целями по отношению к Статье 1 Протокола 1. Суд определил, что как индивидуальное лицо он понес чрезмерный и непропорциональный ущерб, который, даже с учетом широкой свободы усмотрения, которой обладает Государство в сфере правового обеспечения социальной защиты, не может быть оправдан законными интересами общества, которыми руководствовались власти. Суд определил, что была нарушена Статья 1 Протокола 1.

4.11 Примеры дел, связанных с дискриминацией по «иным признакам»

Эта категория по сути включает все, что не указано в Статье 14. Во французской версии текста использовано выражение “*toutes autres situations*”, обозначающее любые другие ситуации. Согласно решениям Суда эта категория включает семейное положение, профессиональный статус и воинское звание. Сексуальная ориентация и рождение вне брака уже рассматривались выше в контексте «особых признаков», требующих особенно тщательного рассмотрения. Вот некоторые из дел, связанных с «иными признаками»:

4.11.1 Семейное положение и связанные с ним вопросы

Конвенция запрещает дискриминацию по признаку семейного положения, подпадающего под определение «иного признака», использованного в Статье 14.

- Дело **McMichael v. the United Kingdom (1995 г.)** касалось биологического отца ребенка, взятого под государственную опеку и который мог быть впоследствии усыновлен. Заявитель утверждал,

что шотландский закон, согласно которому у него не было законного права на опеку или участие в заседаниях по определению судьбы ребенка до последующего брака с матерью ребенка, было дискриминационным по отношению к нему и нарушало Статью 14 (совместно со Статьей 8). Правительство заявило, что данный закон позволял биологическому отцу подать заявление на получение родительских прав. Ввиду этого факта Суд обратил внимание на заявление Комиссии, говорящее о том, что целью рассматриваемого закона было установление отцов, способных наилучшим образом выполнять родительские обязанности, что, таким образом, защищало интересы ребенка и матери. Так как цель данных законов была правомерной, а примененные условия были пропорциональными, Суд решил, что имевшая место разница в обращении имела достаточное и объективное обоснование. Соответственно, Статья 14 не была нарушена.

- В деле **Sahin v. Germany (2001 г.)** заявитель утверждал, в частности, что решения немецкого суда, отказывающие ему в доступе к своему ребенку, рожденному вне брака, содержали нарушение его права на уважение семейной жизни и что он стал жертвой дискриминационного обращения в этом отношении в нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 8. Немецкие законы (при их истолковании судами) ставили отцов детей, рожденных вне брака, в отличное, менее выгодное положение по сравнению с разведенными отцами. В отличие от последних, биологические отцы не имели права доступа к своим детям. Кроме этого, суд мог лишь отклонить отказ матери в доступе к ребенку, когда такой доступ был «в интересах ребенка». Суд не был удовлетворен доводами Государства, что отцы внебрачных детей менее заинтересованы в контактах со своими детьми и что они могут в любой момент прекратить отношения, не скрепленные узами брака. Суд заключил, что была нарушена Статья 14, взятая в сочетании со Статьей 8. По вопросам сходного характера см. также дела **Hoffmann v. Germany (2001 г.)**; **Sommerfeld v. Germany (2001 г.)**; и **Elsholz v. Germany (2000 г.)**.
- В деле **P.M. v. the United Kingdom (2005 г.)** заявитель жил в стабильных длительных отношениях и имел общую дочь со своей партнершей, но не был на ней женат. После того, как их отношения прекратились, заявитель согласился выплачивать своей бывшей партнерше «алименты» согласно документу об их раздельном жительстве. На основании этих выплат ему была предоставлена налоговая льгота, однако власти впоследствии отменили ее, заявив, что она полагается только отцам, состоявшим ранее в браке. Заявитель жаловался на нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 1 Протокола 1. Он заявил, что находился в аналогичном положении по отношению к состоявшим в браке отцам и имел те же самые правовые обязательства по отношению к своему ребенку, что и отцы, состоявшие в браке. Суд отметил, что заявитель сравнивал себя не с парой, живущей в браке, а с положением женатого отца, живущего отдельно от семьи или разведенного отца, также живущего отдельно. Суд счел, что заявитель отличался от отца, состоявшего в браке, только своим семейным положением и имел право считать, что находится в относительно схожем с ним положении. В отношении обоснования, предъявленного Государством для объяснения разницы в обращении, которое основывалось на особых свойствах брака, Суд заметил, что, как правило, неженатые отцы, имеющие семейные отношения со своими детьми, могут претендовать на те же права на общение и опеку, что и женатые отцы. В настоящем деле заявитель был признан в качестве отца и действовал соответствующим образом. Принимая во внимание финансовые обязательства по отношению к своей дочери, которые заявитель надлежащим образом выполнял, Суд не нашел причин для того, чтобы обращаться с ним не так, как с отцом, ранее состоявшим в браке, а сейчас разведенным и проживающим отдельно от матери ребенка, в том, что касается предоставления соответствующей налоговой льготы. Суд заключил, что в силу этих причин в данном деле была нарушена Статья 14 Конвенции в сочетании со Статьей 1 Протокола 1.

См. также дело **Mizzi v. Malta (2006 г.)**.

- В деле **Burden and Burden v. the United Kingdom (2006 г. Grand Chamber 2008 г.)** заявителями были две сестры в возрасте старше 80 лет, которые проживали совместно в течение последних 30 лет в доме, построенном на унаследованной от их родителей земле. Заявляя о нарушении Статьи 1 Протокола 1 совместно со Статьей 14, заявительницы жаловались, что в случае смерти одной из них вторая столкнется с необходимостью выплатить значительный налог на наследство, в отличие от партнера умершего человека, с которым он состоял в браке или гражданском партнерстве. Суд согласился с мнением Правительства в том, что нельзя провести полную аналогию между заявителями и парами, состоящими в браке или гражданском партнерстве в силу того, что заявители были связаны родством по рождению, а не в результате решения вступить в официальные отношения, признаваемые законом. Суд далее заметил, что даже если бы положение этих двух категорий лиц было признано аналогичным для целей налога на наследство, данная разница в обращении все равно не противоречила бы Статье 14. Суд также согласился с доводами Государства-ответчика в том, что освобождение от уплаты налога на наследство, предоставляемое супружеским парам и парам, состоящим в гражданском партнерстве, преследует законную цель оказанию поддержки стабильным, крепким гетеросексуальным и гомосексуальным взаимоотношениям посредством предоставления лицу, пережившему смерть своего партнера, финансовой поддержки. Палата сочла, что ее задача в данном деле состоит не в том, чтобы решить, должны ли были применяться другие критерии для предоставления налоговой льготы, а в том, чтобы определить, находился ли такой порядок, установленный законодательными органами, в пределах свободы усмотрения Государства. Суд не установил нарушения Статьи 14, рассмотренной в сочетании со Статьей 1, отметив, что разница в обращении между лицами, состоящими в браке или гражданском партнерстве и другими лицами, живущими вместе, была обоснованной для целей Статьи 14 и не выходила за пределы свободы усмотрения, предоставленные Государству. Большая Палата, придя к тому же выводу, что и Палата, несколько отличным образом оценила положение заявителей. По мнению Большой Палаты, нельзя провести аналогию между лицами, вступившими в имеющий юридическую силу официальный брак или гражданское партнерство с одной стороны, и теми лицами, которые, как заявители в данном деле, находились в длительных отношениях совместного проживания, с другой стороны.

4.11.2 Профессиональный статус или военное звание

Судом были рассмотрены несколько дел, связанных с дискриминационным обращением по признаку профессионального статуса или военного звания.

- Дело **Engel v. Netherlands (1976 г.)** - первый пример дела, основанного на проведении различий между военными и гражданскими лицами. Все заявители были солдатами-срочниками, проходящими службу в различных званиях сержантского уровня в вооруженных силах Голландии. В различные моменты на них были возложены взыскания вышестоящими офицерами за нарушения военной дисциплины. Заявители оспорили эти наказания, обратившись сначала к офицеру по рассмотрению жалоб, а в последствии в Верховный военный суд, который в содержательных аспектах подтвердил оспариваемые дисциплинарные наказания, и в двух случаях уменьшил строгость назначенного наказания. В своем решении Суд объединил принципы сравнения и объективного обоснования и применил нестрогий подход к рассмотрению дела по отношению к Государству, сославшись на его «...значительную свободу усмотрения». Суд не обнаружил нарушения Статьи 14 (см. параграф 72).
- **Van der Musselle v. Belgium (1983 г.)** - еще один пример дела, связанного с профессиональным статусом. Суд решил, что адвокаты обладают комплексом прав и обязанностей, который фундаментальным образом отличает их профессию от других юридических, параюридических или других профессий. Заключив, что в данном деле не существует аналогичных ситуаций, Суд не стал более подробно рассматривать обстоятельства этого дела (см. параграф 46).

- Дело **Rekvenyi v. Hungary (1999 г.)** также было связано с разницей в обращении, основанной на профессиональной принадлежности. В Венгерскую конституцию были внесены изменения, согласно которым лицам, состоящим на военной службе или работающим в органах безопасности, запрещалось вступать в партии или заниматься политической деятельностью. В отношении утверждения о том, что такая мера была дискриминационной по признаку профессионального статуса, Суд лишь заметил, что «...даже если допустить, что сотрудники полиции могут находиться в сравнительно схожем положении с обычными гражданами...» (см. параграф 68), особый статус заявителя как сотрудника полиции оправдывает разницу в обращении. Суд подчеркнул, что «ряд Государств-участников ограничивают участие сотрудников полиции в определенных видах политической деятельности». Цель обеспечения политического нейтралитета со стороны сотрудников полиции является законной и в действительности имеет «...особое историческое значение в Венгрии ввиду пережитого страной тоталитарного режима...» (см. параграф 41).

4.11.3 Инвалидность

Статья 14 прямо не запрещает дискриминацию по признаку инвалидности. Однако можно предположить, что использование выражения «иные признаки» означает также запрещение дискриминации, основанной на инвалидности. До недавнего времени рассмотрение дел, поданных людьми, имеющими инвалидность, ограничивалось материальными статьями Конвенции (см. дела **Zehnalová and Zehnal v. Czech Republic (2002 г.)**, **Botta v. Italy (1998 г.)** и **Pretty v United Kingdom (2002 г.)**). Однако в недавнем деле **Glor v. Switzerland (2009 г.)** Суд прямо признал, что инвалидность подпадает под определение «иного признака», содержащегося в Статье 14 (в параграфе 80), установив нарушение на этой основе. В объяснении своего решения Суд сослался на недавно принятую Конвенцию ООН о правах инвалидов¹ и Рекомендации ПАСЕ №1592 (2003 г.) «О полноценной социальной интеграции людей с ограниченными возможностями».²

- В деле **Glor v Switzerland (2009 г.)** заявитель был признан негодным к военной службе и уволен со службы гражданской защиты из-за того, что страдал диабетом. Позже ему было вменено в обязанность платить налог, от которого он был освобожден ранее благодаря своему статусу военнослужащего ввиду того, что степень его инвалидности, а именно один из видов диабета, была ниже 40% (что являлось минимальным пределом для освобождения от налогов). Заявитель утверждал, что был подвергнут дискриминационному обращению в силу того, что должен был платить данный налог, и что ему было запрещено нести военную службу, несмотря на его неизменное желание делать это. Суд счел, что швейцарские власти по-разному обращались с лицами, находящимися в схожих ситуациях в двух аспектах: во-первых, заявитель должен был платить указанный налог в отличие от лиц с более серьезной инвалидностью, и, во-вторых, он не мог выполнять альтернативную гражданскую службу, предусмотренную швейцарскими законами для сознательных призывников-отказников. Суд установил нарушение по причине непредоставления швейцарскими властями заявителю возможностей разумного приспособления с тем, чтобы найти такое решение, которое отвечало бы его индивидуальным обстоятельствам. Используя подход, содержащийся в Конвенции ООН о правах инвалидов, который определяет разумное приспособление как «внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректив, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод», Суд определил, что швейцарские власти не приняли всех мер для обеспечения разумного приспособления в отношении инвалидности заявителя. Суд предположил, что людям, находящимся в ситуации, подобной ситуации заявителя могут быть предоставлены альтернативные формы службы в вооруженных силах, которые требуют

1 Конвенция ООН о правах инвалидов, принята 13 декабря 2006 г., вошла в силу 3 мая 2008 г.

2 Рекомендация ПАСЕ Совета Европы №1592 (2003 г.), принятая 29 января 2003 года (пятое заседание).

меньших физических нагрузок и которые являются совместимыми с особенностями частичной инвалидности – в данном случае инъекциями инсулина четыре раза в день – или возможность замены воинской службы гражданской службой (не ограничивая возможность ее применения сознательными отказниками). Суд заключил, что в данном деле имело место нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 8. Он определил, что заявитель стал жертвой дискриминационного обращения, так как швейцарские власти не предоставили достаточного обоснования разницы в обращении, в частности, между лицами, негодными к военной службе и не имеющими права на освобождение от указанного налога и теми, кто был негоден к военной службе, но, тем не менее, должен был платить этот налог. Суд впервые прямо сослался на Конвенцию ООН о правах инвалидов в качестве подтверждения существования европейского и международного консенсуса в отношении необходимости защиты лиц с ограниченными возможностями от дискриминационного обращения.

- В деле **Zehnalová and Zehnal v. Czech Republic (2002 г.)** заявители, являющиеся инвалидами-колясочниками, утверждали, что было нарушено их право на уважение частной жизни без какой-либо дискриминации, так как многие общественные здания не были оборудованы приспособлениями для обеспечения доступа в них лицами с ограниченными возможностями (хотя этого требовали чешские законы). Суд решил, что в данном случае Статья 8, также как и Статья 14, неприменима.
- В деле **Botta v. Italy (1998 г.)** заявитель, инвалид-колясочник, не мог получить доступ к пляжу и морю на территории частного купального заведения по причине отсутствия необходимых условий (санитарных узлов и наклонных въездов и переходов), как того требовал итальянский закон. Заявитель жаловался, что неспособность итальянского Государства принять меры по исправлению ситуации, при которой частное место отдыха не было оборудовано необходимыми условиями, нарушило его право на уважение частной жизни и на развитие личности согласно Статье 8 и содержало дискриминацию, противоречащую Статье 14 в сочетании со Статьей 8. Суд рассмотрел, подпадает ли указанное заявителем право под понятие «уважение» «частной жизни», содержащееся в Статье 9 Конвенции. Суд решил, что обозначенное заявителем право, а именно право на доступ к пляжу и морю в месте, удаленном от его обычного места жительства, во время отпуска, касается «межличностных взаимоотношений такого широкого и неопределенного характера, что невозможно представить себе прямой связи между мерами, которые должно было бы принять Государство для того, чтобы исправить упущение частных купальных заведений, с одной стороны, и частной жизнью заявителя» с другой стороны. Суд заключил, что Статья 8 здесь неприменима, и поэтому Статья 14 не была рассмотрена.
- Дело **Pretty v. United Kingdom (2002 г.)** касалось национального закона, согласно которому совершение самоубийства не являлось преступлением, однако содействие в его совершении кем-то другим являлось таковым. Заявительница утверждала, что такой закон является дискриминационным против тех, кто, как она, в силу физической недееспособности не могут лишить себя жизни без посторонней помощи. Суть ее аргументации сводилась к тому, что к ней было применено такое же обращение, которое применяется лицам, находящимся в отличном положении. Она сослалась на решение по делу **Thlimmenos**, заявив, что соответствующая мера является дискриминационной, так как не позволяет человеку с ограниченными способностями осуществить свое право на совершение самоубийства, но позволяет сделать это человеку, не являющемуся недееспособным. Суд согласился с национальным судом в том, что рассматриваемый закон не создавал права на совершение самоубийства в национальной правовой системе, и заключил, что ее жалоба была основана на неверном заключении.

5 ПОЗИТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА

5.1 Позитивные обязательства по защите от дискриминации

Согласно Статье 14 пользование правами и свободами Конвенции «должно быть обеспечено» без какой-либо дискриминации. Это означает, что Государства имеют позитивные обязательства по Статье 14, так же как и негативное обязательство воздерживаться от дискриминации в своих действиях. Что касается позитивных обязательств, Суд обычно отвечает на жалобу, связанную с дискриминацией, тем, что устанавливает наличие позитивного обязательства в соответствующей материальной статье или отклоняет ее, не обнаружив материального позитивного обязательства. Такой подход указывает на то, что Статья 14 скорее предоставляет защиту от дискриминации, а не гарантию равенства. Последнее привело бы к установлению позитивных обязательств по защите и осуществлению мер, направленных на обеспечение равенства, которые являются предметом свободы усмотрения Государства. В случае если Суд определяет, что согласно какому-то определенному материальному положению существуют позитивные обязательства, Государство должно выполнять эти позитивные обязательства без какой бы то ни было дискриминации.

- В деле **Belgian Linguistics (1968 г.)** Суд объяснил, что Государства могут иметь позитивные обязательства в отношении Статьи 14 (в параграфе 3):

Однако из этого не следует, что Государство не имеет позитивных обязательств по обеспечению уважения такого права, которое гарантировано Статьей 2 Протокола. Поскольку «право» существует, оно обеспечивается всем в пределах юрисдикции Государства-участника, благодаря Статье 1 Конвенции ... Они указали, с другой стороны, свое толкование Статьи 14 по нескольким вопросам. В первую очередь, они выразили мнение, что слово «обеспечивается» подразумевает существование обязательств со стороны Государств-участников предпринимать действия, а не просто обязанность воздерживаться от какого-либо действия.

Исходя из приведенного толкования, из Статьи 2 Протокола нельзя заключить существование права на получение от государственных властей создания особого вида образовательного учреждения; однако в тех случаях, где такое учреждение было создано, Государства не могут проявлять дискриминацию в том, что касается правил поступления.

- Дело **Vermeire v. Belgium (1991 г.)** касалось несоблюдения Бельгией принципа, сформулированного в деле **Marckx v. Belgium (1979 г.)**, согласно которому «...полное отсутствие прав наследования собственности в отсутствие завещания, основанное только на «законном» характере связи, является дискриминационным» (см. параграф 25). Суд решил, что Государство не выполнило своего обязательства «обеспечить всем» права, закрепленные в Конвенции.

В более позднем деле Суд признал обязанность Государства истолковывать частные действия, такие как завещания, таким образом, чтобы не допускать дискриминации.

- Дело **Pla and Puncernau v. Andorra (2004 г.)** касалось завещания, по которому женщина оставляла свое имущество сыну в качестве пожизненного владельца и по которому он должен был передать оставшееся имущество своему сыну или внуку, рожденному в «законном каноническом браке». По этому завещанию, сын оставил эту часть своей собственности жене в пожизненное пользование, а оставшуюся часть завещал душевнобольному приемному сыну. Его сестры подали иск, и в результате суды Андорры признали их законными наследниками. Ключевым выводом национальных судов было то, что приемный ребенок не мог считаться ребенком, рожденным в законном каноническом браке.

Заявители жаловались, что суды Андорры нарушили их право на уважение частной и семейной жизни в силу того, что подвергли неоправданному дискриминационному обращению первого заявителя по причине его отцовства. Суд рассмотрел данную жалобу относительно Статьи 13, взятой в сочетании со Статьей 8 Конвенции. Он отметил, что Статья 8 возлагает на Государства как негативные, так и позитивные обязательства, которые естественно связаны с «уважением» частной или семейной жизни. В отличие от прошлых дел, где рассматриваемая разница в обращении стала прямым следствием национального закона, в данном случае она была вызвана истолкованием национальным судом частного завещания, являвшегося предметом спора, и вопрос состоял в совместимости этого толкования с Конвенцией. Суд отметил широкую свободу усмотрения, которой обладают национальные суды в делах, касающихся частных споров, и заключил, что вопрос вмешательства в частную и семейную жизнь может стать предметом рассмотрения в рамках Конвенции, только если оценка национальными судами обстоятельств дела или национальные законы являются очевидно неразумными или произвольными или явно противоречащими фундаментальным принципам Конвенции. Суд решил, что рассматриваемый пункт завещания мог быть истолкован иным образом. Толкование, данное национальным судом, привело к лишению прав наследования приемного ребенка. Суд не обнаружил какой-либо законной цели или объективного и достаточного обоснования различию, проведенному внутренними судами, и счел, что они не приняли во внимание изменяющиеся социальные условия. Более того, он отметил, что нужны очень веские причины для того, чтобы оправдать разницу в обращении по признаку рождения вне брака. Он заключил, что была нарушена Статья 14 в сочетании со Статьей 8.

В недавнем решении Суд подчеркнул позитивные обязательства Государств принимать эффективные ответные меры на насилие против женщин для недопущения в таких случаях дискриминации.

- В деле **Opuz v. Turkey (2009 г.)** Суд разъяснил характер обязательств Государства по отношению к насилию в семье, признав при этом серьезность проблемы домашнего насилия в Европе, а также приняв во внимание особые проблемы, вызванные «невидимостью» этих преступлений, и подчеркнув необходимость решительных ответных мер со стороны Государства. В решении, которое в значительной степени основывалось на международном и сравнительном праве, Суд подчеркнул, что домашнее насилие является не только частным или семейным делом, но что это общественно важная проблема, которая требует от Государства решительных мер.

Приняв во внимание существование в Турции законов, устанавливающих уголовную ответственность за домашнее насилие, Суд подчеркнул необходимость эффективного применения этих законов на практике. Суд определил, что данные законы не имели адекватного сдерживающего эффекта, способного обеспечить действительную защиту от насилия против женщин, и что пассивность со стороны полиции и прокуратуры в реагировании на такие жалобы являлись повсеместными. Суд отметил, что «общее безразличие судебной системы и безнаказанность агрессоров... указывает на недостаток решимости предпринять необходимые меры по борьбе с домашним насилием». Он также отметил, что судебные решения в данном деле демонстрируют недостаточную эффективность и определенную степень толерантности к таким проявлениям насилия, и что эти решения не имели заметного профилактического или сдерживающего эффекта на поведение преступника. Суд решил, что была нарушена Статья 3 Конвенции в результате неспособности властей Государства принять меры по защите в виде эффективного сдерживающего средства против серьезных нарушений личной неприкосновенности заявительницы. Суд также отметил тот факт, что власти были обязаны, в случаях, когда заявитель не желает или не способен подать жалобу на действия агрессора, принять такие меры по собственной инициативе (параграф 171).

5.2 Обязательство по обеспечению особого обращения

Статья 14 содержит позитивное обязательство обеспечивать особое обращение как части обязательства по недопущению дискриминации.

- В деле **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)** Суд установил, что нарушение может возникнуть тогда, когда Государства «без объективного и достаточного обоснования» не обращаются по-разному с лицами, находящимися в значительно неравных условиях» (параграф 44). Суд установил нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 9, по причине того, что заявитель испытывал дискриминацию в пользовании правом на свободу религии. Дискриминация состояла в отказе от особого обращения с заявителем по сравнению с другими людьми, осужденными за тяжкие преступления. Дискриминация, таким образом, была результатом неосуществления позитивного обязательства по обеспечению особого обращения.
- В деле **Beard v. United Kingdom (2001 г.)** заявители цыганского происхождения заявили, что их образ жизни существенно отличался от того, как живут другие люди и поэтому, в соответствии с решением по делу **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)** Государство имело позитивное обязательство по Статье 14 приспособить общую политику к их индивидуальным особенностям. Один из пунктов жалобы заявителя по Статье 14 касался: «...неспособности правовой системы предоставить возможности приспособления к их традиционному образу жизни, обращаясь с ними так же, как с большинством населения...» (см. параграфы 130-132). Суд счел, что политика Государства в отношении заявителей имела «объективное и достаточное обоснование» и по этой причине Статья 14 не была нарушена. См. также похожие дела **Chapman, Coster, Smith и Lee**, рассмотренные выше в разделе, касающемся дискриминации по признаку расы.

Похоже, однако, что Суд не торопится расширять позитивные обязательства по Статье 14 за пределы требований, уже существующих в рамках материальных положений Конвенции.

- В деле **Codona v. the United Kingdom (2006 г.)** жалоба заявительницы по Статье 14 на нормы английского законодательства, следствием применения которых стало то, что с ней обращались хуже, чем с жильцом приюта для бездомных. Последнему, утверждала она, было предоставлено подходящее жилье, соответствующее его или ее образу жизни (так как оно состояло из «кирпичей и цементного раствора»), в то время как она получила жилье, не соответствующее ее цыганскому образу жизни (т.е. ей были предоставлены «кирпичи и цементный раствор» вместо подходящего места для цыганской повозки). Суд согласился, что «культурное неприятие» жилищ из кирпичей и раствора составляет элемент статуса заявительницы как цыганки. Суд отметил, однако, что в данном случае жилье из кирпичей и раствора было единственной формой жилья, которое могло быть предоставлено бездомным лицам. Таким образом, и с заявительницей, и с лицом, с которым она себя сравнивала, власти обращались бы идентичным образом, так как и тому, и другому был бы предоставлен один и тот же тип жилья. В отношении жалобы заявительницы по Статье 8 Суд определил, что (i) Статья 8 не дает человеку права на дом по его выбору и (ii) Государство не имеет позитивного обязательства предоставлять такое жилье, которое способствует «цыганскому образу жизни», кроме тех случаев, когда власти имеют в своем распоряжении подобного рода жилье. Таким образом, Суд не согласился с тем, что с заявительницей обращались хуже, чем с бездомным человеком, не испытывающим «культурного неприятия» жилищ из кирпичей и раствора.

5.3 Обязанность проводить расследование (процессуальные обязательства)

В решении Большой Палаты по делу **Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.)** Суд подтвердил, что в тех случаях, когда есть подозрение на наличие расовой подоплеку совершенного насилия, Государство имеет «процессуальное обязательство» расследовать такие расистские мотивы. Это

позитивное обязательство вытекает из Статьи 14 в сочетании со Статьей 2 (право на жизнь) и, как было определено в деле **Bekos**, также из Статьи 3 (запрет пыток). Подход, примененный в деле **Nachova**, позже применялся в ряде других дел.

Важно отметить, что в деле **Šečić v. Croatia (2007 г.)** Суд расширил обязательство расследовать расистские нападения, добавив к ним расово-мотивированные насильственные действия, совершенные частными лицами. Заявитель, мужчина-цыган, был жестоко избит группой неустановленных скинхедов. Это событие стало одним из серии подобных нападений, совершенных в один и тот же период времени. Официальное расследование инцидента было по большей части поверхностным и не привело к установлению преступников. Заявитель жаловался на нарушения по Статье 3 и Статье 14 в сочетании со Статьей 3. Приняв во внимание существенные недостатки в проведенном расследовании, Суд установил нарушение процессуального аспекта Статьи 3. В отношении Статьи 14 Суд указал, что принцип, впервые заложенный в решении по делу **Nachova**, а именно, что Государства «имеют дополнительную обязанность предпринять все разумные шаги по изобличению расистских мотивов и по установлению того, сыграли ли в произошедшем событии какую либо роль расовая ненависть и расовые предрассудки», одинаково применим к нападениям, совершенным частными лицами (см. параграф 66). Суд решил, что «относиться к расово-мотивированному насилию и жестокости таким же образом, что и к случаям, не имеющим расистской подоплеки, означало бы проигнорировать особый характер действий, оказывающих особенно разрушительный эффект на фундаментальные права» (параграф 67). Суд установил процессуальное нарушение Статьи 14 в сочетании со Статьей 3.

6 ДОКАЗЫВАНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В РАМКАХ КОНВЕНЦИИ

Как отмечалось ранее, Суд столкнулся со значительными трудностями в оценке доказательств, касающихся случаев дискриминации, и признал, что у заявителей могут быть проблемы в доказывании дискриминационного обращения (см. дело **Nachova**, параграфы 147, 157). В основном эти проблемы касались вопроса, на ком лежит бремя доказывания, а также стандарта и типа доказательств, которые могут использоваться в делах, связанных с дискриминацией.

В двух ключевых делах по проблеме доказывания – **Nachova и D.H. and Others** (в последнем при рассмотрении Палатой и Большой Палатой) – INTERIGHTS предоставила в качестве вмешательства третьей стороны обзор международных и сравнительных подходов к проблеме доказывания/ доказательств. Эти данные, многие аспекты которых были приняты Судом, можно найти на сайте INTERIGHTS по ссылкам: www.interights.org/dh и www.interights.org/nachovalegalbrief/index.htm.

6.1 Бремя доказывания

При рассмотрении жалобы по Статье 14 бремя доказывания лежит на заявителе, который должен показать, что он был подвергнут худшему обращению по сравнению с другими лицами, находящимися в относительно схожих условиях, и что основой такой разницы в обращении является один из запрещенных признаков. Суд может решить, что такая разница в обращении обозначает дискриминацию, только если заявитель и группа лиц, с которой он себя сравнивает, будут признаны «относительно похожими» или «находящимися в аналогичных условиях».

Если заявители установили наличие дискриминации против себя, бремя доказывания перемещается на государство, которое должно либо опровергнуть существование разницы в обращении, либо доказать, что такая разница была обоснованной (дело **Chassagnou and Others v. France (1999 г.)**, параграфы 91-92; дело **Timishev**, параграф 57).

Такое толкование принципа бремени доказывания применимо не только к прямой, но и косвенной дискриминации. Однако, как показывает практика Суда, доказать наличие косвенной дискриминации довольно сложно, так как для установления серьезных признаков ее существования недостаточно доказать, что заявитель был поставлен в особенно невыгодное положение вследствие применения оспариваемого положения (далее по тексту: «непропорциональный эффект»).

- В деле **Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.)** Большая Палата подтвердила, что если власти имеют исключительный доступ ко всей или части информации, касающейся рассматриваемого события, бремя доказывания может быть перенесено на власти; в этом случае они должны будут предоставить удовлетворительное объяснение этих событий. Большая Палата также согласилась с тем, что в отдельных случаях, связанных с предполагаемой дискриминацией, Государство-ответчик обязано опровергнуть наличие предполагаемой дискриминации. Однако Большая Палата не согласилась, что бремя доказывания должно быть перенесено на Государство в случае, если имеет место предположение о наличии расистских мотивов или расовых предрассудков, лежащих в основе насильственного действия. По ее мнению, «такой подход обозначал бы требовать от Государства-ответчика доказывания отсутствия определенного субъективного отношения со стороны соответствующего лица». Отклонившись от подхода, примененного ранее Палатой в том же самом деле, Большая Палата также не согласилась с тем, что «предполагаемая неспособность властей провести эффективное расследование возможных расистских мотивов убийства должно перенести бремя доказывания на Государство-ответчика по отношению к предполагаемому нарушению Статьи 14 в сочетании с материальным аспектом Статьи 2 Конвенции». По ее мнению, вопрос о соблюдении властями своих процессуальных обязательств является отдельным правовым вопросом.

- В деле **D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.)** Суд отметил, что распределение бремени доказывания и «уровень убежденности, необходимый для принятия решения» (стандарт доказательства) «неразрывно связаны с характером обстоятельств, типом жалобы и рассматриваемым правом, признанным в Конвенции» (параграф 178). Большая Палата подтвердила, что не во всех случаях необходимо строго применять принцип *affirmanti incumbit probatio* («обвиняющий должен доказать свое обвинение»).

В определенных обстоятельствах, когда власти имеют исключительный доступ ко всей или части информации, касающейся рассматриваемого события, бремя доказывания может быть перенесено на власти, которые будут должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (в параграфе 179).

6.2 Стандарт доказательства

Хотя ни положения Конвенции, ни Регламент Суда этого не требуют, Суд определил в качестве стандарта доказательства по отношению к нарушениям Конвенции, включая Статью 14 «определенность, исключаящую любые разумные сомнения». В деле **Nachova** Суд отметил что, это не означает, что для установления нарушения Конвенции необходимо достичь такой же высокой степени уверенности в наличии такого нарушения, которая требуется в национальных судах для доказательства нарушения по уголовных делам (в параграфе 147). Похоже, что существует какой-то промежуточный стандарт между «балансом вероятностей» (*balance of probabilities*) и «доказанностью, исключаящей любые разумные сомнения», используемым в англосаксонском праве, который не достигает уровня требований уголовного права, но является более строгим, чем стандарт, используемый в гражданском праве.

- В деле **Anguelova v. Bulgaria (2002 г.)** Суд использовал «уголовный» стандарт доказательства для рассмотрения утверждения о дискриминации по признаку расы, происхождения или этнической принадлежности. Мужчина цыганского происхождения умер во время содержания под стражей в полиции. Его мать заявила, что это стало результатом расово-мотивированного нарушения и неспособности обеспечить ее сыну надлежащий уход. Сотрудники полиции обращались к ее сыну «цыган», и она утверждала, что действия и бездействие полиции и следственных органов необходимо рассматривать в более широком контексте систематического расизма, существующего в среде болгарских правоохранительных органов. Суд решил, что хотя это очень серьезные утверждения о наличии расизма, они не были доказаны с «определенностью, исключаящей все разумные сомнения». В более раннем деле **Velikova v. Bulgaria (2000 г.)** Суд также не смог установить нарушение Статьи 14, так как представленные доказательства, который Суд классифицировал как «серьезные доводы», не соответствовали установленному стандарту доказательства.

В решении по делу **Anguelova** было несколько несогласных мнений по отношению к использованному стандарту доказательства. Судья Бонелло в своем особом мнении заявил, что стандарт доказательства, определяемый как «определенность, исключаящая любые разумные сомнения», не подходит для дел, касающихся прав человека, в особенности для утверждений о дискриминации, к которой разумнее применять стандарт «баланс вероятностей» (*balance of probabilities*) (в параграфе 9-10). Судья Бонелло призвал Суд последовать примеру других международных органов и согласиться с возможностью перенесения бремени доказывания, основываясь при этом на предположениях о наличии дискриминации и правовой презумпции, которые могут быть достаточно серьезными основаниями для рассмотрения дела в суде. См. также частично несогласное мнение Судьи Бонелло в деле **Vezenardoglu v. Turkey (2000 г.)**.

- В своем решении по делу **Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.)** Большая Палата разъяснила, что необходимый стандарт доказательств не является аналогичным тому, который используется

в уголовном праве, и что «ее намерением никогда не было заимствовать подход, применяемый в национальных правовых системах. Ее целью является не вынесение решений об уголовной вине или гражданской ответственности, а об ответственности Государств-участников в рамках Конвенции» (параграф 147).

6.3 Свидетельства дискриминации

Доказывание утверждений о дискриминации часто бывает проблематичным. В подавляющем большинстве дел бывает очень мало прямых доказательств дискриминации или они вообще отсутствуют. Хотя умысел не является составным элементом дискриминации (см. решение Большой Палаты в деле **D.H. and Others**, параграф 184), в делах о дискриминации часто возникает вопрос о мотивации, который также сложно доказать. Например, несмотря на то, что жертвы могут принадлежать к этническому меньшинству, бывает трудно доказать, что их происхождение оказало влияние на то, как с ними обращались. Косвенную дискриминацию особенно трудно доказать, так как это требует подтверждения непропорционального эффекта оспариваемого положения на отдельную группу лиц. Во многих случаях статистические данные, которые могли бы подтвердить наличие косвенной дискриминации, отсутствуют.

Хотя механизм перенесения бремени доказывания (описанный выше) значительно облегчает трудности, с которыми сталкиваются заявители при обосновании своих утверждений о дискриминации, неясным остается то, в каком количестве и какого рода должны быть предъявлены доказательства для того, чтобы перенести бремя доказывания на Государство-ответчика. В этой связи важно отметить следующие принципы:

- В деле **Nachova** Большая Палата подчеркнула важность гибкого подхода в оценке Судом доказательств дискриминации. Она отметила:

Для Суда не предусмотрены процессуальные барьеры для признания приемлемости доказательств или заранее определенные формулы для их оценки (параграф 147).

- Наличие достаточных доказательств может быть установлено «посредством свободной оценки всех доказательств, включая выводы, которые могут вытекать из представленных фактов или заявлений сторон. Согласно установившейся судебной практике наличие достаточных доказательств может следовать из комбинации достаточно серьезных, недвусмысленных и согласующихся друг с другом заключений или подобного рода неопровергнутых фактических презумпций» (дело **Nachova** в параграфе 147; дело **D.H. and Others**, параграф 178).
- Что касается косвенной дискриминации, в деле **Hoogendijk v. the Netherlands (2005 г.)** Суд, несмотря на признание жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу, резко высказался по поводу доказательств косвенной дискриминации, отметив:

Суд считает, что если Заявитель может показать на основе не вызывающих сомнений официальных статистических данных существование достаточного указания на то, что какая-либо специальная мера – даже если она сформулирована в нейтральной форме – на деле затрагивает очевидно более высокий процент женщин, чем мужчин, Государство-ответчик обязано представить доказательства того, что это есть результат объективных факторов, не связанных с дискриминацией по признаку пола. Если бремя доказывания того, что разница в отношении к мужчинам и женщинам в действительности не является дискриминационной, не будет перенесена на Государство-ответчика, то заявителям на практике будет крайне сложно доказать наличие косвенной дискриминации (стр. 21-22).

Касательно статистических данных Большая Палата в деле **D.H. and Others** признала изменение своего подхода в деле **Hugh Jordan** и более поздних делах **Zarb Adami** и **Hoogendijk**. Применяя новый подход, Большая Палата решила, что:

Когда необходимо оценить воздействие какой-либо меры или практики на отдельное лицо или группу лиц, заявителю достаточно предоставить такие статистические данные, которые при критическом рассмотрении будут представлять показательными и заслуживающими доверия. Это, однако, не означает, что косвенная дискриминация не может быть доказана без использования статистических данных (в параграфе 188).

7 ПРОТОКОЛ 12 К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Протокол 12, Статья 1 – Общее запрещение дискриминации

[принят 4 ноября 2000 года; вошел в силу 1 апреля 2005 года]

1. Пользование любым правом, признанным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любого иного обстоятельства.

2. Никто не может быть подвергнут дискриминации со стороны каких бы то ни было публичных властей по признакам, упомянутым в пункте 1 настоящей статьи.

В подтверждение необходимости независимого права, которое должно укрепить защиту равенства в рамках Конвенции, в ноябре 2000 года был подписан Протокол 12. Пояснительный доклад к Протоколу 12 показывает, что последний предназначен для расширения области применения Статьи 14 за пределы прав, признанных в Конвенции, для того, чтобы включить в область ее защиты права и льготы, предусмотренные и национальным, и международным правом.

Пояснительный доклад к Протоколу отмечает, что Статья 1 Протокола 12 предоставляет защиту от дискриминации в следующих случаях:

- В пользовании любым правом, специально гарантированным частному лицу национальным правом;
- В пользовании любым правом, которое может следовать из очевидного обязательства органа государственной власти согласно национальному закону, т.е. когда орган государственной власти обязан согласно национальному закону вести себя определенным образом;
- При осуществлении органом государственной власти дискреционной власти (например, при назначении определенных субсидий);
- При любом действии или бездействии органа государственной власти (например, при восстановлении порядка сотрудниками правоохранительных органов во время массовых беспорядков).

Таким образом, Статья 1 Протокола 12 – независимое положение, запрещающее дискриминацию в пользовании любым правом или льготой согласно национальному закону («любое право, признанное законом») в дополнение к правам, признанным Конвенцией. Это следует из преамбулы к Протоколу 12, где говорится о том, что все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту законом.

Формулировки, использованные в Протоколе 12, идентичны тем, которые содержатся в Статье 14, за исключением тех, которые касаются их применения за пределами прав, признанных Конвенцией. Протокол 12 предназначен для того, чтобы дополнить Статью 14, а не заменить ее. Из-за схожего языка они, скорее всего, будут истолковываться схожим образом – например, перечень оснований дискриминации в Статье 1 Протокола 12 является открытым. Однако Протокол 12 предоставляет

Суду больше возможностей для активного применения принципов равенства. Заявители также все чаще обращаются в Суд с жалобами на нарушение принципа равноправия.

Преамбула к Протоколу 12 также утверждает, что принцип запрещения дискриминации не запрещает Государствам осуществлять позитивные действия, при условии, что они объективно и разумно обоснованы.

Протокол 12 вошел в силу 1 апреля 2005 года. К июлю 2009 года 17 Государств ратифицировали его, а 22 Государства подписали, но не ратифицировали.

Первое дело, связанное с жалобой на нарушение Протокола 12, уже было рассмотрено судом и передано в Большую Палату. Дело **Sejdi and Finci v. Bosnia and Herzegovina (2009 г.)** касалось двух видных политических деятелей в Боснии-Герцеговине, один из которых был цыганского происхождения, другой - еврейского. Им обоим было отказано Конституцией государства в возможности быть избранным на высшие государственные посты по причине их этнического происхождения и религиозной принадлежности. Согласно Конституции, только представители «государствообразующих народов» (сербы, хорваты и боснийцы) могут избираться на эти посты. Это положение, исключаящее другие этнические группы, было введено в качестве меры по обеспечению баланса при разделении власти между враждующими группами после этнического конфликта конца девяностых годов. По утверждениям заявителей, исключение меньшинств из борьбы за государственные посты является прямой и очевидной дискриминацией.

8 ДРУГИЕ РЕЛЕВАНТНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

8.1 Статья 5 Протокола 7 к Конвенции

Статья 5 Протокола 7 (Равенство супругов)

[принят 22/11/1984]

Супруги обладают равными правами и равной ответственностью частноправового характера в отношениях между собой и со своими детьми в том, что касается вступления в брак, во время пребывания в браке и при его расторжении. Настоящая статья не препятствует государствам принимать такие меры, которые необходимы для соблюдения интересов детей.

Статья 5 Протокола 7 утверждает равенство между супругами в их частноправовых отношениях. Он был принят 22 ноября 1984 года и вошел в силу 1 ноября 1988 года. К 1 декабря 2004 года 36 государств (из 47 членом Совета Европы) ратифицировали Протокол. К настоящему моменту Судом было рассмотрено очень мало дел, связанных с нарушением Статьи 5 Протокола 7.

8.1.1 Область применения Статьи 5

Согласно Пояснительному докладу к Протоколу (СДСЕ 117 (СДСЕ - Серия договоров Совета Европы)) к Статье 5 «супруги имеют равные права и обязанности касательно брака, во время брака и в случае его расторжения» (в параграфе 34). Статья 5 обычно применяется в сочетании со Статьей 8 (право на уважение семейной жизни). В ряде решений о приемлемости жалобы Суд и Европейская комиссия по правам человека разъяснили, что Статья 5 не применима в случаях, когда рассматриваемые факты не касаются «супругов». См., например, дела **Kaijalainen v. Finland (1996 г.)** и **Nick and Hokkanen v. Finland (1996 г.)**. Согласно параграфу 37 Пояснительного доклада, Статья 5 не распространяется на период, предшествующий браку и не применяется к условиям правоспособности заключить брак, установленным национальным законодательством.

Статья 5 применяется только к отношениям между самими супругами, по отношению к их личности и собственности и отношениям со своими детьми (см. Пояснительный доклад в параграфе 35). Данные права и обязанности имеют частноправовой характер; Статья 5 не гарантирует равенства в других областях права, таких как административном, финансовом, уголовном, социальном, церковном праве и трудовом законодательстве. В ряде решений о приемлемости жалобы Комиссия постановила, что Статья 5 не применима, так как рассматриваемые права касались обязательств социальной защиты и таким образом не имели «частноправового» характера. См., например, дела **Klopper v. Switzerland (1996 г.)** и **Frischknecht v. Switzerland (1996 г.)**.

8.1.2 Позитивные обязательства по Статье 5

По мнению Суда, Статья 5 накладывает «на Государства позитивное обязательство обеспечить удовлетворительную нормативно-правовую базу, в рамках которой супруги имеют равные права и обязанности, в частности, в вопросах, касающихся их взаимоотношений со своими детьми». В решении о приемлемости жалобы в деле **Cernicki v. Austria (2000 г.)** Суд определил, что австрийские законы, препятствующие предоставлению прав совместной опеки после развода, кроме случаев, когда бывшие супруги продолжают жить вместе, нарушают право на равенство между супругами, гарантированное Статьей 5. Однако оспариваемые положения были признаны не выходящими за пределы свободы усмотрения Государства, так как были «необходимы в интересах детей». См.

также решения о приемлемости жалобы в делах **Monory v. Hungary and Romania (2004 г.)** и **R.W. and C.T.G-W. v. Austria (2001 г.)**.

8.1.3 Обоснование вмешательства в пользование правами по Статье 5

Статья 5 поясняет, что она не препятствует Государствам принимать «такие меры, которые необходимы в интересах детей». В этом отношении Пояснительный доклад отмечает важность существующей судебной практики в рамках Конвенции относительно Статьи 8 и Статьи 14. В отношении Статьи 8 (право на уважение семейной жизни) Комиссия и Суд подчеркнули необходимость принимать во внимание интересы ребенка. В отношении Статьи 14 Суд указал, что запрещение дискриминации нарушается «если данное различие не имеет объективного и достаточного обоснования». В решении о приемлемости жалобы в деле **Cernicki v. Austria (2000 г.)** Суд отметил, что оговорка о «необходимости» [принятия Государством мер в интересах детей] в отношении Статьи 5 должна рассматриваться так же, как соответствующее положение в других статьях Конвенции. Иными словами, для того, чтобы обосновать правомерность какого-либо вмешательства в пользование правами по Статье 5, Государство должно показать, как такое вмешательство соотносится с насущной социальной необходимостью и является ли оно пропорциональным законной цели, которую оно преследует.

Государство обладает определенной «свободой усмотрения» в определении конкретных мер, которые необходимы в интересах детей. Суд или Комиссия не обязаны оценивать, что является наилучшими интересами ребенка, а, скорее, должны решить, является ли соответствующий вывод, сделанный национальными властями, разумным в контексте Конвенции. См. решение о приемлемости жалобы в деле **Purtonen v. Finland (1998 г.)**. В деле **Cernicki** Суд отметил, что при осуществлении своей надзорной функции Суд должен определить, являются ли причины, приведенные в обоснование рассматриваемого вмешательства, «релевантными и достаточными».

В Пояснительном докладе также отмечено (в параграфе 38), что Статья 5 не препятствует национальным властям принимать во внимание все относящиеся к делу факторы при принятии решений о разделе собственности между супругами после развода. Это могут быть решения об использовании совместного супружеского имущества до принятия решения о его разделе в случае расторжения брака. См. решение о приемлемости жалобы в деле **E.P. v. the Slovak Republic (1998 г.)**. Пояснительный доклад также объясняет, что слова «в случае расторжения» не подразумевают какого либо обязательства со стороны Государства обеспечить меры расторжения брака или какие-либо определенные формы его расторжения. Иными словами, Статья 5 не предоставляет права на развод.

8.2 Дискриминация и Статья 3 Конвенции

Заявители, которые пострадали от особенно вопиющей дискриминации, ссылались на Статью 3 Конвенции (запрещение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения).

- В деле **East African Asians v. the United Kingdom (1973 г.)** Суд признал, что дискриминационное обращение может приравниваться к унижающему достоинство обращению, запрещенному Статьей 3. Данное дело касалось иммиграционных правил, которые лишали лиц азиатского происхождения, являвшихся гражданами «Соединенного Королевства и его колоний» и проживающих в Восточной Африке, права на въезд в Соединенное Королевство. Соответствующие законы были приняты в то время, когда политика «африканизации» в Восточной Африке лишала лиц азиатского происхождения средств к существованию. Заявители не могли основываться в своей жалобе на запрещение дискриминации по Статье 14 Конвенции, так как право въезда (предмет рассмотрения в данном деле) не подпадает под действие Конвенции, а запрещение дискриминации согласно Статье 14 распространяется только на права и свободы, признанные Конвенцией.

Европейская Комиссия по правам человека решила, тем не менее, что жалобы заявителей приемлемы к рассмотрению по существу в контексте Статьи 3 Конвенции. Она указала (в параграфах 188-195), что «даже без какого-либо рассмотрения Статьи 14 дискриминация, основанная на расовой принадлежности, в определенных обстоятельствах может сама по себе приравниваться к унижающему достоинство обращению по смыслу Статьи 3 Конвенции». Комиссия отметила, что «нужно с особой серьезностью подходить к рассмотрению дискриминации по признаку расы, и что официальное обособление какой-либо группы лиц и обращение с ней отличным от остальных образом может, в определенных обстоятельствах, составлять особую форму поругания человеческого достоинства». Тем самым, «отличное обращение с группой лиц по признаку расовой принадлежности может приравниваться к унижающему достоинство обращению, тогда как отличное обращение, основанное на каком-либо другом признаке, например, языке, не будет вызывать таких опасений». Комиссия, таким образом, предположила, что расовая дискриминация является особым случаем настолько серьезного характера, что составляет «унижающее достоинство обращение», в то время как другие основания дискриминации могут не быть достаточно серьезными для того, чтобы квалифицироваться подобным образом. Комиссия также предположила, что такая дискриминация должна быть намеренной для того, чтобы составлять унижающее достоинство обращение.

После дела **East African Asians** Суд рассмотрел ряд других жалоб на дискриминацию, классифицируемую как «унижающее достоинство обращение».

- В деле **Abdulaziz**, рассмотренном выше, заявители, на законных основаниях проживающие в Соединенном Королевстве, в силу иммиграционных правил не могли встретиться со своими мужьями на территории Соединенного Королевства для совместного проживания. Они утверждали, что дискриминация против них, основанная на их национальной принадлежности, представляет собой поругание человеческого достоинства и составляет унижающее достоинство обращение. Суд решил, что цель данных законов имеет решающее значение для определения того, имело ли место нарушение Статьи 3. Суд заключил, что разница в обращении, на которую жаловались заявители, не содержала в себе презрительного отношения или недостатка уважения по отношению к личности заявителей, в ней не было цели оскорбить или унижить их, и она и не имела такого эффекта. Данный закон предназначался только для осуществления законных иммиграционных мер. Таким образом, Статья 3 нарушена не была. Данное решение подразумевает, что если бы разница в обращении указывала на презрительное отношение или недостаток уважения по отношению к личности заявителей, она могла бы достигнуть необходимого уровня серьезности для того, чтобы быть приравненной к унижающему достоинство обращению. Суд также отметил, что Статья 3 может применяться независимо от применимости или неприменимости Статьи 14. См. также дело **Patel v. the United Kingdom (1998 г.)**.
- В деле **Cyprus v. Turkey (2001 г.)** Суд определил, что греки-киприоты, проживающие на территории Северного (турецкого) Кипра, были объектом серьезных ограничений, мешающих пользованию основными правами, и которые со временем могли бы привести к тому, что данное сообщество прекратило бы свое существование. Власти не позволяли грекам-киприотам оставлять в наследство недвижимое имущество своим родственникам, включая ближайших родственников, если последние живут за пределами Северного Кипра; на севере отсутствовали средние школы, однако дети греков-киприотов, которые решили пойти в школу на юге острова, не могли продолжать проживать на севере острова по достижении определенного возраста (шестнадцать лет для лиц мужского пола и восемнадцать лет для лиц женского пола). Греки-киприоты жили и были вынуждены жить в условиях изоляции, где их передвижение было ограничено, находилось под контролем и где они не имели возможностей для пополнения или развития своей общины. Суд заключил, что обращение, которому они были подвергнуты, основывалось на чертах, которые отличали их от турок-киприотов, а именно на их этническом происхождении, расе и религии. Условия, в которых они были вынуждены жить, являются

уничижительными и оскорбляющими само понятие уважения человеческого достоинства. В данном случае, дискриминационное обращение достигает уровня серьезности, достаточного для того, чтобы классифицироваться в качестве унижающего достоинство обращения, запрещенного Статьей 3. Установив нарушение Статьи 3, Суд не стал рассматривать вопрос о возможном нарушении Статьи 14.

- Дело **Moldovan and Others v. Romania (No. 2) (2005 г.)** касалось спора между цыганами и не-цыганами, проживающими в небольшой румынской деревне, и который привел к убийству толпой нецыганских жителей нескольких мужчин-цыган, ранению других и разрушению цыганских домов и собственности. Заявители жаловались, что после разрушения их домов они были вынуждены жить в очень плохих, стесненных условиях в нарушение Статей 2 и 8 Конвенции. Они также утверждали, что в разрушении домов принимали участие государственные служащие и что власти не только не обеспечили им возможностей исправления сложившегося положения, но и активно препятствовали им в получении подходящего жилья. Суд счел, что условия, в которых заявители жили свыше десяти лет, в сочетании с длительностью времени, в течение которого заявители были вынуждены жить в таких условиях, и общим отношением к ним властей должны были привести к значительным моральным страданиям, таким образом «умалая их человеческое достоинство, унижая и оскорбляя их». Кроме этого Суд отметил, что замечания по поводу моральных качеств заявителей и их образа жизни, которые высказывались властями в общении с ними, являлись, в отсутствие каких-либо доказательств, «абсолютно дискриминационными». В этой связи Суд подтвердил, что дискриминация, основанная на расовой принадлежности, может сама по себе приравниваться к унижающему достоинство обращению согласно смыслу Статьи 3 Конвенции (ссылаясь при этом на дело **East African Asians**).
- Дело **Stoica v. Romania (2008 г.)** касалось столкновения представителей власти с цыганами возле бара, во время которого 14-летний заявитель якобы пострадал от жестокого обращения со стороны полиции. Суд решил, что власти не приняли к сведению наличие признаков дискриминации и что проведенное расследование было расово предвзятым. Придя к такому выводу, Суд счел, что Государство обязано доказать, что инцидент, произошедший 2 апреля 2001 года не имел расистской подоплеки. Однако ни прокурор, ответственный за уголовное расследование данного инцидента, ни Правительство не смогли предъявить какого-либо подтверждения тому, что данный инцидент имел расово нейтральный характер. Напротив, доказательства указывали на то, что поведение сотрудников полиции имело очевидный расистский мотив. Соответственно, имело место нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 3.

8.3 Дискриминация и Статья 8 Конвенции

Право на частную жизнь, закрепленное в Статье 8, также часто упоминается в жалобах на нарушение принципа равенства, особенно по отношению к сексуальной ориентации и инвалидности.

9 ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ КОНВЕНЦИИ

9.1 Введение	71
9.1.1 Статья 14 – Запрещение дискриминации	71
9.2 Характер и область применения Статьи 14	71
9.2.1 Понятие дискриминации	71
9.2.1.1 Косвенная дискриминация	72
9.2.1.2 Позитивные действия	72
9.2.2 Связь Статьи 14 с другими материальными правами	73
9.2.2.1 Автономный характер Статьи 14	73
9.2.2.2 Вспомогательный характер Статьи 14	74
9.3 Критерии наличия дискриминации	75
9.3.1 Тест на область применения	76
9.3.2 Разница в обращении	77
9.3.2.1 Аналогичные ситуации	77
9.3.3 Обоснование разницы в обращении	79
9.3.3.1 Законная цель	81
9.3.3.2 Пропорциональность	82
9.3.4 Пределы свободы усмотрения Государства	83
9.4 Основания дискриминации	85
9.4.1 Введение	85
9.4.1.1 Неуказанные признаки ('иной статус')	85
9.4.1.2 Особые признаки	86
9.4.2 Различия по признаку пола	86
9.4.3 Различия, основанные на расовой принадлежности, цвете кожи или этническом происхождении	92
9.4.4 Различия, основанные на религии	101
9.4.5 Различия по признаку национальности или принадлежности к национальному меньшинству	102
9.4.6 Различия между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака	102
9.4.7 Различия, основанные на сексуальной ориентации	104
9.4.8 Различия по признаку языка	105
9.4.9 Различия, основанные на имущественном положении	105
9.4.10 Примеры дел, связанных с дискриминацией по «иным признакам»	106
9.5 Позитивные обязательства Государства	107
9.5.1 Позитивное обязательство защищать от дискриминации	107
9.5.2 Обязательство предоставлять возможность учета различий	109
9.5.3 Обязательство проводить расследование (процессуальное обязательство)	110
9.6 Доказывание дискриминации по смыслу Конвенции	111
9.7 Другие релевантные положения Конвенции	115
9.7.1 Дискриминация и Статья 3 Конвенции	115

Выдержки из решений Европейского суда по правам человека, приведенные ниже в том же порядке, в котором они рассматриваются в содержании.

9.1 Введение

9.1.1 Статья 14 – Запрещение дискриминации

Дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)**

71. Согласно сложившейся судебной практике, Статья 14 дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она не имеет независимого существования, так как действует только по отношению к «пользованию правами и свободами», гарантированными этими положениями. Хотя применение Статьи 14 не обязательно подразумевает нарушение этих положений – и в этом смысле она имеет автономный характер – она может применяться только при условии, что рассматриваемые факты входят в область применения одного или более этих положений. [...]

9.2 Характер и область применения Статьи 14

9.2.1 Понятие дискриминации

Дело **Belgian Linguistics (1968 г.)**

В. Толкование, принятое Судом

10. Несмотря на очень общую формулировку во французской версии текста Статьи 14 («sans distinction aucune»), Статья 14 Конвенции не запрещает любую разницу в обращении в пользовании признанными правами и свободами. Эту формулировку следует рассматривать с учетом более узкого определения, содержащегося в английском варианте («без дискриминации»). Кроме этого, если бы Статья 14 истолковывалась настолько широко, как это подразумевает французский текст, можно было бы прийти к абсурдным результатам. Так, пришлось бы признать нарушение Конвенции при рассмотрении любого правового или административного положения, которое не обеспечивает каждому полное равенство обращения в пользовании признанными правами и свободами. Компетентным национальным органам власти часто приходится сталкиваться с ситуациями и проблемами, которые по причине внутренне присущих им различий требуют принятия различных правовых решений; более того, определенные ситуации правового неравенства способствуют исправлению фактического неравенства. Соответственно, вышеупомянутое расширительное толкование не может быть использовано.

Дело **Kjeldsen v. Denmark (1976 г.)**

56. Заявители также утверждают, что в пользовании правами, гарантированными Статьей 2 Протокола 1 они стали жертвами дискриминации по признаку религии, в нарушение Статьи 14 Конвенции. Они подчеркивают, что согласно датским законам, родители могут получить освобождение для своих детей от посещения занятий по религиозным вопросам, которые проводятся в государственных школах, но что закон не предусматривает такого освобождения от занятий по половому воспитанию. Суд, прежде всего, отмечает, что Статья 14 запрещает в рамках действия гарантированных прав и свобод дискриминационное обращение, в основе которого лежит личная характеристика («признак»), по которому лица или группа лиц отличаются друг от друга. Однако в оспариваемом законе нет ничего, что предполагает наличие такого дискриминационного обращения.

Дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom** (1985 г.)

82. Он [Суд] хотел бы отметить, что Статья 14 касается запрещения дискриминации в пользовании правами, признанными Конвенцией, постольку, поскольку требования Конвенции по отношению к этим правам могут соблюдаться по-разному. Понятие дискриминации по смыслу Статьи 14 включает, в общих случаях, ситуации, при которых к лицу или группе лиц применяется, без надлежащего обоснования, менее благоприятное обращение, чем к другим лицам или группам лиц, хотя более благоприятное обращение не предусмотрено Конвенцией. Дело *Belgian Linguistics* (1968 г.), параграф 9: «Толкование, принятое Судом».

9. Хотя верно то, что Статья 14 Конвенции не имеет независимого существования в том смысле, что она относится только к правам и свободам, признанным Конвенцией, тем не менее, «мера, которая сама по себе соответствует требованиям Статьи, гарантирующей рассматриваемое право или свободу, может нарушать эту Статью при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 14 по причине ее дискриминационного характера».

Как было отмечено в другом примере, упомянутом во время процесса, Статья 6 Конвенции не подразумевает обязательства Государства учреждать систему апелляционных судов. Соответственно, Государство, которое решает ввести такие суды, действует за пределами обязательств по Статье 6. Однако это Государство нарушило бы эту Статью, рассмотренную в сочетании со Статьей 14, если бы оно ограничило доступ к таким средствам правовой защиты определенным лицам без законной причины, но предоставив его другим лицам по отношению к тем же самым видам правовых действий. В таких случаях имело бы место нарушение гарантированного права или свободы, как оно записано в соответствующей Статье при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 14. То есть можно сказать, что Статья 14 является составной частью каждой из Статей, гарантирующих права и свободы. В этой связи запрещено проводить какие-либо различия в обеспечении этих прав и свобод и соответствующих им обязательств; при этом обеспечение равных прав и свобод может не только подразумевать воздержание от каких-либо действий, но и требовать осуществление определенных позитивных действий. Это также явствует из очень общей формулировки, содержащейся в Статье 14: «пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено».

9.2.1.1 *Косвенная дискриминация*

Дело **Hugh Jordan v. United Kingdom** (2001 г.)

154. Косвенная дискриминация возникает тогда, когда существует «общий политический курс или мера, непропорционально предвзято воздействующие на определенную группу, несмотря на то, что такой курс/мера не направлен/а специально на эту группу». Однако даже если по данным статистики большинство лиц, убитых сотрудниками служб безопасности, являются представителями католического или националистического сообществ, Суд не считает, что статистика сама по себе обнаруживает практику, которая может быть классифицирована как дискриминационная по смыслу Статьи 14. Суду не было представлено доказательств, которые позволили бы заключить, что какое-либо из этих убийств, кроме четырех, приведших к осуждению, содержали в себе чрезмерное применение силы сотрудниками служб безопасности.

9.2.1.2 *Позитивные действия*

Дело **Belgian Linguistics** (1968 г.)

В. Толкование, принятое Судом

10. [...] Кроме этого, и в частности, можно было бы прийти к абсурдным результатам, если принять широкое толкование Статьи 14, которое подразумевает французский текст. Действительно,

пришлось бы признать нарушение Конвенции при рассмотрении любого правового или административного положения, которое не обеспечивает каждому полное равенство обращения в пользовании признанными правами и свободами. Компетентным национальным органам власти часто приходится сталкиваться с ситуациями и проблемами, которые по причине внутренне присущих им различий требуют принятия различных правовых решений; более того, определенные ситуации правового неравенства способствуют исправлению фактического неравенства. Соответственно, вышеупомянутое расширительное толкование не может быть использовано.

Дело **Lindsay v. The United Kingdom** (1986 г.)

Комиссия считает, однако, что в области налогообложения национальные власти должны сами оценить цели, которые должны быть достигнуты, и используемые для их достижения средства: то есть в данном вопросе Государство обладает определенной свободой усмотрения. Комиссия также считает, что пределы свободы усмотрения в этой области должны быть шире, чем в других областях. В этой связи Комиссия напоминает, что системы налогообложения неизбежно приводят к различиям в обращении с разными группами налогоплательщиков, и что функционирование любой налоговой системы создает пограничные случаи. (...). Кроме этого, социальные и экономические цели, которые ставит Государство в своей налоговой политике, могут значительно различаться в разных странах и в разное время. Государству часто бывает необходимо найти баланс между необходимостью увеличить поступления в бюджет и решением других социальных задач налоговой политики. Национальные власти очевидно находятся в более выгодной позиции, чем Комиссия, для того, чтобы адекватно оценить эти потребности и требования.

9.2.2 Связь Статьи 14 с другими материальными правами

9.2.2.1 Автономный характер Статьи 14

Дело **Van der Musselle v. Belgium** (1983 г.)

43. Статья 14 (ст. 14) дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она может применяться автономно, так как нарушение Статьи 14 (ст. 14) не обязательно предполагает нарушение этих других положений. С другой стороны, она не имеет независимого существования, так как действует только по отношению к «пользованию правами и свободами», гарантированными другими материальными положениями (см. в числе других, решение по делу **Marckx** от 13 июня 1979 года, Серия А №31, стр. 15-16, параграф 32). Так как Суд определил, что в данном случае не имело места использование принудительного или подневольного труда по смыслу Статьи 4 (ст. 4), необходимо решить, действительно ли рассматриваемые факты выходят полностью за рамки действия этой Статьи (ст. 4) и, следовательно, Статьи 14 (ст. 14). Однако на такую аргументацию можно ответить серьезным возражением. Критерии, которые служат для определения границ понятия подневольного труда, включают понятие того, что является естественным ходом событий (см. выше параграф 38). Работа или труд, которые сами по себе являются законными, могут стать незаконными, если выбор групп лиц, которые призваны заниматься этим трудом или работой, регулируется дискриминационными факторами, что, по мнению заявителя, и происходило в настоящих обстоятельствах.

Дело **Inze v. Austria** (1987 г.)

36. Согласно сложившейся судебной практике Статья 14 дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она не имеет независимого существования, так как действует только по отношению к «правам и свободам», гарантированным этими положениями.

Хотя применение Статьи 14 не подразумевает нарушения одного или более таких положений - и в этом смысле она имеет автономный характер - нарушение может иметь место только если факты дела входят в область применения одного или более таких положений. Заявитель не утверждал нарушения Статьи 1 Протокола 1, взятой в отдельности, и Суд не считает своей обязанностью рассматривать этот вопрос; достаточно определить, входят ли его жалобы в область применения этого положения.

9.2.2.2 *Вспомогательный характер Статьи 14*

Дело **Airey v. Ireland** (1979 г.)

30. Статья 14 не имеет независимого существования; она составляет один отдельный элемент (запрещение дискриминации) каждого из прав, гарантированных Конвенцией. (...) Статьи, провозглашающие эти права, могут нарушаться сами по себе или в сочетании со Статьей 14. Если Суд не устанавливает отдельного нарушения одной из этих Статей, рассматриваемой независимо и в сочетании со Статьей 14, он также должен рассмотреть вопрос о нарушении последней самой по себе. С другой стороны, такое рассмотрение обычно не требуется в случаях, когда Суд устанавливает нарушение первой из этих статей, взятой в отдельности. Однако вопрос о рассмотрении Статьи 14 самой по себе может возникнуть в тех случаях, когда очевидная разница в пользовании рассматриваемым материальным правом составляет основополагающий аспект дела, что, однако, не имеет места по отношению к нарушению Статьи 6 параграфа 1 в настоящем деле; исходя из этого, Суд не считает необходимым рассматривать данное дело в контексте Статьи 14. [...]

Дело **Dudgeon v. the United Kingdom** (1981 г.)

67. Когда какая-либо отдельная статья Конвенции рассматривается независимо и в сочетании со Статьей 14, и Суд устанавливает нарушение отдельной статьи, обычно Суд не считает необходимым рассматривать это дело также в контексте Статьи 14. Однако нарушение Статьи 14 в отдельности может быть рассмотрено тогда, когда очевидная разница в обращении в пользовании рассматриваемым правом составляет основополагающий аспект этого дела.

68. Это последнее условие не выполняется в отношении предполагаемой дискриминации, образующейся как следствие различных законов, касательно однополых отношений в разных частях Великобритании. Более того, господин Даджон (Dudgeon) сам согласился с тем, что если бы Суд установил нарушение Статьи 8, этот вопрос перестал бы быть настолько серьезным.

69. Согласно утверждениям заявителя, ключевым аспектом его жалобы по Статье 14 является то, что в Северной Ирландии однополые сексуальные отношения между мужчинами, в отличие от гетеросексуальных и однополых сексуальных отношений между женщинами, являются предметом уголовного преследования даже тогда, когда они происходят в частной обстановке по взаимному согласию между совершеннолетними мужчинами. Центральным пунктом настоящего дела действительно является существование в Северной Ирландии закона, который устанавливает уголовную ответственность за определенные гомосексуальные действия в любых обстоятельствах. Тем не менее, этот аспект жалобы заявителя по Статье 14 по сути представляет собой ту же самую жалобу (рассматриваемую под другим углом), которую Суд уже рассмотрел в контексте Статьи 8; следовательно, нет необходимости принимать решение по существу отдельного вопроса, являющегося частью более общего вопроса. При вынесении решения о том, что ограничение права заявителя на уважение его частной жизни привело к нарушению Статьи 8 по причине широкого действия и абсолютного характера данного ограничения, нет правовой целесообразности в определении того, пострадал ли он в дополнение к этому от дискриминации, по сравнению с другими лицами, которые испытывают меньшие ограничения того же самого права. В силу этого, нельзя заключить, что очевидная разница в обращении остается основополагающим аспектом данного дела.

70. Суд соответственно не считает необходимым рассматривать это дело также в контексте Статьи 14.

Дело **X and Y v. Netherlands (1985 г.)**

31. Заявители жаловались на то, что разница в обращении, установленная законодательством по отношению к различным категориям граждан, нуждающимся в специальной защите от сексуального насилия, содержала дискриминацию, противоречащую Статье 14 Конвенции. [...] Комиссия решила, что в данном деле нет отдельного правового вопроса, связанного с нарушением Статьи 14.

32. Статья 14 не имеет независимого существования; она составляет один отдельный элемент (запрещение дискриминации) каждого из прав, гарантированных Конвенцией. Статьи, гарантирующие эти права, могут нарушаться независимо или в сочетании со Статьей 14. Рассмотрение дела в контексте Статьи 14 обычно не требуется, если Суд до этого устанавливает нарушение материальной статьи, взятой в отдельности. Однако рассмотреть возможность нарушения Статьи 14 в отдельности следует тогда, когда очевидная разница в обращении в пользовании рассматриваемым правом составляет основополагающий аспект данного дела. Последнее, однако, не имеет места в настоящем деле. Суд соответственно не считает необходимым рассматривать это дело также в контексте Статьи 14.

Дело **Canea Catholic Church v. Greece (1997 г.)**

47. Суд не выносит решение о том, является ли статус юридического лица в публичном праве или статус юридического лица в гражданском праве более подходящим для церкви-заявительницы. Суд также не должен призывать к этому или рекомендовать греческому Правительству предпринять шаги по предоставлению одного из вышеупомянутых статусов. Суд всего лишь отмечает, что церковь-заявительница, владеющая своей землей и зданиями, не могла защитить в суде свои права, в то время как православная церковь или еврейская община могут сделать это без какого-либо дополнительного условия или формальной процедуры. Принимая во внимание свое решение по Статье 6 параграфа 1 Конвенции, Суд считает, что была также нарушена Статья 14, рассмотренная в сочетании со Статьей 6 параграфа 1 в силу того, что ему не было предъявлено объективного и достаточного обоснования такой разницы в обращении.

9.3 Критерии наличия дискриминации

Дело **Rasmussen v. Denmark (1984 г.)**

I. Входят ли рассматриваемые факты в область применения одного или более других материальных положений Конвенции?

29. Статья 14 дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она не имеет независимого существования и действует только по отношению к «пользованию правами и свободами», гарантированными этими положениями. Хотя применение Статьи 14 не обязательно предполагает нарушение этих положений – и в этом смысле она имеет автономное значение -, она может применяться только тогда, когда рассматриваемые факты входят в область применения одного или более из этих положений.

II. Имела ли место разница в обращении?

34. Согласно Акту 1960 года муж может опротестовать в суде свое отцовство только в пределах установленного срока, в то время как такие временные ограничения не предусмотрены для заявлений (об опротестовании отцовства), поданных от лица ребенка, опекуном ребенка или матерью.

[...] Для целей Статьи 14 Суд постановил, что имела место разница в обращении к господину Расмуссену (Rasmussen) по сравнению с его бывшей женой касательно возможности опротестования в суде его отцовства. Нет необходимости решать, на каком признаке основана разница в обращении, так как перечень запрещенных признаков, приведенный в Статье 14, не является исчерпывающим.

III. Находились ли заявитель и его бывшая жена в аналогичных условиях?

35. Статья 14 защищает права лиц, «находящихся в аналогичных условиях», против дискриминационной разницы в обращении.

IV. Имела ли разница в обращении объективное и достаточное обоснование?

38. Для целей Статьи 14 разница в обращении является дискриминационной, если она «не имеет объективного и достаточного обоснования», то есть, если она не преследует «законной цели» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу».

Суд поэтому заключает, что разница в обращении, на которую жалуется заявитель, не является дискриминационной по смыслу Статьи 14.

9.3.1 Тест на область применения

Дело *Van der Musselle v. Belgium* (1983 г.)

43. Статья 14 дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она может применяться автономно, так как нарушение Статьи 14 не обязательно предполагает нарушения этих других положений. С другой стороны, она не имеет независимого существования, так как действует только по отношению к «пользованию правами и свободами», гарантированными другими материальными положениями. Так как Суд не установил наличия принудительного или подневольного труда по смыслу Статьи 4, необходимо решить, выходят ли рассматриваемые факты полностью за пределы применения Статьи 4 и, соответственно, Статьи 14. Однако на такую аргументацию можно ответить одним серьезным возражением. Критерии, которые служат для определения границ понятия подневольного труда, включают понятие того, что является естественным ходом событий. Работа или труд, которые сами по себе являются законными, могут стать незаконными, если выбор групп лиц, которые призваны заниматься этим трудом или работой, регулируется дискриминационными факторами, а именно это, по мнению заявителя, имело место в настоящих обстоятельствах.

Дело *Schmidt and Dahlström v. Sweden* (1976 г.)

39. Несмотря на неустановление нарушения Статьи 14, Суд должен определить, нарушала ли разница в обращении, которую заявитель характеризует как дискриминационную, Статью 11 в сочетании со Статьей 14. Хотя возможность повышения зарплаты задним числом или другие льготы сами по себе не входят в область применения параграфа 1 Статьи 11, в данных обстоятельствах эта разница в обращении связана с характером осуществления права, гарантированного указанным положением, а именно свободой защищать профессиональные интересы членов профсоюза посредством проведения забастовок. Шведское Государство само признало переговоры, заключение коллективного договора и признание права на забастовку в качестве трех допустимых средств, которые могут применяться профсоюзами в общественном и частном секторах. Более того, именно вследствие забастовки, последующих переговоров и в рамках коллективного договора руководство приняло решение, на которое жаловался заявитель. Соответственно, Статья 14 действительно применима в настоящем контексте. В отношении и этого вопроса и критериев, которые необходимо

соблюсти, Суд ссылается на решения, принятые в деле “**Linguistics**” и позже в деле **the National Union of Belgian Police**.

Дело **Sidabras and Dziautas v. Lithuania** (2004 г.)

47. Тем не менее, принимая во внимание, в частности, принципы, распространенные в демократических государствах, Суд считает, что общий запрет на трудоустройство в частном секторе действительно влияет на «частную жизнь». Суд придает особенный вес в этом отношении тексту параграфа 2 Статьи 1 Европейской социальной хартии и толкованию, данному Европейским комитетом по социальным правам (см. параграф 31 выше), а также текстам, принятым Международной организацией труда (см. параграф 32 выше). Он также напоминает, что не существует однозначного разделения между областью социальных и экономических прав и правами, признанными в Конвенции (см. решение по делу **Airey v. Ireland** от 9 октября 1979 года, серия А, № 32, параграф 26).

9.3.2 Разница в обращении

9.3.2.1 Аналогичные ситуации

Дело **Lithgow v. The United Kingdom** (1986 г.)

177. Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных жалоб Суд хотел бы напомнить, что Статья 14 не запрещает любую разницу в обращении в пользовании правами и свободами, признанными в Конвенции. Она защищает лиц (в том числе юридических), «находящихся в аналогичных условиях» от дискриминационной разницы в обращении. Для целей Статьи 14, разница в обращении является дискриминационной, если она «не имеет объективного и достаточного обоснования», то есть если она не преследует «законную цель» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу».

Кроме этого, Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке необходимости разницы в обращении, применяемой в законодательстве; пределы этой свободы усмотрения различаются в зависимости от обстоятельств дела, предмета разбирательства и его предыстории.

Дело **Fredin v. Sweden** (1991 г.)

60. Суд напоминает, что Статья 14 обеспечивает защиту от дискриминации, то есть отличного обращения, не имеющего объективного и достаточного обоснования, к лицам, находящимся в «относительно» схожих условиях. Для того чтобы жалоба на нарушение этой Статьи привела к решению в пользу заявителя, необходимо показать, среди прочего, что положение предполагаемой жертвы может считаться схожим с положением лиц, к которым было применено лучшее обращение.

61. [...] Рассмотрев представленные доказательства, Комиссия решила, однако, что ничто не указывает на то, что заявители находились в схожем положении по сравнению с теми компаниями, чьи лицензии не были аннулированы. В своих жалобах в Суд заявители не пытались оспорить оценку, данную Комиссией, а также не представили других доказательств. Их главный довод заключался в том, что так как их компания была единственной работающей компанией, чья лицензия была аннулирована, именно Государство обязано объяснить, каким образом их положение было отличным от положения других компаний, которым было позволено продолжать свою работу, или предоставить правдоподобное объяснение данной разницы в обращении. Суд согласился с выводами, которые сделала Комиссия, и соответственно решил, что в данных обстоятельствах отсутствует дискриминация, противоречащая Статье 14.

Дело **Stubbings and Others v. the United Kingdom** (1996 г.)

72. Суд еще раз подтверждает, что Статья 14 (ст. 14) предоставляет защиту против дискриминации в пользовании правами и свободами, гарантированными другими статьями Конвенции (см. решение по делу **Mussele v. Belgium** от 23 ноября 1983 года, серия А №70, стр. 22, параграф 43). Однако не любая разница в обращении обозначает нарушение этой Статьи (ст. 14). Для этого необходимо показать, что к другим лицам в аналогичном или относительно схожем положении применяется более благоприятное обращение и что такое различие не имеет достаточного или объективного обоснования (см. решение по делу **Fredin v. Sweden** (no 1), решение от 18 февраля 1991 года, серия А, №192, стр. 19, параграф 60). [...]

Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке необходимости разницы в обращении, применяемой в законодательстве; пределы этой свободы усмотрения различаются в зависимости от обстоятельств дела, предмета разбирательства и его предыстории. (см. решение по делу **Rasmussen v. Denmark** от 28 ноября 1984 года, серия А, № 87, стр. 15, параграф 40).

73. Необходимо напомнить, что заявители жаловались на худшее обращение по сравнению с жертвами вреда, причиненного по неосторожности, и жертвами других форм намеренного вреда, не приведшего к негативным психологическим последствиям (см. параграф 69 выше). Суд отмечает, во-первых, что между заявителями и жертвами других форм умышленного вреда, сопровождавшегося различными психологическими последствиями, не было разницы в обращении, так как к каждой из этих групп применяются одни и те же ограничительные правила. Во-вторых, жертвы намеренного вреда и жертвы вреда, причиненного по неосторожности, не могут считаться находящимися в аналогичных условиях для целей Статьи 14 (ст. 14).

Любая национальная судебная система может устанавливать определенное количество разных категорий заявителей (к которым применяются различные правила и процедуры) в зависимости от типа причиненного вреда, правовой основы жалобы или других факторов. В данном случае, как отметила Палата лордов со ссылкой на доклад Комитета Такера (Tucker Committee), в английском законодательстве были выработаны различные ограничительные правила в отношении жертв намеренного вреда и жертв вреда, причиненного по неосторожности (см. параграф 15 выше). К каждой из этих категорий жертв могут применяться различные подходы; например, жертвы намеренного вреда могут иметь более серьезные основания для предъявления иска. Было бы неестественно подчеркивать черты сходства между этими группами заявителей и игнорировать различия между ними для целей Статьи 14 (ст. 14) (см., с учетом соответствующих различий, решение по вышеупомянутому делу **Van der Mussele**, стр. 22-23, параграф 46).

74. Более того, даже если бы можно было сравнивать эти две группы заявителей, оспариваемая разница в обращении может иметь достаточное и объективное обоснование в силу, опять же, характерных особенностей, присущих этим двум группам. Представляется весьма разумным и не выходящим за пределы свободы усмотрения, предоставленной Государствам-участникам в этих вопросах (см. параграф 72 выше), создание особых правовых режимов для ограничения действий, основанных, с одной стороны, на намеренно причиненном вреде и, с другой стороны, на вреде, причиненном по неосторожности так как, например, существование оснований для гражданского иска может быть менее очевидным для жертв последнего типа нарушения.

Дело **Unal Tekeli v. Turkey** (2004 г.)

49. Суд еще раз подтверждает, что Статья 14 Конвенции предоставляет защиту против дискриминации в пользовании правами и свободами, гарантированными другими материальными положениями Конвенции. Однако не любая разница в обращении подразумевает нарушение этой Статьи. Для этого нужно установить, что к другим лицам, находящимся в аналогичных или

относительно схожих условиях, применяется лучшее обращение и что такое различие является дискриминационным (см., например, дело **National & Provincial Building Society, Leeds Permanent Building Society and Yorkshire Building Society v. the United Kingdom**, решение от 23 октября 1997 года, Отчеты по решениям Суда 1997-VII, параграф 88).

Дело **Thlimmenos v. Greece** (2000 г.)

41. Суд отмечает, что заявитель не получил звание дипломированного бухгалтера по причине своей прошлой судимости за отказ от ношения военной формы. Таким образом, он испытывал отличное обращение по сравнению с другими лицами, заинтересованными в получении этого звания, по причине своего статуса в качестве осужденного лица. Суд считает, что такая разница в обращении обычно не входит в область применения Статьи 14 постольку, поскольку относится к доступу к определенной профессии – праву на свободу выбора профессии, которое не подпадает под действие Конвенции. [...]

44. Суд до настоящего момента считал, что право по Статье 14 на защиту от дискриминации в пользовании правами, признанными в Конвенции, нарушается, когда Государства без объективного и достаточного обоснования по-разному обращаются с лицами, находящимися в аналогичных условиях. Суд, однако, считает, что это не единственная грань запрещения дискриминации согласно Статье 14. Право на защиту от дискриминации в пользовании правами, гарантированными Конвенцией, также нарушается, когда Государство без объективного и достаточного обоснования отказывается по-разному обращаться с лицами, чье положение является существенно отличным. [...]

9.3.3 Обоснование разницы в обращении

Дело **Belgian Linguistics** (1968 г.)

В. Толкование, принятое Судом

10. [...] Таким образом, важно определить критерии, с помощью которых можно сделать вывод о том, нарушила ли данная разница в обращении Статью 14. В этой связи Суд, следуя принципам, которые применяются в правовой практике большого количества демократических Государств, считает, что принцип равенства обращения нарушается, если это различие не имеет объективного и достаточного обоснования. Такое обоснование должно оцениваться в контексте целей и последствий рассматриваемой меры, с учетом принципов, принятых в демократических обществах. Разница в обращении в пользовании правом, закрепленным в Конвенции, не только должна преследовать законную цель: Статья 14 также нарушается, когда становится очевидным, что применяемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу.

Чтобы решить в настоящем деле, имело ли место произвольное (необоснованное) различие, Суд не может не принять во внимание правовые черты и практические особенности жизни общества Государства-ответчика. Поступая таким образом, Суд не может взять на себя функции компетентных национальных властей, так как в таком случае это исказило бы вспомогательный смысл международного механизма коллективного правоприменения, установленного Конвенцией. Национальные власти свободны выбирать такие меры, которые они считают уместными в этих вопросах, регулируемых Конвенцией. Суд лишь определяет, насколько эти меры соответствуют требованиям Конвенции.

Дело **Marckx v. Belgium** (1979 г.)

33. Согласно сложившейся практике Суда, какое-либо различие является дискриминационным, если оно «не имеет объективного и достаточного обоснования», то есть если оно не преследует

«законной цели» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются в достаточной мере пропорциональными друг другу».

Дело **Rasmussen v. Denmark** (1984 г.)

38. Для целей Статьи 14 разница в обращении является дискриминационной, если она «не имеет объективного и достаточного обоснования», то есть, если она не преследует «законную цель» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются в достаточной степени пропорциональными друг другу». [...]

Комиссия решила, что единственной законной целью разницы в обращении, на которую жаловался заявитель, было желание не допустить того, чтобы ребенок попал в худшие условия в результате судебного разбирательства, которое могло бы произойти через несколько лет после его рождения. Однако так как эта цель могла быть достигнута посредством «доктрины официального признания себя отцом ребенка», используемые средства – установление временных рамок для опротестования в судебном порядке отцовства ребенка только для мужей – и цель, которую они преследовали, не являются пропорциональными друг другу.

Дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom** (1985 г.)

72. Для целей Статьи 14 разница в обращении является дискриминационной, если она «не имеет объективного и достаточного обоснования», то есть если она не преследует «законную цель» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу». Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении. Однако только Суд имеет право выносить окончательное решение по этому поводу.

Дело **Hoffmann v. Austria** (1993 г.)

31. Статья 14 предоставляет защиту против разницы в обращении без объективного и достаточного обоснования в пользовании правами и свободами, признанными в Конвенции, лицам, находящимся в схожих условиях. Но прежде всего необходимо определить, может ли заявитель утверждать, что он был подвержен отличному обращению.

33. Европейский Суд таким образом признает, что имела место разница в обращении и что эта разница была основана на религиозной принадлежности; [...] Такая разница в обращении является дискриминационной в отсутствие «объективного и достаточного обоснования», то есть если она не преследует «законную цель» и если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются в достаточной степени пропорциональными друг другу».

Дело **Inze v. Austria** (1987 г.)

41. Для целей Статьи 14 разница в обращении является дискриминационной, если она «не имеет объективного и достаточного обоснования», то есть если она не преследует «законную цель» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу».

9.3.3.1 Законная цель

Дело **Darby v. Sweden** (1990 г.)

33. Что касается цели этой разницы в обращении к резидентам и не-резидентам, стоит отметить следующее. Согласно государственному закону (1951:175), который, в свою очередь, привел к принятию Налогового закона об инакомыслящих (the Dissenters Tax Act), причина, по которой правом на освобождение от уплаты церковного налога могли воспользоваться только лица, официально зарегистрированные в качестве резидентов, заключалась в том, что ходатайство о снижении налога было бы сложнее обосновать в суде по отношению к лицам, не имеющим такой регистрации, чем по отношению к тем, кто ее имел, и что данная процедура усложнилась бы, если бы снижение налога распространялось на не-резидентов. В Государственном законопроекте (1978/79:58), содержащем поправки к налоговому законодательству, которые привели к этой жалобе, не упоминалось об особой ситуации, к которой могли бы привести эти поправки для не-резидентов по Налоговому закону об инакомыслящих. На самом деле, Правительство заявило во время разбирательства, что оно не утверждало, что данная разница в обращении имела законную цель.

34. С учетом вышеизложенного, нельзя утверждать, что оспариваемая мера имела законную цель, как этого требует Конвенция. Соответственно, имело место нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 1 Протокола 1.

Дело **Burghartz v. Switzerland** (1994 г.)

27. Суд еще раз подтверждает, что обеспечение равенства прав полов сегодня является ключевой задачей для Государств-членов Совета Европы; это значит, что Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении исключительно по признаку пола совместимой с Конвенцией.

Дело **Chassagnou and Others v. France** (1999 г.)

91. Суд еще раз подтверждает, что разница в обращении является дискриминационной, если она «не имеет объективного или достаточного обоснования», то есть если она не преследует «законную цель» или если «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу». Более того, Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, принятую разницу в обращении.

92. [...] Признавая, что правомерность какой-либо меры, которая приводит к разнице в обращении между лицами, находящимися в сравнительно схожих условиях, может быть обоснована общественными интересами, Суд считает, что в настоящем случае Правительство не предъявило какого-либо убедительного объяснения тому, что общественные интересы требовали передачи своего права на охоту исключительно от небольших землевладельцев. На первый взгляд, разумная эксплуатация ресурсов дичи в отдельном муниципальном округе является одинаково важной как для больших так и небольших землевладений, однако Правительство не предъявило какой-либо причины, по которой величина территории может быть единственным критерием для проведения различий между землевладельцами. Суду не ясно, что могло бы объяснить тот факт, что в одном и том же муниципальном округе крупные землевладельцы могут сохранить исключительные права на охоту на своей земле, в частности с целью получения дохода от них, и освобождены от обязанности передавать эти права местному сообществу, или, не занимаясь сами охотой, могут запретить другим охотиться на своей земле, в то время как мелкие землевладельцы обязаны передавать права на охоту на своей земле местной охотничьей ассоциации.

9.3.3.2 Пропорциональность

Дело **Unal Tekeli v. Turkey** (2004 г.)

50. Согласно сложившейся практике Суда разница в обращении является дискриминационной по смыслу Статьи 14, если она не имеет объективного и достаточного обоснования. Существование такого обоснования должно рассматриваться в контексте принципов, обычно доминирующих в демократических обществах. Разница в обращении в пользовании каким-либо правом, признанным в Конвенции, не только должно преследовать законную цель: Статья 14 также нарушается, если очевидно, что «используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу» (см., например, дела *Petrovic v. Austria*, решение от 27 марта 1998 г., Отчеты судебных решений 1998-II, параграф 30; *Lithgow and Others v. the United Kingdom*, решение от 8 июля 1986 г., серия А, № 102, параграф 177)

Дело **National Union of Belgian Police v. Belgium** (1975 г.)

47. Суд обязан решить, имеет ли рассматриваемая разница в обращении такой дискриминационный характер. Поступая таким образом, Суд «не может взять на себя функции компетентных национальных властей», которые «свободны в выборе таких мер, которые они считают подходящими в данных вопросах, находящихся под контролем Конвенции»; надзор Суда касается только соответствия этих мер требованиям Конвенции».

48. Профсоюз-заявитель жалуется на то, что Министерство внутренних дел не консультировалось с ним, в отличие от трех других профсоюзов, открытых для всех местных и муниципальных служащих, по предложениям, которые касались муниципальной полиции, независимо от того, касались ли эти вопросы всех категорий муниципальных служащих или только полиции. Как Суд отметил выше, Королевский указ от 2 августа 1966 года в этом отношении привел к разнице в обращении в ущерб «специализированным» организациям, таким как профсоюз-заявитель. Правительство настаивало, что оно стремилось избежать «профсоюзной анархии» и что оно считало необходимым «обеспечить последовательную и сбалансированную кадровую политику, принимающую во внимание профессиональные интересы всех служащих». Это само по себе является законной целью, и у Суда нет причин думать, что у Правительства были другие и злонамеренные мотивы, лежащие в основе параграфа 2 Статьи 2 Королевского указа. В частности, ничто не указывает на то, что власти намеревались предоставить трем крупным профсоюзам по причине их политической активности исключительные привилегии в данном вопросе; кроме этого, если бы существовал или должен был существовать профсоюз, не имеющий политического уклона и открытый для всех местных и муниципальных служащих и защищающий их профессиональные интересы, оспариваемое положение заставило бы Министра внутренних дел консультироваться и с этой организацией тоже. [...]

49. Наконец, Суд рассмотрел вопрос о том, является ли дискриминация, противоречащая Статьям 11 и 14, рассмотренным совместно, результатом непредоставления профсоюзу-заявителю права на участие в консультациях по определенным вопросам, которые касаются только муниципальной полиции, например, условий назначения на должность руководителя или заместителя руководителя (Королевский указ от 12 августа 1965 года и Служебная записка от 18 мая 1965 года, опубликованные в *Moniteur belge* 21 мая 1965 года). Суд считает, что нет очевидных причин полагать, что невыгодное положение, в которое была поставлена организация-заявитель, является чрезмерной мерой по отношению к законной цели, которую преследовало Правительство. Таким образом, принцип пропорциональности не был нарушен.

Дело **Hoffmann v. Austria (1993 г.)**

34. Цель, которую преследовал Верховный суд, а именно защиту здоровья и прав детей была законной; теперь необходимо определить, было ли также соблюдено второе условие.

36. [...] Суд, таким образом, не может заключить, что используемые средства и цель, на которую они были направлены, не являются пропорциональными друг другу; следовательно, имело место нарушение Статьи 8, взятой совместно со Статьей 14.

Дело **Thlimmenos v. Greece (2000 г.)**

46. Следующий вопрос, на который нужно ответить, состоит в том, была ли соблюдена Статья 14 Конвенции. Согласно своей практике, Суд должен определить, преследовал ли законную цель отказ в особом обращении с заявителем по сравнению с другими лицами, осужденными за серьезное преступление. Если да, то остается установить, были ли используемые средства и цель, на которую они были направлены, пропорциональными друг другу.

47. Суд считает, что в принципе Государство имеет законный интерес в том, чтобы исключить некоторых правонарушителей из профессии дипломированного бухгалтера. Суд, однако, также считает, что в отличие от других судимостей за серьезные уголовные преступления, осуждение за отказ носить военную форму по религиозным или философским причинам не может быть свидетельством непорядочности или моральной порочности, которые могут повлиять на способность осужденного соответствовать требованиям профессии. Недопущение заявителя к профессии по причине непригодности не было, таким образом, обоснованным. Суд принимает во внимание довод Правительства о том, что лица, отказывающиеся от службы родине, должны быть надлежащим образом наказаны. Однако Суд также отмечает, что заявитель отбыл тюремное наказание за отказ носить военную форму. В этих обстоятельствах Суд считает, что применение других мер наказания к заявителю является непропорциональным. Из этого следует, что исключение из профессии дипломированного бухгалтера не преследовало законную цель. Таким образом, Суд решает, что не существовало объективного и достаточного обоснования отказа в особом обращении с заявителем по сравнению с другими лицами, осужденными за серьезное преступление.

9.3.4 Пределы свободы усмотрения Государства

Дело **Handyside v. The United Kingdom (1976 г.)**

48. Суд отмечает, что механизм защиты, установленный Конвенцией, имеет вспомогательный характер по отношению к национальным правовозащитным системам. Конвенция предоставляет возможность каждому Государству-участнику в первую очередь самому обеспечить соблюдение прав и свобод, которые она гарантирует. Институты, созданные в рамках Конвенции, содействуют ей в этом деле, однако они начинают действовать только в порядке искового рассмотрения и только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

Эти принципы относятся в первую очередь к параграфу 2 Статьи 10. В частности, отталкиваясь от внутренних законов различных Государств-участников, невозможно установить универсальное европейское понимание нравственности. Подходы, принятые в их соответствующих законах, различаются во времени и от места к месту, особенно в нашу эпоху, которая характеризуется быстрой и масштабной эволюцией взглядов на этот предмет. По причине своего прямого и продолжающегося контакта с жизненно важными структурами своих стран власти Государства в принципе находятся в лучшей позиции, чем международный судья, чтобы дать точную оценку содержания этих требований, а также «необходимости» «ограничений» или «санкций», предназначенных для их достижения. Суд в этой связи обращает внимание на то, что хотя прилагательное «необходимый»

по смыслу параграфа 2 Статьи 10 не является равнозначным прилагательному «обязательный», а в параграфе 1 Статьи 6 словам «абсолютно необходимо» и «строго необходимо», а в параграфе 1 Статьи 15 фразе «в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств». Прилагательное «необходимый», также является более строгим по смыслу, чем такие слова, как «допустимый», «обычный», «полезный», «достаточный» или «желательный». Тем не менее, именно национальные власти должны дать начальную оценку наличия насущной социальной потребности, подразумеваемой определением «необходимый» в данном контексте.

Следовательно, параграф 2 Статьи 10 предоставляет Государствам-участникам определенную свободу усмотрения. Эта свобода усмотрения предоставляется национальным законодательным органам («предусмотрены законом») и органам, в том числе судебным, которые истолковывают и применяют законы на практике.

Дело **Rasmussen v. Denmark** (1984 г.)

40. Суд определил в нескольких решениях, что Государства-участники обладают определенной «свободой усмотрения» в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении. Пределы свободы усмотрения различаются в зависимости от обстоятельств, предмета рассмотрения и его предыстории; в этом отношении одним из значимых факторов может быть существование или отсутствие общности подходов в законодательствах Государств-участников.

41. Обзор законодательств Государств-участников в области установления или опротестования в суде отцовства показывает, что такая общность подходов отсутствует и что в большинстве из них статус матери и статус отца регулируются по-разному. [...]

Дело **Petrovic v. Austria** (1998 г.)

38. Государства-участники, однако, обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении. Пределы свободы усмотрения различаются в зависимости от обстоятельств, предмета рассмотрения и его предыстории; в этом отношении одним из значимых факторов может быть существование или отсутствие общности подходов в законодательствах Государств-участников.

39. Очевидно, что в соответствующее время, то есть в конце восьмидесятых годов прошлого века не существовало общего подхода в этой области, так как большинство Государств-участников не предусматривали выплату пособий отцам по уходу за ребенком.

Дело **Burghartz v. Switzerland** (1994 г.)

24. В отличие от других международных механизмов, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах (Статья 24, параграф 2), Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (Статьи 7 и 8) или Американская конвенция о правах человека, Статья 8 Конвенции не содержит каких-либо прямых положений, относящихся к использованию имен. Как средство личной идентификации и связи с семьей имя человека, тем не менее, касается его или ее частной и семейной жизни. Тот факт, что общество и Государство заинтересованы в регулировании пользования именами, не исключают этого, так как такие общественно-правовые аспекты совместимы с частной жизнью, понимаемой как включающую в определенной степени право устанавливать и развивать отношения с другими людьми, как в профессиональном и деловом контексте, так и в других контекстах. В настоящем деле сохранение заявителем своей фамилии, под которой он, по

его утверждению, известен в академических кругах, имеет существенное значение для его карьеры. Следовательно, Статья 8 здесь действительно применима.

Дело **Fretté v. France** (2002 г.)

41. Не вызывает сомнения, что по данному вопросу отсутствует общность подходов. Хотя большинство Государств-участников прямо не запрещают гомосексуалам усыновлять детей в тех случаях, когда это позволено одиноким лицам, не состоящим в браке, в правовых и общественных устройствах Государств-участников невозможно установить универсальные принципы по этим социальным вопросам, и по ним взгляды в демократическом обществе могут существенно различаться. Суд считает вполне естественным, что национальные власти, в чьи обязанности в демократическом обществе также входит учитывать в пределах своей юрисдикции интересы общества в целом, должны иметь широкую свободу усмотрения, когда им необходимо принять решение по таким вопросам. По причине того, что органы власти Государства имеют прямую и постоянную связь с жизненно важными структурами своих стран, то они в принципе обладают лучшей возможностью, чем международный судья, чтобы дать оценку местным потребностям и условиям. Так как данное дело касается деликатных вопросов, а значит, связано с областью, в которой среди Государств-участников Совета Европы не имеется общей позиции, и закон по большому счету находится в переходной фазе, Государствам-участникам должна быть предоставлена широкая свобода усмотрения. Это, однако, не значит, что Государство обладает полной свободой действия; решение властей в любом случае остается подлежащим надзору Суда в плане соответствия требованиям Статьи 14 Конвенции.

9.4 Основания дискриминации

9.4.1 Введение

9.4.1.1 Неуказанные признаки ('иной статус')

Дело **Engel v. Netherlands** (1976 г.)

72. [...] Различие, основанное на военном звании, может противоречить Статье 14 (ст. 14). Перечень, приведенный в этом положении, не является исчерпывающим, что явствует из слов «any ground such as» (по любому признаку, такому как) (во французском тексте «notamment»). Кроме этого, слово “status” («статус») (во французском тексте «situation») вполне может относиться к военному званию. Более того, различие, касающееся характера исполнения наказания или меры, приведшей к лишению свободы, не выходит по этой причине за пределы области применения Статьи 14 (ст. 14), так как такое различие не может не иметь влияния на то, как «обеспечивается» «пользование» правом, гарантированным Статьей 5 в параграфе 1 (ст. 5-1). Суд в отношении этих пунктов не готов согласиться с объяснениями Правительства (параграф 40), первый подпункт доклада Комиссии), но скорее выражает согласие с решением Комиссии (там же, параграфы 133-134).

Дело **Rasmussen v. Denmark** (1984 г.)

34. [...] Для целей Статьи 14 (ст. 14) Суд решает, существовала ли разница в обращении между господином Расмуссеном и его бывшей женой в отношении возможности опротестовать в судебном порядке отцовство ребенка. Нет необходимости определять, на каком признаке основана эта разница, так как перечень признаков, приведенный в Статье 14 (ст. 14) не является исчерпывающим (см. дело **Engel and Others**, решение от 8 июня 1976 года, серия А, стр. 22, параграф 72)

9.4.1.2 Особые признаки

Дело **Gaygusuz v. Austria** (1996 г.)

42. [...] Более того, Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, применяемую разницу в обращении. Однако Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении, основанную исключительно на национальной принадлежности, совместимой с Конвенцией.

9.4.2 Различия по признаку пола

Дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom** (1985 г.)

78. [...] Хотя вышеуказанная цель была, вне всякого сомнения, законной, это само по себе не значит, что была законной разница в обращении, установленная Регламентом 1980 года относительно возможности для иммигрантов мужского и женского пола, поселившихся в Соединенном Королевстве, получить разрешение на въезд в страну и остаться в ней, с одной стороны, для своих жен или невест, не имеющих британского гражданства, и, с другой стороны, для своих мужей или женихов, также не имеющих британского гражданства. [...] Что касается настоящего дела, можно сказать, что обеспечение равенства полов является сегодня ключевой задачей для Государств-участников Совета Европы. Это значит, что Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении по признаку пола соответствующей Конвенции.

79. [...] Возможно, верно то, что в среднем больший процент трудоспособных мужчин, чем трудоспособных женщин может считаться «экономически активным» (для Великобритании это 90 процентов мужчин и 63 процента женщин), что характерно и для иммигрантов (по статистике 86 процент мужчин-иммигрантов и 41 процент женщин-иммигранток из индийского субконтинента и 90 процентов мужчин-иммигрантов и 70 процентов женщин-иммигрантов из Вест-Индии и Гаяны). [...] Как бы то ни было, Суд не убежден в том, что разница, которая может существовать между соответствующим влиянием мужчин и женщин на рынок труда, является достаточной для того, чтобы обосновать разницу обращения, на которую жаловались заявители, по поводу возможности для человека, проживающего в Соединенном Королевстве, воссоединиться, сообразно обстоятельствам, со своей женой или своим мужем.

80. В данном контексте Правительство подчеркнуло важность влияния на мужскую иммиграцию ограничений, содержащихся в Регламенте 1980 года, которые привели, по оценке Правительства, к ежегодному сокращению на 5700 (а не 2000, как было указано в докладе Комиссии) супругов, получивших право на проживание в стране. [...] Как бы то ни было, по причинам, указанным выше в параграфе 79, достигнутое сокращение количества мужчин-иммигрантов не оправдывает разницы в обращении по отношению к мужчинам и женщинам.

81. Суд признает, что Регламент 1980 года имел, как заявило Правительство, цель обеспечения общественного спокойствия. Однако Суд не был убежден в том, что эта цель была достигнута проведенным в этих правилах различием между мужьями и женами.

Дело **Schuler-Zraggen v. Switzerland** (1993 г.)

67. [...] Как это сформулировано в решении Федерального суда, данное предположение не может считаться – как это утверждает Правительство – случайным неудачно сформулированным замечанием, не имеющим ощутимого эффекта. Наоборот, оно составляет единственное основание для

данной мотивировки, и поэтому имеет решающее значение, и приводит к существованию разницы в обращении, основанной только на признаке пола.

Обеспечение равенства полов сегодня является ключевой задачей для Государств-участников Совета Европы, и Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать такую разницу в обращении совместимой с Конвенцией. Суд не установил наличия такой причины в данном деле. Поэтому Суд заключает, что в отсутствие достаточного и объективного обоснования имело место нарушение Статьи 14, взятой совместно с параграфом 1 Статьи 6.

Дело **Unal Tekeli v. Turkey** (2004 г.)

51. Другими словами, понятие дискриминации включает в общих случаях ситуации, когда к лицу или группе лиц применяется, без надлежащего обоснования, менее благоприятное обращение, чем к другим, хотя более благоприятное обращение не предусмотрено Конвенцией (см. дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom**, решение от 28 мая 1985 года, серия А, № 94, параграф 82). Статья 14 не запрещает различия в обращении, основанные на объективной оценке значительно различных фактических обстоятельств, и которые, будучи основаны на общественном интересе, устанавливают баланс между защитой интересов сообщества и уважением прав и свобод, гарантированных Конвенцией (см., среди прочих, дело **G.M.B. and K.M. v. Switzerland** (решение), № 36797/97, 27 September 2001 г.).

52. Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении. Пределы свободы усмотрения меняются в зависимости от обстоятельств, предмета рассмотрения и его предыстории. (см. дело **Rasmussen v. Denmark**, решение от 28 ноября 1984 г., серия А, №87, параграф 40, и дело **Inze v. Austria**, решение от 28 октября 1987 г., серия А, № 126, параграф 41).

53. Однако Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать такую разницу в обращении, основанную только на признаке пола, совместимой с Конвенцией (см. дело **Schuler-Zgraggen v. Switzerland**, решение от 24 июня 1993 г., серия А, № 263, параграф 67).

54. Так как Конвенция – это в первую очередь система защиты прав человека, Суд, однако, должен принимать во внимание изменяющиеся условия в Государствах-участниках, а также какой-либо формирующийся консенсус по тем или иным вопросам, связанным с правами человека (см., с учетом соответствующих различий, дело **Stafford v. the United Kingdom**, № 46295/99, параграф 68, ECHR 2002-IV). [...]

59. Суд еще раз подтверждает, что обеспечение равенства прав полов является сегодня ключевой задачей для Государств-участников Совета Европы. Два документа Комитета Министров, а именно Резолюция (78) 37 от 27 сентября 1978 года о правах супругов в гражданском праве и Рекомендация R (85) 2 от 5 февраля 1985 года о правовой защите от дискриминации по признаку пола – главные примеры, свидетельствующие об этом. Эти тексты призывают государства-участников искоренить любую дискриминацию по признаку пола, в частности, в отношении выбора имени. Эта цель также была обозначена в работе Парламентской Ассамблеи (см. параграфы 19-22 выше) и Европейского комитета по правовому сотрудничеству (см. параграфы 23-27 выше).

Дело **Opuz v. Turkey** (2009 г.)

184. Суд, прежде всего, отмечает, что когда он обращается к цели и задачам положений Конвенции, он также принимает во внимание принципы, применяемые в международном праве по отношению к рассматриваемому правовому вопросу. Так как общие стандарты международного и

национального права в Государствах-участниках состоят из набора правил и принципов, которые принимаются подавляющим большинством Государств, Суд не может игнорировать их при разъяснении области применения Конвенции, которую более обычные средства толкования не позволили бы установить с достаточной долей определенности (см. дело see **Saadi v. Italy**, № 37201/06, параграф 63, ECHR 2008-..., цитируемое в деле **Demir and Baykara**, упомянутом выше в параграфе 76).

185. В этой связи, когда Суд рассматривает определение и масштаб дискриминации против женщин, в дополнение к более общему значению дискриминации, сформированному в судебной практике (см. параграф 183 выше), Суд должен принять во внимание нормы, принятые в более специализированных правовых механизмах и решениях международных правовых институтов касательно вопроса насилия против женщин.

186. В этом контексте, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин определяет дискриминацию против женщин в Статье 1 как: «...любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

187. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин еще раз подчеркнул, что насилие против женщин, включая домашнее насилие, является формой дискриминации против женщин (см. параграф 74 выше).

188. Комиссия по правам человека прямо признала связь между насилием против женщин и дискриминацией, отметив в Резолюции 2003/45, что: «все формы насилия против женщин происходят в контексте дискриминации против женщин де-юре и де-факто и более низкого статуса, предоставленного женщинам в обществе, и осложняются препятствиями, с которыми сталкиваются женщины при попытках получить от Государства правовую защиту».

189. Более того, Межамериканская конвенция о предотвращении, наказании и искоренении насилия против женщин (the Belém do Pará Convention), которая к настоящему времени является единственным региональным многосторонним правозащитным соглашением, которое имеет отношение только к насилию против женщин, описывает право каждой женщины на свободу от насилия, которое включает, среди прочего, право на свободу от всех форм дискриминации.

190. Наконец, Межамериканская комиссия по правам человека также охарактеризовала насилие против женщин как одну из форм дискриминации, произошедшей вследствие неспособности Государства проявить надлежащую заботливость по предотвращению и расследованию жалобы на домашнее насилие (см. дело **Maria da Penha v. Brazil**, упомянутое выше в параграфе 80).

191. Из вышеуказанных правил и решений следует, что неспособность Государства защитить женщин от домашнего насилия нарушает их право на равную защиту закона и что эта неспособность не должна быть намеренной для того, чтобы классифицироваться таким образом.

в. Подход к домашнему насилию в Турции

192. Суд считает, что хотя турецкие законы, применявшиеся в то время, не проводили прямого различия между мужчинами и женщинами в пользовании правами и свободами, эти законы необходимо было привести в соответствие с международными стандартами, применяемыми по отношению к статусу женщины в демократическом и плюралистическом обществе. Также как и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (см. Заключительные замечания в параграфах 12-21), Суд приветствует реформы, проводимые Правительством, особенно принятие

Закона №4320, который предоставляет специальные меры защиты против домашнего насилия. Таким образом, очевидно, что дискриминация, на которую жаловалась заявительница, не была основана на законодательстве самом по себе, но скорее, стала результатом общего отношения местных властей, например, того, как с женщинами обращались в полицейских участках, когда они заявляли о домашнем насилии, или юридическом бездействии в отношении предоставления эффективной защиты жертв. Суд отмечает, что турецкое Правительство уже признало эти проблемы, существующие на практике, когда обсуждало эти вопросы с Комитетом по предотвращению насилия в отношении женщин (там же).

193. С этой связи Суд отмечает, что заявительница предъявила материалы и статистические данные, подготовленные двумя ведущими организациями, Дьярбакирской коллегией адвокатов (Diyarbakir Bar Association) и Международной амнистией (Amnesty International), чтобы продемонстрировать наличие дискриминации против женщин (см. параграфы 91-104 выше). Помня о том, что решения и заключения, содержащиеся в этих материалах, не были оспорены Правительством ни на какой стадии разбирательства, Суд примет их к рассмотрению вместе с собственными выводами в настоящем деле (см. дело **Hoogendijk**, упомянутое выше; и дело **Zarb Adami**, упомянутое выше, параграфы 77-78).

194. Изучив эти материалы, Суд установил, что наибольшее число установленных жертв домашнего насилия, были из района Диярбакир, где проживала заявительница в соответствующий период, и что все жертвы были женщинами, пострадавшими в основном от физического насилия. Подавляющее большинство этих женщин были курдского происхождения, неграмотные или с низким уровнем образования и не имеющие собственного источника дохода (см. параграф 98 выше).

195. Более того, похоже, существуют серьезные проблемы в применении Закона №4320, который был приведен в пример Правительством в качестве одного из средств правовой защиты для женщин, сталкивающихся с домашним насилием. Исследования, проведенные вышеупомянутыми организациями, указывают на то, что когда жертвы сообщают о домашнем насилии в полицию, сотрудники полиции не расследуют их жалобы, но пытаются играть роль посредника, пытаясь убедить жертвы вернуться домой и забрать свое заявление. В этой связи сотрудники полиции считают эту проблему «семейным делом, в которое они не могут вмешиваться» (см. выше параграфы 92, 96 и 102).

196. Из этих материалов также следует, что имели место чрезмерные задержки в вынесении судебных постановлений по отношению к агрессорам согласно Закону №4320, так как суды воспринимают их как форму развода и как меру, не требующую немедленного применения. Задержки также часто происходят в случаях, когда дело касается исполнения вынесенных постановлений по отношению к агрессорам, при негативном отношении сотрудников полиции (см. параграфы 91-93 и 101). Более того, виновники домашнего насилия не получают наказания, оказывающие на них сдерживающий эффект, так как суды смягчают приговоры из соображений традиций, обычаев или чести (см. параграфы 103 и 106).

197. В результате этих проблем, вышеупомянутые материалы свидетельствуют о том, что домашнее насилие не воспринимается властями с достаточной серьезностью, и что меры, указанные Правительством, не являются эффективными на практике. Похожие выводы были сделаны Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин, когда он отметил «укорененность насилия против женщин, включая домашнее насилие в Турции» и призвал Государство-ответчика усилить меры по предотвращению и борьбе с насилием против женщин. Он также подчеркнул необходимость полноценно применять и внимательно отслеживать эффективность Закона о защите семьи и связанных с ним политик для того, чтобы предотвратить насилие против женщин, предоставить защиту и поддержку жертвам, и наказать и реабилитировать виновников (см. Заключительные замечания, параграф 28).

198. В свете вышесказанного, Суд считает, что заявительница смогла доказать, с использованием неопровергнутых статистических данных, существование достаточного при отсутствии опровержения признака того, что домашнее насилие в основном касалось женщин и что общая и дискриминационная судебная пассивность в Турции создали климат, способствующий домашнему насилию.

с. Подверглись ли заявительница и ее мать дискриминации вследствие неспособности властей обеспечить равную защиту законом.

199. Суд установил, что система уголовного права, как она действовала в данном случае, не обеспечила адекватного сдерживающего эффекта, который мог бы эффективно предотвратить незаконные действия со стороны Х.О. в отношении заявительницы и ее матери и таким образом нарушила их права по Статьям 2 и 3 Конвенции.

200. Принимая во внимание вышеупомянутый вывод о том, что общая и дискриминационная пассивность судебных органов в Турции, хоть и не являлась преднамеренной, в основном затрагивала женщин, Суд считает, что насилие, пережитое заявительницей и ее матерью, может быть приравнено к гендерному насилию, которое является одной из форм дискриминации против женщин. Несмотря на осуществленные Государством в последние годы реформы, общая неэффективность судебной системы и безнаказанность агрессоров, в частности установленные в данном деле, свидетельствуют о неспособности Государства принять необходимые меры по борьбе с домашним насилием (см., в частности, раздел 9 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, процитированный выше в параграфе 187).

201. Учитывая неэффективность национальных средств правовой защиты обеспечить заявительнице и ее матери равную защиту законом в пользовании правами, гарантированными Статьями 2 и 3 Конвенции, Суд определяет, что в данном случае существуют особые обстоятельства, которые освобождают заявительницу от необходимости исчерпания всех средств внутригосударственной правовой защиты. В связи с этим Суд отклоняет возражение Правительства, касающееся невыполнения упомянутого требования относительно жалобы заявительницы по Статье 14 Конвенции.

202. С учетом вышесказанного Суд заключает, что в настоящем случае имело место нарушение Статьи 14 при ее рассмотрении в сочетании со Статьями 2 и 3.

Дело **Rasmussen v. Denmark** (1984 г.)

34. [...] Для целей Статьи 14 Суд определяет, что по отношению к господину Расмуссену (Rasmussen) и его бывшей жене имело место неравное обращение касательно возможности опротестования в суде отцовства первого. Нет необходимости определять, на каком признаке основывалось это неравенство, так как перечень оснований, приведенный в Статье 14, не является исчерпывающим.

Дело **Burghartz v. Switzerland** (1994 г.)

28. В защиту оспариваемого правового порядка Правительство, во-первых, заявило, что законодательство Швейцарии исходит из стремления отразить единство семьи в одной общей фамилии супругов. Суд не принимает этот аргумент, так как единство семьи было бы в не меньшей степени отражено, если бы муж имел право добавить свою фамилию к фамилии жены для образования общей семейной фамилии, а не наоборот (т.е. когда только жена имеет право добавить свою фамилию к фамилии мужа, как это предусмотрено гражданским кодексом). Во-вторых, было бы неправильно утверждать, что предусмотренный законодательством порядок основан на истинной традиции. Замужние женщины только в 1984 году получили право использовать в качестве послебрачной фамилии двойную фамилию, составленную из своей девичьей фамилии и фамилии

мужа - право, на которое претендует заявитель. Как бы то ни было, положения Конвенции следует истолковывать с учетом современных условий, в особенности с учетом важности принципа запрещения дискриминации.

Также никаких различий не должно следовать из предпочтения супругами одной из своих фамилий и ее выбора в качестве общего семейного имени. Вопреки заявлениям Правительства, нельзя утверждать, что такой порядок отражает более серьезное отношение со стороны мужа, чем жены. Следовательно, нет оснований для такой разницы в обращении.

Что касается других типов фамилий, таких как двойная фамилия или любые другие неформальные способы использования имен, Федеральный Суд сам провел различие между ними и юридически признанной семейной фамилией, которая указывается в официальных документах человека. Следовательно, такие другие имена не могут считаться эквивалентными юридически признанной семейной фамилией.

29. В целом, оспариваемая разница в обращении не имеет объективного и достаточного обоснования и таким образом нарушает Статью 14 при ее рассмотрении со Статьей 8.

Дело **Karlheinz Schmidt v. Germany (1994 г.)**

28. Суд отмечает, что в некоторых федеральных землях Германии в сфере принятия на пожарную службу на оба пола налагаются одинаковые обязательства и что даже в Баден-Вюртемберге женщин принимают на добровольную пожарную службу.

Независимо от того, может или нет в настоящее время существовать какое-либо обоснование разницы в обращении к мужчинам и женщинам в том, что касается обязательной службы в пожарной охране, решающее значение в данном деле имеет то, что обязанность нести такую службу существует лишь в теории и законодательстве. Учитывая постоянно сохраняющееся достаточное количество добровольцев, на практике ни одному мужчине не приходится нести службу в качестве пожарного вопреки своему желанию. Необходимость уплаты финансового взноса потеряла – не по закону, но на практике – свой компенсационный характер и стала единственной действительной обязанностью. Разница в обращении по признаку пола при наложении финансового обязательства, подобного этому, вряд ли может быть обоснованной.

Дело **Petrovic v. Austria (1998 г.)**

37. Действительно, обеспечение равенства полов в настоящее время является ключевой задачей для Государств-участников Совета Европы, и требуются очень веские причины для того, чтобы обосновать такую разницу в обращении для целей Конвенции.

38. Однако Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении. Пределы этой свободы усмотрения различаются в зависимости от обстоятельств дела, предмета разбирательства и его предистории; одним из значимых факторов в этом отношении является наличие или отсутствие общности подходов, принятых в законодательствах Государств-участников.

Дело **Van Raalte v. Netherlands (1997 г.)**

42. Хотя в соответствии с Конвенцией Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в том, что касается освобождения от таких контрибуционных обязательств, Статья

14 требует, чтобы любая подобная мера применялась одинаково и к мужчинам, и к женщинам, за исключением тех случаев, когда разница в обращении основана на очень веских причинах.

43. В данном случае Суд не согласен с тем, что такие причины существуют. В этой связи необходимо иметь в виду, что также как женщины в возрасте 45 лет и старше могут родить детей, так и мужчины в возрасте 45 лет и младше могут быть бесплодными. Суд также хотел бы отметить, что незамужняя бездетная женщина в возрасте 45 лет и старше вполне может получить право на льготы согласно рассматриваемому Закону; она может, например, выйти замуж за мужчину, который уже имеет детей от предыдущего брака. Кроме этого, довод о том, что взыскание налога в рамках программы пособий по уходу за ребенком с незамужних бездетных женщин привело бы к несправедливому эмоциональному давлению на них, в равной степени применим и к неженатым бездетным мужчинам или бездетным парам.

44. Следовательно, независимо от того, может ли стремление пощадить чувства бездетных женщин определенного возраста считаться законной целью, такая цель не является достаточной для обоснования разницы в обращении по признаку пола в настоящем деле.

Дело **Zarb Adami v. Malta** (2006 г.)

1. Как Суд постановил ранее в других делах, статистические данные сами по себе не являются достаточными для установления практики, которая может быть классифицирована как дискриминационная (дело **Hugh Jordan v. the United Kingdom**, № 24746/94, параграф 154, 4 мая 2001 г.). В то же время, Суд считает, что дискриминация, потенциально противоречащая Конвенции, может быть следствием не только законодательной меры (см., в области социальных обязанностей, дело **Karlheinz Schmidt**, упоминавшееся выше, стр. 32-33, параграфы 24-29), но и фактической ситуации.

2. [...] По мнению Суда, эти цифры свидетельствуют о том, что гражданская обязанность выполнять функции присяжного заседателя преимущественно возлагается на мужчин. Таким образом, имеет место неравенство в обращении по отношению к двум группам – мужчинам и женщинам, – которые касательно данной гражданской обязанности находились в схожем положении.

9.4.3 Различия, основанные на расовой принадлежности, цвете кожи или этническом происхождении

Дело **Cyprus v. Turkey** (2001 г.)

306. Суд напоминает, что Комиссия в своем решении по вышеупомянутому делу **East African Asians** определила, что рассмотрение утверждений о расовой дискриминации требует особо серьезного отношения, и что открытое выделение какой-либо группы для отличного обращения по причине расовой принадлежности, в определенных обстоятельствах, может считаться особенно серьезным поруганием человеческого достоинства. По мнению Комиссии, отличное обращение к группе лиц по причине расовой принадлежности может таким образом приравниваться к унижающему достоинство обращению, в то время как отличное обращение по какому-либо другому признаку может не вызывать таких опасений. [...]

310. Приняв во внимание длительность рассматриваемого промежутка времени, Суд решил, что дискриминационное обращение достигло такого уровня, который позволяет классифицировать его как унижающее достоинство обращение.

311. Суд заключает, что была нарушена Статья 3 Конвенции по причине того, что греки-киприоты, проживающие в районе Карпас в северной части Кипра, были подвергнуты дискриминации, равносильной унижающему достоинство обращению. [...]

314. Суд согласен с выводом Комиссии. Учитывая аргументы, указанные в обоснование собственного решения о нарушении Статьи 3, Суд считает, что нет необходимости отдельно выносить решение о том, что, по сути, является повторением жалобы, которая детально рассмотрена в этом решении.

315. Таким образом, Суд заключает, что принимая во внимание установление нарушения по Статье 3 Конвенции, нет необходимости рассматривать, была ли в рассматриваемый период времени нарушена Статья 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3 в отношении греков-киприотов, проживающих в северной части Кипра.

Дело **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom** (1985 г.)

85. Суд согласен, что Регламент 1980 года, положения которого, как правило, применялись ко всем иммигрантам, желающим попасть и поселиться на территории Соединенного Королевства и, не содержащих норм, проводящих различия между лицами или группами лиц по признаку их расовой или этнической принадлежности. [...] Судом уже было установлено, что главной и основополагающей целью Регламента 1980 года было ограничить «первичную иммиграцию» для того, чтобы защитить рынок труда в период высокого уровня безработицы. Это означает, что применение данных иммиграционных ограничений основывалось не на отрицательном отношении к происхождению иммигрантов, желающих попасть на территорию страны, а на необходимости сдерживания потока иммигрантов в соответствующий период времени. То, что массовая иммиграция, против которой были направлены эти правила, состояла в основном из потенциальных иммигрантов из стран Нового Британского Содружества и Пакистана, и что в результате эти правила в соответствующий период времени затронули меньшее количество представителей белой расы, чем остальных, не является достаточной причиной для того, чтобы считать эти правила расистскими по характеру: это следствие связано не с содержанием Регламента 1980 года, а с тем фактом, что среди лиц, желающих иммигрировать в Соединенное Королевство, некоторые этнические группы численно превосходили другие. Суд заключает из вышесказанного, что Регламент 1980 года не проводил различия по признаку расовой принадлежности, и по этой причине не был дискриминационным.

Дело **Nachova and Others v. Bulgaria** (2005 г.)

С. Оценка Суда

1. *Является ли Государство-ответчик виновным в лишении жизни по причине расовой или этнической принадлежности жертвы*

144. Суд установил выше, что представители органов власти Государства-ответчика незаконно убили господина Ангелова и господина Петкова в нарушение Статьи 2 Конвенции. Заявители также утверждали, что имело место отдельное нарушение Статьи 14 Конвенции, так как расовые предрассудки сыграли определенную роль в смерти указанных лиц.

145. Дискриминация – это отличное обращение без объективного и достаточного обоснования к лицам, находящимся в относительно схожем положении (см. дело **Willis v. the United Kingdom**, № 36042/97, параграф 48, ECHR 2002 IV). Расовое насилие – это особо серьезная форма поругания человеческого достоинства, с учетом его пагубных последствий оно требует от властей особой бдительности и решительных мер. По этой причине власти должны принять все возможные меры для борьбы с расизмом и расовым насилием, способствуя, таким образом, утверждению демократического взгляда на общество, в котором культурное разнообразие воспринимается не как угроза, а как источник богатства. Суд далее вернется к этому вопросу.

146. При рассмотрении жалобы заявителей на нарушение Статьи 14, Суд должен определить, был ли расизм причинным фактором, приведшим к смерти господина Ангелова и господина Петкова, что в таком случае нарушило бы Статью 14 Конвенции при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 2.

147. В этой связи Суд отмечает, что в оценке доказательств он применил в качестве стандарта доказательства «доказанность вне всякого разумного сомнения». Однако его целью никогда не было заимствовать подход, применяемый в национальных правовых системах. Целью Суда является не вынесение решений об уголовной вине или гражданской ответственности, а решение о соблюдении Государствами-участниками требований Конвенции. Особенность задачи Суда по Статье 19 Конвенции – обеспечить соблюдение Государствами-участниками их обязательств касательно фундаментальных прав, признанных в Конвенции – определяет его подход к вопросам доказательств и доказывания. Для Суда не предусмотрены процессуальные барьеры для признания приемлемости доказательств или заранее определенные формулы для их оценки. Суд приходит к выводам, которые, по его мнению, основаны на свободной оценке всех доказательств, включая выводы, которые могут вытекать из представленных фактов и заявлений сторон. Согласно установившейся практике, доказательство может вытекать из комбинации достаточно серьезных, недвусмысленных и согласующихся друг с другом заключений или подобного рода неопровергнутых фактических презумпций. Более того, уровень уверенности, необходимый для достижения какого-либо заключения, и, в этой связи, распределение бремени доказывания, тесно связаны с характером представленных фактов, типом жалобы и конкретным правом Конвенции, которое рассматривается в данном деле. Суд также с особой внимательностью относится к важности, присущей решениям Суда касательно нарушений фундаментальных прав Государством-участником (см., в числе других, следующие решения: *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 года, Серия А № 25, параграф 161; *Ribitsch v. Austria*, решение от 4 декабря 1995 года, Серия А № 336, стр. 24, параграф 32; *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 16 сентября 1996 года, Отчеты 1996 г. IV, стр. 1211, параграф 68; *Tanli v. Turkey*, № 26129/95, параграф 111, ECHR 2001-III; и *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia [GC]*, № 48787/99, параграф 26, 8 июля 2004 г.)

148. Заявители указали на несколько отдельных фактов, и они утверждают, что их достаточно для того, чтобы сделать вывод о наличии расистского деяния.

149. Во-первых, заявители обратили внимание на то, что майор Г. выпустил очередь огня из автомата на территории населенного пункта, подвергнув риску безопасность людей. Ссылаясь на то, что такое поведение не имело рационального объяснения, заявители утверждали, что расовая ненависть со стороны майора Г. была единственным правдоподобным объяснением такого поведения, и что он так не поступил бы, находясь на территории нецыганского поселения.

150. Суд отмечает, однако, что использование оружия в данных обстоятельствах, к сожалению, не было запрещено соответствующими национальными положениями, что, конечно же, является вопиющим недостатком, на который Суд ранее обратил внимание (см. выше параграф 99). Сотрудники военной полиции применяли свои автоматы «в соответствии с правилами» и имели указание использовать все необходимые средства для произведения ареста (см. выше параграфы 19 и 60). Таким образом, нельзя исключить вероятности того, что майор Г. лишь строго придерживался инструкций и действовал так, как действовал бы в любой другой ситуации, независимо от этнической принадлежности скрывающихся от правосудия лиц. Хотя соответствующие положения были очевидно несовершенны и не удовлетворяли требованиям Конвенции по защите права на жизнь, ничто не указывает на то, что майор Г. не использовал бы свое оружие в нецыганском населенном пункте.

151. Действительно, как Суд определил выше, поведение майора Г. во время операции по аресту и применение им явно чрезмерной силы заслуживает серьезной критики (см. выше параграф 108). Тем не менее, нельзя исключить, что его реакция стала следствием неадекватности

нормативно-правовой базы, регулирующей использование оружия, и того, что он не был обучен действовать в рамках этой нормативно-правовой базы (см. параграфы 60 и 99-105).

152. Заявители также утверждали, что на отношение сотрудников военной полиции большое влияние оказала их осведомленность о цыганском происхождении жертв. Однако нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что цыганское происхождение господина Ангелова и господина Петкова каким-либо образом было связано с тем, как относились к ним сотрудники военной полиции. Кроме этого, есть свидетельства тому, что некоторые из этих сотрудников лично знали одну или обе жертвы (см. параграф 18).

153. Заявители сослались на заявление, сделанное господином М.М., соседом одной из жертв, который сообщил, что майор Г. сразу же после произведенных выстрелов прокричал ему в лицо «вы, проклятые цыгане». Хотя такое свидетельство расового оскорбления, произнесенного в контексте насильственного действия, должно было в данном случае заставить власти провести проверку заявления господина М.М., это заявление само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о том, что Государство-ответчик ответственно за расистское убийство.

154. Наконец, заявители представили данные, свидетельствующие о многочисленных инцидентах, связанных с применением силы против цыган сотрудниками болгарских правоохранительных органов, которые не привели к осуждению преступников.

155. Действительно, ряд организаций, в том числе межправительственные учреждения, выразили озабоченность по поводу таких инцидентов (см. выше параграфы 55-59). Однако Суд не может не принять во внимание тот факт, что его единственной задачей в данном деле является определение того, имело ли убийство господина Ангелова и господина Петкова расистские мотивы.

156. В своем решении Палата решила перенести бремя доказывания на Государство-ответчика по причине непроведения властями эффективного расследования расистских мотивов убийства. Неспособность Правительства убедить Палату в том, что рассматриваемые события не имели расистских мотивов, привела к установлению Палатой нарушения Статьи 14 Конвенции при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 2.

157. Большая Палата еще раз подтверждает, что в определенных обстоятельствах, когда власти имеют исключительный доступ ко всей или части информации, касающейся рассматриваемого события, как, например, в случае смерти человека, находящегося под контролем государства во время содержания под стражей, бремя доказывания может быть перенесено на власти, которые должны предоставить убедительное объяснение, в частности, причин смерти задержанного лица (см. дело *Salman v. Turkey* [GC], № 21986/93, параграф 100, ECHR 2000-VII). По мнению Большой Палаты, нельзя исключать возможности того, что в определенных случаях, связанных с утверждениями о дискриминации, от Правительства-ответчика правомерно требовать опровержения утверждений о дискриминации и – если оно окажется неспособным сделать это – по этой причине может быть установлено нарушение Статьи 14. Однако когда утверждается – как в данном случае – что насильственное действие было мотивировано расистскими предрассудками, такой подход означал бы, что Государство-ответчик должно доказать отсутствие определенного субъективного отношения со стороны причастного к этому действию лица. Хотя в правовых системах многих государств доказательство дискриминационного влияния какой-либо политики или решения не требует доказывания умысла утверждаемой дискриминации в области трудоустройства или оказания услуг, этот подход трудно применить к ситуации, когда имеет место утверждение о расистских мотивах насильственного действия. Большая Палата, в отличие от подхода, примененного Палатой, не считает, что вследствие непроведения эффективного расследования расистских мотивов убийства бремя доказывания должно быть перенесено на Государство-ответчика в том, что касается предполагаемого нарушения Статьи 14 в сочетании с материальным аспектом Статьи 2 Конвенции.

Вопрос о соблюдении властями процессуальных обязательств является, однако, отдельным правовым вопросом, к чему Суд вернется ниже.

158. В целом, изучив все относящиеся к делу обстоятельства, Суд не считает установленным фактом, что расистские мотивы сыграли какую-либо роль в смерти господина Ангелова и господина Петкова.

159. Таким образом, Статья 14 Конвенции при рассмотрении в сочетании с процессуальным аспектом Статьи 2 не была нарушена.

2. Процессуальный аспект: Выполнило ли Государство-ответчик свое обязательство расследовать возможные расистские мотивы

(а) Общие принципы

160. Большая Палата согласна с анализом, проведенным Палатой в данном деле касательно процессуального обязательства Государств-участников проводить расследование возможных расистских мотивов, лежащих в основе насильственных действий. Палата отметила, в частности (в параграфах 156-159), что:

«...Государства имеют общее обязательство по Статье 2 Конвенции проводить эффективное расследование инцидентов, связанных с лишением жизни.

...Это обязательство должно выполняться без дискриминации, как этого требует Статья 14 Конвенции... [К]огда есть подозрение, что расистские мотивы послужили стимулом к насильственному действию, крайне важно, чтобы официальное расследование было проведено серьезно и беспристрастно, с учетом необходимости постоянно подтверждать опасность расизма и расовой ненависти для общества и интереса в поддержании веры меньшинств в способность властей защитить их от опасности расового насилия. Соблюдение Государством позитивных обязательств по Статье 2 Конвенции требует, чтобы национальная правовая система демонстрировала эффективность применения уголовного права против тех, кто незаконно лишил жизни другого человека, независимо от расового или этнического происхождения жертвы (см. дело *Menson and Others v. the United Kingdom* (решение), № 47916/99, ECHR 2003-V)...

...[П]ри расследовании случаев насилия и, в частности, случаев смерти от рук представителей органов власти, Государства имеют дополнительное обязательство принять все необходимые меры по изобличению любых расистских мотивов и по установлению того, сыграла ли какую-либо роль в этих событиях расовая ненависть или расовые предрассудки. Неспособность сделать это и обращение с расово мотивированным насилием и жестокостью таким же образом, что и со случаями, не имеющими расовой подоплеки, означало бы проигнорировать особый характер действий, которые имеют особенно разрушительный эффект на фундаментальные права. Неспособность или нежелание проводить различия между ситуациями, ключевым образом отличающимися друг от друга, может считаться незаконным обращением, противоречащим Статье 14 Конвенции (см., с учетом соответствующих различий, дело *Thlimmenos v. Greece* [GC], № 34369/97, параграф 44, ECHR 2000 IV). Для того чтобы сохранить веру людей в эффективность правоохранительной системы Государства-участники должны позаботиться о том, чтобы в их правовых системах и на практике при расследовании инцидентов, связанных с применением силы, проводилось различие между случаями применения чрезмерной силы и убийствами на расовой почве.

Следует признать, что на практике часто очень сложно доказать наличие расовой мотивации. Обязательство Государства-ответчика расследовать возможные расистские мотивы, лежащие в основе какого-либо насильственного действия, – это не абсолютное обязательство, а требование

приложить максимум усилий к расследованию таких возможных мотивов (см., с учетом соответствующих различий, дело *Shanaghan v. the United Kingdom*, № 37715/97, параграф 90, ECHR 2001 III, в котором установлено такое же требование касательно общего обязательства проводить расследование). Власти должны предпринять все разумные в данных обстоятельствах шаги по сбору и сохранению доказательств, исследованию всех практических способов обнаружения правды и по принятию полностью обоснованных, беспристрастных и объективных решений, с учетом фактов, которые могут указывать на расовое насилие».

161. Большая Палата также поясняет, что обязанность властей расследовать возможность наличия связи между расовым отношением и насильственным действием является частью их процессуальных обязательств по Статье 2 Конвенции, но также может рассматриваться как часть их обязательств по Статье 14 Конвенции, взятой в сочетании со Статьей 2, по обеспечению права на жизнь без какой бы то ни было дискриминации. В виду тесной связи между этими двумя статьями, вопросы, подобные тем, которые возникли в настоящем деле, могут быть рассмотрены либо в контексте только одной из этих двух положений, либо в отношении обеих Статей. Этот вопрос решается индивидуально в каждом отдельном случае в зависимости от обстоятельств дела и характера сделанных утверждений.

(b) Применение этих принципов в настоящем деле

162. Суд уже установил, что болгарские власти нарушили Статью 2 Конвенции в силу того, что они не провели серьезного расследования смертей господина Ангелова и господина Петкова (см. выше параграфы 114-119). Суд считает, что в настоящем случае необходимо отдельно рассмотреть жалобу заявителя на то, что не была расследована возможность причинно-следственной связи между расистскими взглядами и убийством двоих мужчин.

163. Власти, проводившие расследование смертей господина Ангелова и господина Петкова, были в курсе заявления господина М.М., соседа жертв, согласно которому майор Г. сразу после произведенных выстрелов, направив на него дуло автомата, прокричал: «Вы, проклятые цыгане» (см. параграф 35 выше). Это заявление, сделанное на фоне большого количества опубликованных данных, свидетельствующих о существовании в Болгарии предрассудков и враждебного отношения к цыганам, требовало проверки.

164. Большая Палата, также как и Палата, считает, что любое свидетельство расистского вербального оскорбления, произнесенного сотрудниками правоохранительных органов в контексте операции с использованием силы против лиц, принадлежащих к этническому или иному меньшинству, имеет большое значение для ответа на вопрос, имело ли место противозаконное расистское насилие. Когда такие свидетельства становятся известными следователям, они должны быть проверены и – в случае их подтверждения – должно быть проведено тщательное расследование всех фактов для того, чтобы установить возможные расистские мотивы.

165. Более того, факт того, что майор Г. применил явно чрезмерную силу против безоружных и мирных мужчин, также требовал проведения внимательного расследования.

166. В целом, и следователь, и прокуроры, занимавшиеся данным делом, располагали правдоподобной информацией, которой было достаточно для того, чтобы побудить их к проведению начальной проверки и, в зависимости от ее результата, к расследованию возможных расистских мотивов, которые могли привести к смерти двоих мужчин.

167. Однако власти не сделали ничего, чтобы проверить заявление господина М.М. Они не провели допроса свидетелей по этому вопросу. Майору Г. не был задан вопрос о том, зачем ему понадобилось применять чрезмерную силу. Не было сделано попыток изучить служебную историю майора с тем,

чтобы, например, проверить, фигурировало ли его имя ранее в связи с подобными инцидентами или обвинялся ли он в прошлом во враждебном отношении к цыганам. Эти недоработки были усугублены поведением следователя и прокуроров, которые, как Суд установил выше, не приняли во внимание относящиеся к делу факты и прекратили расследование, таким образом защитив майора Г. от уголовного преследования (см. выше параграфы 36-54 и 115-117).

168. Таким образом, Суд решает, что власти не выполнили свои обязательства согласно Статье 14 Конвенции в сочетании со Статьей 2 по принятию всех возможных мер по расследованию вопроса о том, сыграла ли дискриминация какую-либо роль в данных событиях. Из этого следует, что была нарушена Статья 14 в сочетании с процессуальным аспектом Статьи 2.

Дело **Moldovan and Others v. Romania (No. 2) (2005 г.)**

136. Суд еще раз повторяет, что Статья 14 лишь дополняет другие материальные положения Конвенции и ее Протоколов. Она не имеет независимого существования, так как действует только в отношении пользования правами и свободами, гарантированными этими положениями. Хотя применение Статьи 14 не обязательно предполагает нарушение этих положений – и в этом смысле она имеет автономное значение – основания для ее применения есть только тогда, когда оспариваемые факты входят в область применения одного или более других статей Конвенции (см., в числе других источников, дело *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*, решение от 28 мая 1985 г., серия А № 94, стр. 35, параграф 71, и дело *Karlheinz Schmidt v. Germany*, решение от 18 июля 1994 г., серия А № 291-В, стр. 32, параграф 22).

137. Что касается области применения Статьи 14, согласно установившейся судебной практике какая-либо разница в обращении является дискриминационной, если она не имеет объективного и достаточного обоснования, т.е. если она не преследует законную цель или если используемые средства и цель, на которую они направлены, не являются пропорциональными друг другу. Более того, Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые во всех остальных отношениях являются идентичными, и если да, то в какой степени, закрепленную в законодательстве разницу в обращении (см., например, дело *Gaugusuz v. Austria*, решение от 16 сентября 1996 г., Отчеты 1996-IV, стр. 1142, параграф 42, и дело *Fretté v. France*, № 36515/97, параграф 34, ECHR 2002-I).

138. Суд считает, что факты настоящего дела входят в область применения Статей 6 и 8 Конвенции (см. выше параграфы 105, 109, 126 и 131).

139. Суд, прежде всего, отмечает, что нападения на заявителей были совершены по причине их цыганского происхождения. Хотя Суд в силу временных пределов действия Конвенции (*ratione temporis*) не может рассматривать обстоятельства сожжения домов заявителей и убийства некоторых из их родственников, он, тем не менее, считает, что цыганское происхождение заявителей оказало решающее влияние на продолжительность и результаты национального разбирательства, происходившего уже после вступления в силу Конвенции в Румынии. Суд также обращает внимание на дискриминационные замечания, которые неоднократно высказывались властями в адрес заявителей в момент отклонения их жалоб, а также на полный отказ до 2004 года в возмещении нематериального ущерба, понесенного вследствие разрушения семейных домов.

В отношении решения от 24 февраля 2004 года, подтвержденное Кассационным судом 25 февраля 2005 года, решение сократить величину выплаты за нематериальный ущерб было мотивировано замечаниями, напрямую связанными с этнической принадлежностью заявителей.

140. Суд отмечает, что Правительство не предъявило обоснования такой разницы в обращении к заявителям. Суд заключает, что в данном случае имело место нарушение Статьи 14 Конвенции, взятой в сочетании со Статьями 6 и 8.

Дело **Timishev v. Russia** (2005 г.)

53. Суд еще раз повторяет, что Статья 14 не имеет независимого существования, но играет важную роль путем дополнения других статей Конвенции и ее Протоколов, так как защищает лиц, находящихся в схожем положении, от дискриминации в пользовании правами, закрепленными в этих других статьях. В тех случаях, когда заявитель ссылается на какое-либо материальное положение Конвенции или ее Протоколов в отдельности или совместно со Статьей 14, и Суд устанавливает нарушение материальной Статьи самой по себе. Обычно не требуется рассматривать данное дело также в отношении Статьи 14, хотя такое рассмотрение Статьи 14 может считаться необходимым, если основополагающим аспектом этого дела является явное неравенство обращения в пользовании рассматриваемым правом (см. дело *Chassagnou and Others v. France* [GC], №№. 25088/94, 28331/95 и 28443/95, параграф 89, ECHR 1999 III, дело *Dudgeon v. the United Kingdom*, решение от 22 октября 1981, серия A № 45, параграф 67).

54. Обратившись к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что руководство кабардино-балкарской милиции отдало приказ сотрудникам дорожной милиции не пропускать «чеченцев». Так как, согласно данным, представленным Правительством, этническое происхождение лица не указывается в документах, удостоверяющих личность, данный приказ препятствовал проезду не только лиц, в действительности являющихся чеченцами, но и тех, которые лишь воспринимались таковыми. Данных, которые могли бы указывать на то, что другие этнические группы подвергались подобным ограничениям, представлено не было (см., в частности, выше параграф 51). Это, по мнению Суда, свидетельствует о наличии явного неравенства обращения в пользовании правом на свободу передвижения по признаку этнической принадлежности.

55. Этническая и расовая принадлежность – это взаимосвязанные и частично пересекающиеся понятия. В то время как понятие расы основывается на идее биологического разделения людей на подвиды по морфологическим чертам, таким как цвет кожи или внешние черты, этническая принадлежность в своей основе имеет понятие социальной группы, объединенной общей национальностью, родовой принадлежностью, религией, общим языком или культурными и традиционными корнями и историей.

56. Отличное обращение к лицам, находящимся в относительно схожем положении, без объективного и достаточного обоснования является дискриминацией (см. дело *Willis v. the United Kingdom*, № 36042/97, параграф 48, ECHR 2002 IV). Дискриминация по признаку действительной или предполагаемой этнической принадлежности является формой расовой дискриминации (см. определения, принятые Организацией объединенных наций и Европейской комиссией против расизма и нетерпимости, параграфы 33 и 34 выше). Расовая дискриминация – это особенно недопустимая форма дискриминации, которая, в силу своих опасных последствий, требует от властей особой бдительности и решительных мер. В связи с этим власти должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для борьбы с расизмом и расовым насилием, утверждая, таким образом, демократическое понимание общества, в котором разнообразие воспринимается не как угроза, а как источник благополучия (см. дело *Nachova and Others*, рассмотренное выше, параграф 145).

57. После того, как заявитель доказал, что имела место разница в обращении, Государство-ответчик должно доказать, что эта разница в обращении имеет законное обоснование (см., например, дело *Chassagnou*, рассмотренное выше, параграфы 91-92). Суд уже установил, что утверждение Правительства о том, что заявитель претендовал на приоритетное обращение, не подтверждалось

фактами данного дела (см. параграфы 42-43 выше). Соответственно, заявитель находился в таком же положении, что и другие лица, желавшие пересечь административную границу Кабардино-Балкарии.

58. Правительство не предъявило какого-либо обоснования разницы в обращении между чеченцами и лицами нечеченского происхождения в пользовании их правом на свободу передвижения. Как бы то ни было, Суд считает, что никакая разница в обращении, которая основана только или в решающей степени на этническом происхождении лица, не может быть объективно обоснована в современном демократическом обществе, построенном на принципах плюрализма и уважения к различным культурам.

59. Можно заключить, что так как право заявителя на свободу передвижения было ограничено исключительно по причине его этнического происхождения, эта разница в обращении составляла расовую дискриминацию по смыслу Статьи 14 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение Статьи 14, взятой в сочетании со Статьей 2 Протокола 4.

Дело *Šečić v. Croatia* (2007 г.)

2. Статья 3 Конвенции также может подразумевать позитивное обязательство проводить официальное расследование (см. дело *see Assenov and Others v. Bulgaria*, решение от 28 октября 1998 г., Отчеты 1998-VIII, стр. 3290, параграф 102). Такое позитивное обязательство относится не только к случаям жестокого обращения со стороны представителей государственных органов (см. дело *M.C. v. Bulgaria*, № 39272/98, параграф 151, ECHR 2003-XII).

3. Наконец, Суд еще раз повторяет, что вышеуказанное обязательство Государства не имеет абсолютного характера, но предполагает, что власти должны были предпринять все разумные шаги для обнаружения доказательств по данному делу (см., с учетом соответствующих отличий, дело *Menon v. the United Kingdom* (реш.), № 47916/99, ECHR 2003-V). В этом контексте данное обязательство подразумевает требование о проведении безотлагательного и достаточно быстрого расследования (см., с учетом соответствующих различий, дело *Yaşa v. Turkey*, решение от 2 сентября 1998, Отчеты 1998-VI, стр. 2439, параграфы 102-104).

4. Что касается настоящего дела, нужно отметить, что с момента события, на которое жалуется заявитель, полиция никому не предъявила обвинений, и на данный момент уголовное дело уже в течение почти семи лет не было передано в суд.

5. Правительство предоставило полный комплект документов по данному делу, который содержал беседы с заявителем и несколькими очевидцами, которые, однако, согласно заявлениям полиции, не были достаточными для дальнейшего расследования. И все же полиция, предположительно основываясь на описаниях злоумышленников, заключила, что нападение было совершено членами группы скинхедов, которая участвовала в подобных инцидентах в прошлом. Полиция, по всей видимости, никогда не допрашивала лиц, принадлежавших к этой группе, и никогда не проверяла каким-либо другим образом эту информацию. Более того, она исключила из списка подозреваемых человека по фамилии С., опознанного одним из свидетелей, без проведения допроса.

6. Полиция также провела беседу с журналистом, который ранее беседовал с одним из скинхедов; в ходе этого разговора последний упомянул про нападение на заявителя. Однако полиция не обратилась к компетентному суду с просьбой выдать ордер, обязывающий журналиста раскрыть свой источник информации, в соответствии с национальным законодательством. Соответствующий закон, предусматривающий такую возможность, уже действовал с 2003 года, однако Правительство не объяснило, почему полиция не воспользовалась этой возможностью, особенно учитывая отсутствие других доказательств в этом деле. Суд считает, что такое поведение полиции или

Государственного прокурора априорно не нарушает свободу средств массовой информации, гарантированную Статьей 10 Конвенции, так как, в любом случае только компетентный суд может решить, взвесив интересы всех сторон, было ли необходимо в данных конкретных обстоятельствах раскрывать личность лица, участвовавшего в разговоре.

7. Наконец, Суд отмечает, что полиция не прибегнула к другим способам расследования, предусмотренным национальным законодательством, кроме опроса свидетелей, проведенного по просьбе адвоката заявителей. В этой связи Суд не может не отметить, что последние следственные действия, проведенные полицией, были проведены в 2001 году.

8. Рассмотрев все представленные материалы и доводы сторон, Суд пришел к выводу, что неспособность властей Государства продвинуться в расследовании данного дела или в течение длительного времени получить веские доказательства с целью установления и ареста злоумышленников указывает на то, что расследование не соответствует требованиям Статьи 3 Конвенции.

9. Вследствие этого, Суд решает, что была нарушена Статья 3 Конвенции.

9.4.4 Различия, основанные на религии

Дело **Hoffmann v. Austria** (1993 г.)

33. Суд не отрицает, что в зависимости от конкретных обстоятельств данного дела, факторы, принятые во внимание при вынесении решения австрийским Верховным Судом, сами по себе могут склонить чашу весов в пользу только одного из родителей. Верховный Суд, однако, учел и другой фактор, а именно Федеральный закон о религиозном образовании детей, который явно имел решающее значение для Верховного Суда. Европейский Суд, таким образом, решает, что имела место разница в обращении и что эта разница основывалась на религии; в пользу этого вывода говорит тон и формулировки выводов, сделанных Верховным Судом касательно практических последствий религиозной принадлежности заявителя. [...]

36. [...] Несмотря на любые возможные доводы в пользу противного, решение, по сути основанное на религиозной принадлежности, является недопустимым. Суд соответственно не может прийти к выводу, что использованные средства и цель, на которую они были направлены, были пропорциональными друг другу; таким образом, имело место нарушение Статьи 8, взятой в сочетании со Статьей 14.

Дело **Thlimmenos v. Greece** (2000 г.)

42. [...] Его жалоба скорее касается того факта, что при применении соответствующего закона не проводилось различий между лицами, осужденными за преступления, совершенные исключительно по религиозным мотивам, и лицами, осужденными за другого рода преступления. В этом контексте Суд отмечает, что заявитель является членом Свидетелей Иеговы. [...] По сути, доводы заявителя означают, что он был подвергнут дискриминации в пользовании свободой выбора религии, гарантированной Статьей 9 Конвенции, по причине того, что с ним обращались так же, как с любым другим лицом, осужденным за серьезное преступление, хотя его осуждение стало результатом пользования самим этим правом. Рассмотрев это дело под таким углом, Суд соглашается, что «набор фактов», на которые жаловался заявитель – а именно, что по причине его судимости он не получил звание дипломированного бухгалтера несмотря на то, что преступление, за которое он был осужден, было вызвано его религиозными убеждениями – «входит в область применения одного из положений Конвенции, а именно Статьи 9».

Дело 97 Members of the Gldani Congregation of Jehovah’s Witnesses and 4 Others v. Georgia (2007 г.)

140. Рассмотрев все представленные доказательства, Суд считает, что в данном случае отказ полиции на месте вмешаться в инцидент для того, чтобы защитить заявителей и детей некоторых из них от насилия, вызванного религиозной ненавистью, а также последующее безразличие со стороны соответствующих органов в отношении заявителей стало естественным результатом религиозных убеждений заявителей. Правительство не высказало каких-либо контраргументов. По мнению Суда, замечания и отношение представителей органов власти Государства, которые были проинформированы о данном нападении или которые позже получили указание провести соответствующее расследование, не могут считаться совместимыми с принципом равенства каждого человека перед законом (см. выше параграфы 28 и 44). Правительство не представило какого-либо обоснования такого дискриминационного обращения к заявителям.

141. Суд считает, что небрежное отношение к крайне серьезным противоправным действиям со стороны полиции и следственных органов, ставшее результатом вероисповедания заявителей, позволили Отцу Василию (Father Basil) продолжать пропаганду ненависти в средствах массовой информации и осуществлять насильственные действия, основанные на религиозной нетерпимости, при содействии его сторонников, которые, по всей видимости, пользовались неофициальной поддержкой властей (см. выше параграфы 36, 54, 55, 66-68, 70 и 85).

9.4.5 Различия по признаку национальности или принадлежности к национальному меньшинству

Дело Gaygusuz v. Austria (1996 г.)

42. [...] Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении, основанную исключительно на национальной принадлежности, совместимой с Конвенцией.

Дело Özgür Gündem v. Turkey (2000 г.)

75. Суд напоминает, что он уже установил нарушение Статьи 10 Конвенции. Однако определив, что принятые меры в отношении двадцати девяти статей и газетных сообщений не были необходимы в демократическом обществе, Суд, тем не менее, согласился с тем, что они преследовали законную цель защитить национальную безопасность и территориальное единство или предотвратить преступления или беспорядки. Нет оснований считать, что ограничения свободы выражения могли быть связаны с разницей в обращении, основанной на национальном происхождении или принадлежности к национальному меньшинству. В связи с этим, Суд заключает, что Статья 14 Конвенции не была нарушена.

9.4.6 Различия между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака

Дело Marckx v. Belgium (1979 г.)

41. [...] Действительно, в то время, когда был подготовлен текст Конвенции (4 ноября 1950 года), во многих европейских странах считалось позволительным и нормальным проводить различия в этой области между «незаконной» семьей и «законной» семьей. Однако Суд напоминает, что положения Конвенции следует истолковывать с учетом современных реалий. В настоящем случае Суд не может не принять во внимание, что национальное законодательство большинства Государств-участников Совета Европы изменилось и продолжает изменяться наряду с соответствующими

международными правовыми механизмами в сторону юридического признания принципа “*mater semper certa est*” («мать всегда достоверно известна» - прим. переводчика).

[...] Европейская конвенция о правовом статусе внебрачных детей от 15 октября 1975 года, к настоящему моменту подписана лишь десятью и ратифицирована лишь четырьмя членами Совета Европы. Более того, согласно Статье 14 (1) этой Конвенции, Государства вправе сделать максимум три оговорки при ее принятии, одна из которых теоретически касается именно характера установления связи матери с ребенком, рожденным вне брака (Статья 2). Однако такое положение вещей не может быть использовано в опровержение произошедшей эволюции подходов в этой области. Обе соответствующие Конвенции находятся в силе, и нет оснований считать, что небольшое число Государств-членов Конвенции о правовом статусе внебрачных детей означает отказ признать равенство между «законными» и «незаконными» детьми касательно рассматриваемого вопроса. На самом деле, существование этих двух конвенций уже указывает на наличие определенной степени общности подходов к этому вопросу среди современных обществ.

[...] «В последние годы несколько западноевропейских стран, включая Федеративную Республику Германию, Великобританию, Нидерланды, Францию, Италию и Швейцарию, приняли новые законы, радикально меняющие традиционную структуру закона, касающегося родственной связи ребенка с родителями и устанавливающих практически полное равноправие между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака». Также нужно отметить, что «желание положить конец любой дискриминации и ликвидировать любое неравенство по признаку рождения ...очевидно в работе различных международных органов». Что касается самой Бельгии, в заявлении подчеркивается, что различное отношение к бельгийским гражданам в зависимости от обстоятельств их рождения (в браке либо вне брака) равнозначно «вопиющему нарушению» фундаментального принципа равенства всех перед законом (Статья 6 Конвенции). Суд также отмечает, что «юристы и общественное мнение все больше убеждаются в том, что дискриминация против рожденных вне брака детей должна быть прекращена».

Дело **Inze v. Austria** (1987 г.)

41. [...] В этой связи Суд напоминает, что Конвенция – это развивающийся механизм, который следует истолковывать с учетом современных реалий. В настоящее время вопросу равенства между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака, в пользовании их гражданскими правами уделяется большое внимание Государствами-участниками Совета Европы. Это подтверждает Европейская конвенция о правовом статусе внебрачных детей 1975 года, которая в настоящее время действует в отношении девяти Государств-членов Совета Европы. Она была ратифицирована Австрийской Республикой 28 мая 1980 года с оговоркой, которая не имеет отношения к обстоятельствам данного дела. Соответственно, Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении по признаку рождения вне брака совместимой с Конвенцией.

Дело **Mazurek v. France** (2000 г.)

54. Единственный вопрос, на который Суд должен дать ответ в данном деле, касается права наследования, переданного матерью своим двоим детям, один из которых рожден в браке, а другой вне брака. Суд в данном случае не находит каких-либо причин, которые могли бы оправдать дискриминацию по признаку рождения вне брака. В любом случае, ребенка, рожденного вне брака, нельзя винить за обстоятельства, которые он не мог контролировать. В связи с этим, нельзя не прийти к выводу, что по причине своего статуса внебрачного ребенка, заявитель был поставлен в невыгодное положение при распределении наследства.

Дело **Camp and Bourimi v. Netherlands** (2000 г.)

38. Согласно сложившейся практике, Суду должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении по признаку рождения вне брака, совместимой с Конвенцией. Как отмечалось выше, в настоящем случае с Софьяном (Sofian) обращались хуже не только по сравнению с детьми, рожденным в браке, но также и в сравнении с детьми рожденными вне брака, но признанными своим отцом. Хотя письма об усыновлении выполняли функцию такого признания, Софьян, тем не менее, не мог унаследовать имущество своего отца. По мнению Суда, в настоящем случае требуются такие же веские причины для того, чтобы можно было признать такую разницу в обращении совместимой с Конвенцией. Суд в этой связи считает, что господин А. Буруми (A. Bourimi) не принимал сознательного решения не признавать ребенка, которого вынашивала госпожа Кэмп (Camp). Наоборот, он намеревался вступить в брак с госпожой Кэмп, и письма об усыновлении были подготовлены именно потому, что его безвременная кончина не позволила заключить этот брак. В этих обстоятельствах Суд не может согласиться с доводами Правительства о том, что у господина А. Буруми была возможность не допустить ситуации, с которой столкнулся его сын.

Дело **Pla and Puncernau v. Andorra** (2004 г.)

61. По мнению Суда, усыновленный ребенок (и тем более, если он был усыновлен в соответствии с полной процедурой усыновления) имеет те же права, что и биологический ребенок его/ее родителей, в отношениях и обстоятельствах, связанных с семейной жизнью и соответствующими имущественными правами. Суд неоднократно заявлял, что должны быть представлены очень веские причины, прежде чем он мог бы признать разницу в обращении по признаку рождения вне брака совместимой с Конвенцией. Более того, Суд не считает, что причины общественной политики требовали, чтобы интересы апеллянтов, в пользу которых андоррским апелляционным судом было принято решение, превалировали над интересами заявителя.

62. Суд еще раз повторяет, что Конвенция, накладывающая позитивные обязательства на Государство, является живым организмом, который должен применяться с учетом современных условий, и что в настоящее время Государства-члены Совета Европы уделяют большое внимание принципу равенства между детьми, рожденными в браке, и детьми, рожденными вне брака (см. дело *Mazurek*, рассмотренное выше, параграф 30).

9.4.7 Различия, основанные на сексуальной ориентации

Дело **Salgueiro Da Silva Mouta v. Portugal** (1999 г.)

34. [...] Апелляционный Суд принял к сведению, что заявитель был гомосексуалом и жил с другим мужчиной, отметив, что «Ребенок должен жить в ... традиционной португальской семье» и что «это не наша задача решать, является ли гомосексуальность болезнью либо представляет ли гомосексуальность собой сексуальную ориентацию, направленную на лиц одного пола. В обоих случаях это отклонение от нормы и дети не должны расти в таких ненормальных условиях».

35. Суд считает, что вышеприведенные выдержки из рассматриваемого решения, не являются неудачно сформулированными или досадными замечаниями, как утверждало Правительство, или всего лишь *obliter dicta* (случайными замечаниями). Совсем наоборот, они указывают на то, что гомосексуальность заявителей имела решающее значение для принятия Апелляционным Судом окончательного решения. В пользу этого вывода говорит и то, что Апелляционный Суд при вынесении решения о праве заявителя на общение с ребенком предупредил заявителя, чтобы тот в общении с ним избегал такого поведения, которое заставило бы ребенка понять, что его отец живет с другим мужчиной «в условиях, похожих на союз мужчины и женщины».

36. В свете вышесказанного, Суд вынужден признать, что Апелляционный Суд провел различие, основанное на соображениях, связанных с сексуальной ориентацией заявителя. Такое различие противоречит Конвенции.

Дело **A.D.T. v. the United Kingdom** (2000 г.)

40. Заявитель жаловался на нарушение Статьи 14 Конвенции, взятой совместно со Статьей 8, по причине того, что в национальном законодательстве отсутствовали положения, регулирующие консенсуальные сексуальные отношения между совершеннолетними гетеросексуалами или между лесбиянками. [...]

41. Суд напоминает, что в своем решении по делу **Dudgeon v. the United Kingdom**, рассмотренном выше, он не считал нужным рассматривать дело отдельно по Статье 14 после того, как он установил нарушение Статьи 8 Конвенции. Суд решает поступить таким же образом и в данном случае.

9.4.8 Различия по признаку языка

Дело **Belgian Linguistics** (1968 г.)

11. В настоящем деле Суд отмечает, что Статья 14, даже когда она рассматривается в сочетании со Статьей 2 Протокола, не гарантирует ребенку или его родителю права на получение образования на языке по его выбору. Применение этих двух статей, рассмотренных совместно, более ограничено: оно относится к требованию, чтобы право на образование обеспечивалось Государством-участником всем лицам в пределах его юрисдикции без дискриминации, в частности, по признаку языка. Это является естественным и обычным значением Статьи 14, при рассмотрении в сочетании со Статьей 2. Более того, истолкование этих двух положений таким образом, как если бы они давали каждому лицу в пределах юрисдикции Государства, право на образование на языке по его выбору, привело бы к абсурдным результатам, так как кто угодно мог бы требовать права на обучение на любом языке на любой территории Стран-участников.

Суд обращает внимание на то, что в тех случаях, когда Государства-участники предполагали предоставить всем лицам в пределах своей юрисдикции особые права, касающиеся использования или понимания языков, как это сделано в Статье 5 (2) и Статье 6 (3) (a) и (e) Конвенции, они прямо выразили это стремление. Можно заключить, что если бы они намеревались предоставить каждому в пределах своей юрисдикции специальное право, касающееся языка на котором ведется обучение, они прямо выразили бы это в Статье 2 Протокола. В частности по этой причине, Суд не может заключить из Статьи 14 при ее рассмотрении совместно со Статьей 2 Протокола, что она дает каждому в пределах юрисдикции Государства-участника право на образование на языке по его собственному выбору.

Стоит напомнить, что согласно Статье 14, пользование правом на образование и правом на уважение семейной жизни, гарантированные соответственно Статьей 2 Протокола и Статьей 8 Конвенции, должны быть обеспечены каждому без дискриминации, в частности, по признаку языка.

9.4.9 Различия, основанные на имущественном положении

Дело **Larkos v. Cyprus** (1999 г.)

31. [...] Суд согласен, что какая-либо мера, в результате которой к лицам, находящимся в относительно похожем положении, применяется различное обращение, может быть оправдана соображениями общественной необходимости. Однако в данном случае Правительство не предоставило

какого-либо убедительного объяснения того, каким образом выселение заявителя было связано с общественной пользой. Правительством также не было указано никакой достаточной пользы, которая могла бы оправдать непредоставление заявителю правовой защиты, гарантированной другим жильцам по Закону о регулировании арендных отношений (Rent Control Law) 1983 года. [...] Суд также хотел бы заметить, что данный закон был предназначен в качестве меры социальной защиты арендаторов в отдельных районах Кипра. Решение о неприменении этих мер к арендаторам, проживающих в государственных домах по соседству с жильцами, проживающими в частных домах, требует особого обоснования, тем более что данный закон обеспечивал защиту самого Государства при аренде недвижимости у частных лиц. Однако Правительство не предоставило какого-либо достаточного или объективного обоснования такому различию, которое могло бы удовлетворить требованиям Статьи 14 Конвенции, даже с учетом его пределов свободы усмотрения в области контроля над недвижимостью.

32. На основании вышеизложенного Суд устанавливает нарушение Статьи 14 Конвенции при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 8.

9.4.10 Примеры дел, связанных с дискриминацией по «иным признакам»

Дело **Engel v. Netherlands** (1976 г.)

72. Различие, основанное на воинском звании, может также противоречить Статье 14. Перечень, приведенный в этой статье, не является исчерпывающим, а лишь служит иллюстрацией запрещенных оснований дискриминации, что следует из слов “any ground such as” - «любому признаку, такому как» (по-французски „notamment” – «а именно»). Кроме этого, слово «status» (во французском варианте «situation») является достаточно широким для того, чтобы включать воинское звание. Более того, различие, которое касается характера осуществления какого-либо наказания или меры, приводящей к лишению свободы, не выходит по этой причине за пределы области применения Статьи 14, так как такое различие не может не оказывать влияния на то, как «обеспечивается» «пользование» правом, закрепленным в параграфе 1 Статьи 5. [...]

Дело **Van der Musselle v. Belgium** (1983 г.)

46. Статья 14 гарантирует защиту от дискриминации лицам, находящимся в аналогичных обстоятельствах. Однако между адвокатурой и другими профессиями, упомянутыми заявителем, включая судебные и параюридические должности, имеются фундаментальные отличия, на которые Правительство и большинство членов Комиссии справедливо обратили внимание, а именно различия, связанные с правовым статусом, условиями вступления в должность, с типом служебных обязанностей и характером их осуществления, и т.д. Материалы, представленные Суду, не обнаруживают какого-либо сходства между рассматриваемыми неравноправными ситуациями: каждая из них характеризуется комплексом прав и обязанностей, из которого было бы неестественно выделять какой-то один отдельный аспект. Таким образом, в отношении жалобы заявителя Суд не установил нарушения Статей 14 и 4, рассмотренных совместно друг с другом.

Дело **Rekvenyi v. Hungary** (1999 г.)

41. В данном случае обязательство, налагаемое на отдельные категории государственных служащих, включая полицейских, воздерживаться от политической деятельности имеет своей целью деполитизировать эти службы и таким образом способствовать консолидации и сохранению плюралистического общества в стране. Суд отмечает, что Венгрия не одинока в этом отношении: ряд Государств-участников ограничивает возможность участия в политической деятельности сотрудникам полиции. Полицейские наделены правом принуждения при осуществлении контроля над поведением граждан; в некоторых странах при исполнении служебных обязанностей они

уполномочены носить оружие. В конечном итоге, полиция служит интересам Государства. [...] По мнению Суда, стремление к тому, чтобы ключевая роль полиции в обществе не была скомпрометирована нарушением принципа нейтральности со стороны ее сотрудников, не противоречит демократическим принципам. Эта цель имеет особое историческое значение в Венгрии, пережившей тоталитаризм, который в значительной степени основывался на абсолютной лояльности полиции правящей партии. Следовательно, Суд заключает, что рассматриваемое ограничение преследовало законную цель по смыслу параграфа 2 Статьи 10, а именно защиту национальной безопасности и общественного порядка и предотвращение беспорядков. [...]

68. При принятии решения о том, что вмешательство в пользование заявителем свободой выражения и свободой объединений было обосновано в отношении параграфа 2 Статьи 10 и параграфа 2 Статьи 11, Суд принял во внимание особый статус заявителя как сотрудника полиции. Эти соображения в равной степени применимы в контексте Статьи 14 и, даже допуская, что сотрудники полиции могут считаться находящимися в относительно похожем положении по сравнению с обычными гражданами, оправдывают разницу в обращении, на которую жаловался заявитель. Соответственно, Статья 14 при ее рассмотрении совместно со Статьями 10 и 11 не была нарушена.

9.5 Позитивные обязательства Государства

9.5.1 Позитивное обязательство защищать от дискриминации

Дело **Belgian Linguistics** (1968 г.)

3. [...] Однако на основании этого нельзя заключить, что Государство не имеет позитивного обязательства обеспечить соблюдение такого права, которое гарантировано Статьей 2 Протокола. Так как «право» действительно существует, оно обеспечивается согласно Статье 1 Конвенции каждому в пределах юрисдикции Государства-участника.

[...] Во-первых, они выразили мнение, что слово «обеспечивается» подразумевает существование обязательств со стороны Государств-участников предпринимать определенные действия, а не только воздерживаться от какого-либо действия.

4. Таким образом, Статья 14, сама по себе или в сочетании с другими Статьями Конвенции или Протокола, не является источником каких-либо прав, не закрепленных в Конвенции и Протоколе; она также не трансформирует негативные обязательства, проистекающие из этих правовых инструментов, в позитивные обязанности. На практике ее функция заключается в определении точной области Применения гарантированных прав и свобод с учетом обстоятельств лица, о котором идет речь. Таким образом, нарушение Статьи 14 невозможно без одновременного нарушения какой-либо Статьи, защищающей какое-либо право или свободу за исключением случаев, когда эта Статья содержит в себе только негативные обязательства. Однако Статьи, на которые ссылались Заявители в сочетании со Статьей 14 – Статья 8 Конвенции и Статья 2 Протокола – лишь предполагают обязательства по невмешательству [в пользование соответствующим правом].

Дело **Vermeire v. Belgium** (1991 г.)

25. Решение по делу **Marckx v. Belgium** содержало вывод о том, что лишение права на наследование в отсутствие завещания, основанное только на «незаконном» характере родственной связи, является дискриминационным. Этот вывод относился к обстоятельствам, которые по сути очень похожи на обстоятельства настоящего дела, поэтому он в равной степени относится к праву наследования, рассматриваемому в данном деле. Суд отметил, что по непонятной причине брюссельский апелляционный суд и кассационный суд не приняли во внимание решение Суда по делу **Marckx** и сформулированное в нем правило, что, однако, ранее сделал Суд первой инстанции. Это правило

однозначно и ясно запрещает дискриминацию против Астрид Вермейер (Astrid Vermeire), которая была подвергнута худшему обращению по сравнению со своей кузиной Франсиной (Francine) и кузеном Мишелем (Michel) по причине «незаконного» характера родственной связи между ней и умершим.

Дело **Pla and Puncernau v. Andorra** (2004 г.)

59. Следует признать, что в принципе Суд не обязан разрешать споры исключительно частного характера. При этом в осуществлении возложенного на него надзора за исполнением требований Европейской конвенции он не может оставаться безучастным по отношению к ситуациям, когда применение национальным судом какого-либо законодательного акта, касающегося, например, передачи наследства по завещанию, заключения частного контракта или действия публично-правового документа, или законодательной нормы или административной практики, имеет произвольный или неразумный характер, или, как в настоящем деле, грубо противоречит принципу запрещения дискриминации, закрепленному Статьей 14 и более общим принципам, лежащим в основе Конвенции (см. дело **Larkos v. Cyprus** [GC], № 29515/95, параграфы 30-31, ECHR 1999I).

Дело **Šečić v. Croatia** (2007 г.)

66. Суд еще раз повторяет, что при расследовании насильственных действий власти Государства имеют дополнительное обязательство предпринять все разумные шаги по изобличению любых расистских мотивов и по определению того, сыграла ли расовая ненависть или расовые предрассудки какую-либо роль в произошедших событиях. Необходимо признать, что на практике доказывание наличия расистской мотивации может быть крайне проблематичным. Обязанность Государства-ответчика расследовать возможность наличия расистской подоплеки какого-либо насильственного действия не является абсолютным требованием, но означает обязанность предпринять к этому максимум усилий; власти должны принять такие меры, которые представляются разумными в обстоятельствах данного конкретного дела (см. дело **Nachova and Others**, упоминавшееся выше, параграф 160, ECHR 2005-...).

67. Суд считает, что вышесказанное вне всяких сомнений применимо и к случаям, когда какое-либо обращение, нарушающее Статью Конвенции, исходит от частных лиц. Относиться к расово-мотивированному насилию и жестокости таким же образом, что и к случаям, не имеющим расистской подоплеки, означало бы проигнорировать особый характер действий, оказывающих особенно разрушительный эффект на фундаментальные права. Неспособность провести различие в том, как разрешаются ситуации, являющиеся по сути различными, может означать необоснованное обращение, несовместимое со Статьей 14 Конвенции (см. дело **Nachova and Others**, упомянутое выше, с дальнейшими ссылками).

68. В настоящем случае имелись подозрения, что напавшие на заявителя лица принадлежали к группе скинхедов, которая по своей сути основана на экстремистской и расистской идеологии. И полиция, и Правительство признали этот факт.

69. Суд считает неприемлемым, что зная о том, что рассматриваемое событие, скорее всего, было вызвано расовой ненавистью, полиция позволила расследованию затянуться более, чем на семь лет, не предпринимая каких-либо серьезных действий с целью установления и осуждения нарушителей (см. параграфы 58-60).

70. В связи с вышесказанным, Суд считает, что в данном случае имело место нарушение Статьи 14, взятой в сочетании с процессуальным аспектом Статьи 3 Конвенции.

Дело **Opuz v. Turkey** (2009 г.)

168. Суд еще раз подтверждает свой вывод в отношении жалобы по Статье 2, а именно, что нормативно-правовая база должна была предусмотреть основания для преследования в судебном порядке Х.О. несмотря на отзыв заявительницей своего заявления. Насилие, осуществленное Х.О., было достаточно серьезным для того, чтобы являться основанием для уголовного преследования, и кроме того, поведение Х.О. представляло постоянную угрозу физической неприкосновенности заявителя (см. выше параграфы 137-148).

169. Однако нельзя заключить, что местные власти проявили должное усердие в предотвращении повторного насилия против заявительницы, так как муж заявительницы совершал его беспрепятственно и безнаказанно, в ущерб правам, признанным в Конвенции (см., с учетом соответствующих различий, дело **Maria da Penha v. Brazil**, рассмотренное выше, параграфы 42-44). В качестве иллюстрации своего вывода Суд напоминает, что вслед за первым серьезным инцидентом (см. параграфы 8 и 10) Х.О. снова жестоко избил заявительницу, причинив ей травмы, которые могли угрожать ее жизни, однако он был освобожден до суда «в виду характера преступления и полного восстановления здоровья заявительницы». В конечном итоге дело было прекращено вследствие того, что заявительница забрала свое заявление (см. выше параграфы 13 и 19). И хотя Х.О. напал на заявительницу и ее мать с ножом и причинил им серьезные травмы, уголовное дело было прекращено без проведения сколько-нибудь серьезного расследования (см. параграфы 20 и 21 выше). Таким же образом Х.О. сбил на машине заявительницу и ее мать, в этот раз причинив последней ранения, представляющие опасность для жизни. В результате он провел лишь 25 дней в тюрьме и получил штраф за нанесение серьезных травм матери заявительницы (см. выше параграфы 23-26). Наконец, Суд особенно возмущен тем, что Дьярбакирский магистратский суд лишь обязал Х.О. выплатить небольшой штраф, который мог быть выплачен частями, в качестве наказания за нанесение семи ножевых ранений заявительнице (см. параграфы 37 и 44).

170. В свете вышесказанного, Суд считает, что реакция на поведение бывшего мужа заявительницы со стороны властей явно не соответствовала серьезности рассматриваемых преступлений (см., с учетом соответствующих различий, дело **Ali and Ayşe Duran v. Turkey**, № 42942/02, параграф 54, 8 апреля 2008 г.). В связи с этим Суд считает, что судебные решения по данному делу обнаруживают недостаточную эффективность и определенную степень толерантности к данным преступлениям, и что они не имели заметного сдерживающего или предупреждающего эффекта на поведение Х.О.

171. Что касается утверждения Правительства о том, что в дополнение к доступным мерам правовой защиты согласно Закону №4320 заявительница могла обратиться в один из гостевых домов, открытый для женщин, нуждающихся в защите, Суд отмечает, что до 14 июля 1998 года – дата, когда Закон №4320 вступил в силу – турецкое законодательство не предусматривало специальных административных или полицейских мер защиты уязвимых лиц против домашнего насилия. Но даже и после этой даты местные власти не применяли эффективных мер и санкций, предусмотренных законом, с целью защиты заявительницы от ее мужа. Принимая во внимания общий объем насилия, совершенного Х.О., сотрудники прокуратуры должны были применить меры, предусмотренные Законом №4320, по собственной инициативе, не дожидаясь специального запроса на это от заявительницы.

9.5.2 Обязательство предоставлять возможность учета различий

Дело **Thlimmenos v. Greece** (2000 г.)

44. Суд до настоящего момента придерживался мнения, что право по статье 14 на защиту от дискриминации в пользовании правами, гарантированными Конвенцией, нарушается тогда, когда Государства без объективного и достаточного обоснования по-разному обращаются с лицами, находящимися в аналогичных ситуациях (см. решение по делу **Inze**, рассмотренное выше, стр.

18, параграф 41). Однако Суд считает, что это не единственная грань запрета дискриминации, содержащегося в Статье 14. Право на свободу от дискриминации в пользовании правами, гарантированными Конвенцией, также нарушается тогда, когда Государства без объективного и достаточного обоснования отказываются по-разному обращаться с лицами, которые существенно отличаются между собой по своему положению.

Дело **Beard v. United Kingdom** (2001 г.)

130. Заявители утверждали, что обращаясь с ними так же, как с представителями этнического большинства, или ставя их в невыгодное отношение по сравнению с другими слоями населения, правовая система подвергала их дискриминации в пользовании их правами по Конвенции по причине их принадлежности к этническому меньшинству. Например, только к цыганам полиция применяла особое обращение, заявляя, что их временные поселения в отдельных районах нарушали закон. В отношении цыган, в отличие от лиц, проживающих в обычных домах, также не проводилось систематической оценки их потребностей и не оказывалось содействия в их удовлетворении. Кроме этого, применение к ним общих законов и политик не принимало во внимание их особенные потребности, связанные с их традиционным образом жизни и перемещения в повозках. Они ссылались, в частности, на Рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств (the Framework Convention on Minorities), согласно которой Соединенное Королевство было обязано принять меры по обеспечению полного фактического равноправия цыган.

131. Правительство, сославшись на мнение большинства членов Комиссии, определило, что любая разница в обращении [имевшая место в данном случае] преследовала законные цели, была пропорциональна этим целям и имела в данных обстоятельствах объективное и достаточное обоснование.

132. Приняв во внимание вышеописанный вывод касательно Статьи 8 Конвенции, заключающийся в том, что любое вмешательство в права заявителей было пропорционально законной цели сохранения окружающей среды, Суд заключает, что дискриминация, противоречащая Статье 14 Конвенции, не имела места в данном случае. Хотя дискриминация может возникнуть тогда, когда Государства без достаточного и объективного обоснования отказываются по-разному обращаться с лицами, чье положение в значительной степени отличается от положения других лиц, Суд не считает, что в обстоятельствах данного дела отсутствует такое достаточное и объективное обоснование мер, принятых против этих заявителей.

9.5.3 Обязательство проводить расследование (процессуальное обязательство)

Дело **Nachova and Others v. Bulgaria** (2005 г.)

157. Данное обязательство должно выполняться без дискриминации, как того требует Статья 14 Конвенции. Суд повторяет, что в тех случаях, когда есть подозрение, что насильственные действия были вызваны расистскими взглядами, особенно важно, чтобы официальное расследование было проведено решительно и беспристрастно, с учетом общественной необходимости постоянного осуждения этнической ненависти и расизма и поддержания уверенности этнических меньшинств в способности властей защитить их от опасности расово-мотивированного насилия. Соблюдение Государством позитивных обязательств по Статье 2 Конвенции требует, чтобы национальная правовая система демонстрировала свою способность применять уголовное право против тех, кто незаконно лишил жизни другого человека, независимо от расового или этнического происхождения жертвы (см. дело **Menson and Others v. the United Kingdom** (реш.), № 47916/99, ECHR 2003-V).

158. Суд считает, что при расследовании насильственных действий, в частности, случаев смерти от рук представителей органов власти Государства, власти Государства имеют дополнительную обязанность предпринять все разумные шаги по изобличению расистских мотивов и по установлению

того, сыграли ли в произошедшем событии какую либо роль расовая ненависть и расовые предрассудки. Неспособность сделать это, а также если власти относятся к расово-мотивированному насилию и жестокости таким же образом, что и к случаям, не имеющим расистской подоплеки, означает, что они игнорируют особый характер действий, оказывающих особенно разрушительный эффект на фундаментальные права. Неспособность по-разному относиться к ситуациям, которые по сути значительно отличаются друг от друга, может означать необоснованное обращение, противоречащее Статье 14 Конвенции (см., с учетом соответствующих различий, дело *Thlimmenos v. Greece* [GC], № 34369/97, параграф 44, ECHR 2000-IV). Для того, чтобы сохранить веру общества в эффективность своей правоохранительной системы, Государства-участники должны позаботиться о том, чтобы при расследовании инцидентов, связанных с применением силы, в законодательстве и на практике проводилось различие между случаями применения чрезмерной силы и убийств на расовой почве.

159. Необходимо признать, что на практике может быть крайне сложно доказать наличие расовой дискриминации. Обязательство Государства-ответчика расследовать возможные расистские мотивы какого-либо насильственного действия не является абсолютным, но оно означает требование приложить к этому максимум усилий (см., с учетом соответствующих различий, дело **Shanaghan v. the United Kingdom**, № 37715/97, параграф 90, ECHR 2001-III, в котором применен тот же подход к общему обязательству проводить расследование). Власти должны предпринять все разумные в данных обстоятельствах шаги по сбору и сохранению доказательств, исследованию всех практических средств для установления правды и по принятию полностью обоснованных, беспристрастных и объективных решений, с учетом фактов, которые могут указывать на расово-мотивированное насилие.

9.6 Доказывание дискриминации по смыслу Конвенции

Дело *Spadea and Scalabrino v. Italy* (1995 г.)

45. Суд, во-первых, обращает внимание на то, что согласно его практике Статья 14 нарушается тогда, когда с лицами, находящимися в «относительно» похожих ситуациях, без объективного и достаточного обоснования обращаются по-разному. Установление нарушения этой статьи требует, чтобы положение предполагаемой жертвы было признано похожим на положение лиц, к которым было применено лучшее обращение. [...]

47. Суд заключает, что в настоящем случае не было нарушения Статьи 14 Конвенции, при ее рассмотрении в сочетании со Статьей 1 Протокола 1.

Дело *Anguelova v. Bulgaria* (2002 г.)

166. Суд повторяет, что стандарт доказательства, определяемый как «доказанность, исключаяющая всякие разумные сомнения», может быть основан на комбинации достаточно серьезных, недвусмысленных и согласующихся друг с другом заключений или подобного рода неопровергнутых фактических презумпций. Задача Суда, таким образом, состоит в том, чтобы оценить все относящиеся к делу факты, включая любые выводы, которые могут следовать из общего объема информации, представленной заявителем в подтверждение предполагаемого наличия дискриминационного обращения.

167. Суд напоминает, что в деле **Velikova v. Bulgaria** он изучил идентичную жалобу в параграфе 94 этого решения и отметил:

Суд считает, что жалоба заявителя по Статье 14 основана на ряде серьезных аргументов. Суд также считает, что Государство-ответчик не предоставило правдоподобного

объяснения обстоятельств смерти господина Цончева (Tsonchev) и причин, по которым в ходе расследования не были предприняты определенные фундаментальные и обязательные шаги, которые могли пролить свет на эти события. [...] Суд напоминает, однако, что установление нарушения Конвенции может быть сделано только путем «доказанности, исключающей любые разумные сомнения». На основании представленных фактов Суд не может заключить с уверенностью, исключающей разумные сомнения, что убийство господина Цончева и ненадлежащее расследование ее основывались на расовых предрассудках, как это утверждает заявитель. Из этого следует, что Статья 14 не была нарушена.

168. Суд считает, что в настоящем случае жалобы заявителя в равной мере основаны на серьезных аргументах. Суд не может, однако, заключить, что утверждения заявителя были доказаны с определенностью, исключающей разумные сомнения. Следовательно, Статья 14 Конвенции не была нарушена.

Особое мнение Судьи Бонелло (Bonello)

2. Я в особенности озабочен тем, что Суд за более чем пятьдесят лет практики не установил к настоящему моменту ни единого случая нарушения права на жизнь (Статья 2) или права на свободу от пыток или другого унижающего достоинство бесчеловечного обращения или наказания (Статья 3), вызванного расовой принадлежностью, цветом кожи или местом проживания жертвы [Комиссия решила в 1973 году, что «отличное обращение к группе лиц по причине расовой принадлежности может таким образом содержать в себе унижающее достоинство обращение, в то время как отличное обращение по каким-либо другим причинам не будет вызывать таких опасений» (дело **East African Asians v. the United Kingdom**, отчет Комиссии от 14 декабря 1973 года, Решения и Отчеты 78-А)]. Просматривая архивы материалов Суда, неподготовленный наблюдатель может с полным основанием заключить, что за более чем пятьдесят лет демократические страны Европы были свободны от проявлений расизма, нетерпимости и ксенофобии. Судебная практика являет благостную картину этнического братства и гармонии, мир, в котором народы различного происхождения сосуществуют без страданий, предрассудков или взаимных упреков. Настоящее дело поддерживает эту иллюзию.

3. Часто и даже регулярно Суд признает, что члены уязвимых групп были лишены жизни или подвергнуты ужасающему обращению в нарушение Статьи 3; однако ни разу Суд не признал этого в тех случаях, когда рассматриваемые события предположительно связаны с этнической принадлежностью заявителей. Курдов, представителей смешанных рас, цыган и других снова и снова убивают, пытаются или калечат, однако Суд не готов признать, что их расовая принадлежность, цвет кожи, национальность или место рождения имеет к этому какое-либо отношение. Беды регулярно посещают социально незащищенные группы населения, но только в результате злосчастного совпадения.

4. В основе этого опасного побега от реальности лежит выбранное самим Судом правило доказывания: «Суд напоминает... что установление нарушения Конвенции может быть сделано только путем «доказанности, исключающей любые разумные сомнения» [дело **Velikova v. Bulgaria**, № 41488/98, ECHR 2000-VI]. Большинство судей решили, что в данном деле не было доказано «с определенностью, исключающей любые разумные сомнения», что в смерти 17-летнего цыгана Ангеля Зачекова, наступившей вследствие самоотверженных действий сотрудников полиции, его этническая принадлежность стала «решающим фактором» для этих полицейских, которые обеспечили ему скорейшее путешествие из Разграда в вечность.

5. Эта неспособность установить связь между физическим насилием и этнической принадлежностью, проявляется, несмотря на то, что красный свет, сигнализирующий об особом отношении к цыганам со стороны болгарской полиции в нарушение Статей 2 и 3 горит, не переставая: это

третье дело, связанное со смертью или жестоким насилием в отношении цыган от рук болгарской полиции, которое рассмотрел Суд (см. дела **Assenov and Others** и **Velikova**). Согласно данным межгосударственных организаций и правозащитных групп, болгарские правоохранительные органы заслужили сомнительную пальму первенства по жестокому обращению к цыганам, основанному на расовых предрассудках.

Дело **Akdivar and Others v. Turkey** (1996 г.)

99. Суд напоминает, что эти утверждения были рассмотрены Комиссией, которая, исходя из представленных доказательств, решила, что они являются необоснованными. Принимая во внимание роль Комиссии в определении и проверке фактов, Суд соглашается с выводами Комиссии по данному вопросу. Соответственно, Суд не считает, что нарушение этих положений (Статей 14 и 18) имело место.

Дело **D.H. and Others v. the Czech Republic** (2007 г.)

44. Согласно Судебной практике, дискриминация означает неравное обращение с лицами, находящимися в относительно схожем положении, не имеющее объективного и достаточного обоснования (дело **Willis v. the United Kingdom**, № 36042/97, параграф 48, ECHR 2002 IV). Государства-участники обладают определенной свободой усмотрения в оценке необходимости применяемой разницы в обращении (дело **Gaygusuz v. Austria**, решение от 16 сентября 1996 года, Отчеты решений 1996 г. IV, параграф 42), однако только Суд имеет право окончательного решения касательно соблюдения требований Конвенции.

45. Суд отмечает, что жалоба заявителей по Статье 14 Конвенции, взятая совместно со Статьей 2 Протокола 1, основана на ряде серьезных доводов. Он также отмечает, что несколько организаций, включая органы Совета Европы, выразили озабоченность по поводу установленного порядка, в рамках которого цыганские дети, проживающие в Чешской Республике, помещаются в специальные школы, и по поводу трудностей, с которыми они сталкиваются в получении доступа к обычным школам. Суд, однако, обращает внимание на то, что его роль отличается от роли вышеупомянутых органов, и что задачей Суда, также как и Чешского конституционного суда, не является оценка общего социального контекста. Его единственная задача в настоящем случае состоит в рассмотрении конкретных жалоб и в определении на основании представленных фактов того, было ли помещение заявителей в специальные школы вызвано их этническим или расовым происхождением.

46. В этой связи Суд отмечает, что если какая-либо политика или общая мера имеет своим результатом непропорциональный эффект на отдельную группу людей, нельзя исключать возможности, что она будет признана дискриминационной даже если эта политика или мера не была специально направлена на эту группу. Однако статистические данные сами по себе не являются достаточным доказательством практики, которая может быть классифицирована как дискриминационная (дело **Hugh Jordan v. the United Kingdom**, № 24746/94, параграф 154).

47. В данном случае в своем решении о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу Суд также еще раз подтвердил, что выбор плана и условий обучения в принципе входит в компетенцию Государств-участников. Это в основном касается вопросов целесообразности, которые не являются предметом рассмотрения Судом, и которые могут отличаться от страны к стране и в зависимости от конкретного периода времени (дело **Valsamis v. Greece**, решение от 18 декабря 1996 г., Отчеты 1996 г. VI, параграф 28). Касательно учеников с ограниченными возможностями, Суд согласен, что выбор между одним типом школ для всех учеников, специализированными учреждениями или общими школами, имеющими в своей структуре специализированные подразделения, не может быть простым, и что не существует одного идеального решения для всех случаев. Этот выбор

требует внимательного изучения и выбора на основе баланса между различными конкурирующими интересами. Суд хотел бы еще раз подчеркнуть касательно свободы усмотрения Государства в области образования, что Государствам не запрещено открывать различные типы школ для детей с ограниченными способностями или осуществлять специальные образовательные программы, разработанные с учетом их особых потребностей.

48. По мнению Суда, Правительство, тем не менее, смогло доказать, что система специальных школ в Чешской Республике предназначалась не только для детей-цыган, и что в этих школах предпринимались значительные усилия по обеспечению определенным категориям учеников возможности получить базовое образование. Правительство заявило, что критерии для отбора в такие школы были основаны не на расовой или этнической принадлежности, а на их особенностях, связанных с затруднениями в приобретении знаний, которые устанавливались в ходе психологических тестов.

49. Суд считает, что правила, регулирующие помещение детей в специальные школы не связаны с этническим происхождением учеников, но преследуют законную цель приспособления образовательной системы к особым потребностям и способностям этих детей. Так как это не правовые понятия, справедливо, что для определения этих особенностей привлекаются специалисты в области образовательной психологии. Что касается довода заявителей о том, что выбор текстов и интерпретация их результатов не регулировались едиными правилами, Суд обращает внимание на то, что стороны не оспаривали факта, что эти тесты проводились квалифицированными специалистами, которые обязаны соблюдать правила своей профессии и уметь выбирать подходящие методы для своей работы. Суд не считает необходимым выходить за рамки этого вывода и требовать, чтобы Правительство доказало, что психологи, проводившие тестирование заявителей, не имели к ним особого субъективного отношения. Кроме этого, представители заявителей не смогли опровергнуть вышеупомянутых выводов экспертов о том, что трудности заявителей в приобретении знаний препятствовали их возможности обучения в обычной средней школе. В качестве иллюстрации Суд хотел бы обратить внимание на материалы дела заявителя № 9, согласно которым он прошел психологическое тестирование 23 ноября 1998 года по требованию от обычной школы, где он в то время учился, с целью его возможного перевода в специальную школу. Однако после того как психолог рекомендовал ему продолжать обучаться в обычной школе ввиду того, что его плохие результаты были связаны с частыми пропусками занятий, недостатком мотивации и поддержки со стороны семьи, заявитель остался в обычной школе. Позже его мать сама попросила перевести его в специальную школу, а потом и заявитель попросил об этом в ходе психологического тестирования, которое было проведено 26 февраля 1999 года.

50. Необходимо помнить о том, что родители в качестве законных представителей заявителей не предпринимали каких-либо действий, несмотря на получение письменного решения, информирующего их о помещении их детей в специальную школу; на самом деле, в некоторых случаях родители сами просили, чтобы их дети были помещены или оставались в специальной школе. И наоборот, как это было в случае с заявителем №10, родители попросили перевести их ребенка в обычную школу, и их просьба была удовлетворена, несмотря на то, что она показала плохие результаты в ходе психологического теста. Подобным же образом, заявитель №11 был переведен в обычную школу сразу же после того, его мать передумала давать разрешение на ее помещение в специальную школу. В случае с заявителем №16, ее перевод в обычную школу был на самом деле инициирован специальной школой, которую она посещала, в которой она демонстрировала хорошие результаты обучения. С другой стороны, предложение о таком переводе в обычную школу заявителя №17 было отвергнуто ее матерью. По мнению Суда, то, что некоторые из заявителей были переведены в обычную школу, доказывает, вопреки утверждениям заявителей, что данная ситуация не была необратимой.

51. Что касается аргумента заявителей о том, что согласие родителей было основано на недостатке информации, и что в случае с двумя из заявителей (№№ 12 и 16) оно было датировано задним числом, Суд обращает внимание на то, что родители несут естественную ответственность за то, чтобы их дети получили образование, и для этого должны выяснить, какие возможности для

образования предлагает Государство, а также понимать, каким числом помечено их согласие на помещение их детей в ту или иную школу и, если необходимо, опротестовать решение о помещении ребенка в такую школу, принятое без их согласия.

52. Таким образом, признавая, что эти статистические данные содержат цифры, которые вызывают беспокойство, и что ситуация в Чешской Республике касательно образования детей-цыган ни в коей мере не является идеальной, Суд, тем не менее, не может согласиться с тем, что в данных обстоятельствах меры, принятые против заявителей, имели дискриминационный характер. Хотя заявители, возможно, не имели достаточной информации о национальной образовательной системе, или чувствовали себя окруженными недоверием, конкретные доказательства, представленные Суду в данном деле, не позволяют ему сделать вывод о том, что помещение заявителей или, в некоторых случаях, их продолжительное пребывание в специальных школах, было результатом расовых предрассудков, как они утверждали.

53. Из этого следует, что Статья 14 Конвенции, рассмотренная в сочетании со Статьей 2 Протокола 1, не была нарушена.

Дело **Stoica v. Romania** (2008 г.)

118. При рассмотрении Судом жалобы на нарушение Статьи 14, Суд, как было указано, должен определить, был ли расизм причинным фактором в поведении властей во время данных событий и последующего расследования, что означало бы нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3.

119. Суд начнет с рассмотрения вопроса о предполагаемых расовых мотивах, лежащих в основе расследования. В данном контексте Суд еще раз повторяет, что при расследовании насильственных действий власти Государства имеют дополнительную обязанность предпринять все разумные шаги по изобличению любых расистских мотивов и по определению того, сыграли ли какую-либо роль в данных событиях этническая ненависть или этнические предрассудки. Относиться к расово-мотивированному насилию и жестокости таким же образом, что и к случаям, не имеющим расистской подоплеки, означало бы проигнорировать особый характер действий, оказывающих особенно разрушительный эффект на фундаментальные права. Неспособность провести различие в том, как разрешаются ситуации, являющиеся по сути различными, может означать необоснованное обращение, несовместимое со Статьей 14 Конвенции. Необходимо признать, что на практике может быть крайне проблематично доказать наличие расовой мотивации. Обязанность Государства-ответчика расследовать возможность наличия расистской подоплеки какого-либо насильственного действия не является абсолютным требованием, но означает обязанность предпринять к этому максимум усилий; власти должны принять такие меры, которые представляются разумными в обстоятельствах данного конкретного дела (см. дело **Nachova and Others**, параграф 160, и дело **Šečić**, параграфы 66-67, решения, упомянутые выше).

9.7 Другие релевантные положения Конвенции

9.7.1 Дискриминация и Статья 3 Конвенции

Дело **Moldovan and Others v. Romania** (No. 2) (2005 г.)

101. Суд определил, что обращение было «бесчеловечным» в силу того, что, в частности, было предумышленным, применялось часами без остановки и вызвало либо серьезные телесные травмы, либо серьезные физические и психические страдания. Он определил, что обращение было «унижающим достоинство» в силу того, что оно очевидно могло заставить жертв испытывать чувства страха, тревоги и неполноценности, а также могло унижать и оскорблять их (см., например, дело

Kudla v. Poland [GC], № 30210/96, параграф 92, ECHR 2000-XI). Для определения того, является ли какая-либо форма обращения «унижающей достоинство» по смыслу Статьи 3, Суд должен решить, является ли его целью унизить и оскорбить данное лицо и оказывает ли оно негативное воздействие на его или ее личность, что несовместимо с требованиями Статьи 3 (см., напр., дело **Raninen v. Finland**, решение от 16 декабря 1997 г., Отчеты 1997-VIII, стр. 2821-22, параграф 55).

Однако отсутствие таких целей не может полностью исключить возможность установления нарушения Статьи 3 (см., например, дело **Peers v. Greece**, № 28524/95, параграф 74, ECHR 2001-III). [...]

108. По мнению Суда, вышеуказанные факты в совокупности указывают на общее отношение со стороны властей – прокуратуры, уголовных и гражданских судов, Правительства и муниципальных органов власти – которое способствовало сохранению чувства незащищенности у заявителей после июня 1994 года, и которое само по себе было вмешательством в пользование заявителями своими правами относительно уважения частной и семейной жизни и жилища (см., с учетом соответствующих отличий, дело **Akdivar v. Turkey**, решение от 16 сентября 1996 г., Отчеты 1996-IV, стр. 1215, параграф 88).

109. Суд заключает, что вышеуказанное вмешательство и продолжающаяся неспособность властей положить конец нарушениям прав заявителей равнозначно серьезному нарушению Статьи 8 Конвенции длительного характера.

110. Суд далее считает, что условия жизни заявителей в последние десять лет, в особенности крайне стесненная и антисанитарная обстановка и ее пагубные последствия на их здоровье и благополучие заявителей, в сочетании с продолжительностью периода, в течение которого они были вынуждены жить в таких условиях и общее отношение властей, очевидно должны были вызвать у заявителей значительные моральные страдания, что таким образом унижало их человеческое достоинство и оскорбляло их.

111. Кроме этого, замечания по поводу моральных качеств заявителей и их образа жизни, которые делались некоторыми представителями власти при рассмотрении жалоб заявителей (см. решения гражданских и уголовных судов и замечания, сделанные майором Четани (Chetani), параграфы 44, 66 и 71 выше) представляются, в отсутствие опровержения со стороны властей, однозначно дискриминационными. В этой связи Суд еще раз повторяет, что дискриминация, основанная на расовой принадлежности, может сама по себе быть равносильной унижающему достоинство обращению по смыслу Статьи 3 Конвенции (см. дело **East African Asians v. the United Kingdom**, Отчет Комиссии, 14 декабря 1973 г., DR 78, стр. 5, параграф 62).

Такие замечания должны быть приняты во внимание в качестве усугубляющего фактора при рассмотрении жалобы заявителей по Статье 3 Конвенции.

112. Суд считает, что на вышеуказанные выводы никак не повлияло решение, принятое 24 февраля 2004 года Таргумюреским апелляционным судом (Târgu-Mureș Court of Appeal) и вступившее в силу 25 февраля 2005 года, так как данное решение не установило нарушения Конвенции и не назначило меры компенсации за причиненный ущерб (см., например, дело **Amuur v. France**, решение от 25 июня 1996 г., Отчеты 1996-III, стр. 846, параграф 36, и дело **Dalban v. Romania** [GC], № 28114/95, параграф 44, ECHR 1999-VI).

113. В свете вышесказанного Суд считает, что условия жизни заявителей и расовая дискриминация, которой они были официально подвергнуты в ходе рассмотрения их жалоб различными органами властями, содержит в себе ущемление их человеческого достоинства, которое в особых обстоятельствах данного дела было равнозначно «унижающему достоинство обращению» по смыслу Статьи 3 Конвенции.

УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ

97 Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and 4 Others v. Georgia (2007 г.) (Appl. No. 71156/01, 3 May 2007)	31, 102
A.D.T. v. the United Kingdom (2000 г.) (Appl. No. 35765/97, 31 July 2000)	41, 105
Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.) (Appl. Nos. 9214/80, 9473/81, 9474/81, 28 May 1985)	2, 6, 14, 16, 18, 21, 24, 25, 71, 72, 80, 86, 93
Airey v. Ireland (1979 г.) (Appl. No. 6289/73, 9 October 1979)	4, 5, 74
Akdivar and Others v. Turkey (1996 г.) (Appl. No. 21893/93, 16 September 1996)	39, 113
Andrejeva v. Latvia (2009 г.) (Appl. No. 55707/00, 18 February 2009)	37
Angelova v. Bulgaria (2002 г.) (Appl. No. 38361/97, 13 June 2002)	25, 61, 111
Arslan v. Turkey (1999 г.) (Appl. No. 23462/94, 8 July 1999)	38
Association Ekin v. France (2001 г.) (Appl. No. 39288/98, 17 July 2001)	46
B.B. v. the United Kingdom (2004 г.) (Appl. No. 53760/00, 10 October 2004)	42
Baczowski and Others v. Poland (2007 г.) (Appl. No. 1543/06, 3 May 2007)	43
Baskaya and Okçuoglu v. Turkey (1999 г.) (Appl. Nos. 23536/94, 24408/94, 8 July 1999)	48
Beard v. United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 24882/94, 18 January 2001)	30, 58, 110
Beck, Copp and Bazeley v. the United Kingdom (2002) (Appl. Nos. 48535/99, 48536/99 and 48537/99; 22 October 2002)	43
Bekos and Koutropoulos v. Greece (2005 г.) (Appl. No. 15250/02, 13 December 2005)	27
Belgian Linguistics (1968 г.) (Appl. Nos. 1474/62, etc., 23 July 1968)	3, 6, 14, 15, 16, 45, 56, 71, 72, 79, 105, 107
Bilgin v. Turkey (2000 г.) (Appl. No. 23819/94, 16 November 2000)	39
Botta v. Italy (1998 г.) (Appl. No. 21439/93, 24 February 1998)	54, 55
Brauer v. Germany (2009 г.) (Appl. No. 3545/04, 28 May 2009)	41
Burden and Burden v. the United Kingdom (2008 г.) (Appl. No. 13378/05, 29 April 2008)	17, 53
Burghartz v. Switzerland (1994 г.) (Appl. No. 16213/90, 22 February 1994)	17, 23, 81, 84, 90
Cabales and Balkandali v. United Kingdom (1985 г.)	15
Çakici v. Turkey (1999г.) (Appl. No. 23657/94, 8 July 1999)	39
Camp and Bourimi v. Netherlands (2000 г.) (Appl. No. 28369/95, 3 October 2000)	40, 104
C. and L.M. v. the United Kingdom (1989 г.) (Appl. No. 14753/89, 09 October 1989)	45
Canea Catholic Church v. Greece (1997 г.) (Appl. No. 25528/94, 16 December 1997)	5, 31, 75
Cernicki v. Austria (2000 г.) (Appl. No. 31061/96, 11 July 2000)	66, 67
Ceylan v. Turkey (1999 г.) (Appl. No. 23556/94, 8 July 1999)	38
Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France (1997 г.) (Appl. No. 27417/95, 7 April 1997)	35
Chapman v. United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 27238/95, 18 January 2001)	30
Chassagnou and Others v. France (1999 г.) (Appl. Nos. 25088/94, 28331/95 and 28443/95, 24 April 1999)	5, 50, 60, 81
Codona v. the United Kingdom (2006 г.) (Appl. No. 485/05, 7 February 2006)	58
Connors v. the United Kingdom (2004 г.) (Appl. No. 66746/01, 27 May 2004)	30
Coster v. United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 24876/94, 18 January 2001)	30
Cyprus v. Turkey (2001 г.) (Appl. No. 25781/94, 10 May 2001)	20, 24, 68, 92
Darby v. Sweden (1990 г.) (Appl. No. 11581/85, 23 October 1990)	15, 50, 81
Devenney v. The United Kingdom (2002 г.) (Appl. No. 24265/94, 19 March 2002)	47
D.H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.) (Appl. No. 57325/00, 13 November 2007)	6, 8, 9, 13, 15, 24, 25, 46, 61, 113
Dudgeon v. the United Kingdom (1981 г.) (Appl. No. 7275/76, 22 October 1981)	4, 41, 74
East African Asians v. the United Kingdom (1973 г.) (Appl. Nos. 4403/70, 14/ December 1973) .	20, 24, 67

E.B. v. France (2008 г.) (Appl. No. 43546/02, 22 January 2008)	45
Elsholz v. Germany (2000 г.) (Appl. No. 25735/94, 13 July 2000)	52
Engel v. Netherlands (1976 г.) (Appl. Nos. 5100/71, 5101/71, etc., 8 June 1976)	15, 19, 53, 85, 106
E.P. v. the Slovak Republic (1998 г.) (Appl. No. 33706/96, 9 September 1998)	67
Ergi v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 23818/94, 28 July 1998)	39
Feldek v. Slovakia (2001 г.) (Appl. No. 29032/95, 12 July 2001)	47
Fredin v. Sweden (1991 г.) (Appl. No. 12033/86, 18 February 1991)	12, 77
Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey (1999 г.) (Appl. No. 23885/94, 08 December 1999)	48
Fretté v. France (2002 г.) (Appl. No. 36515/97, 26 February 2002)	18, 44, 85
Frischknecht v. Switzerland (1996 г.) (Appl. No. 28334/95, 18 January 1996)	66
Gaygusuz v. Austria (1996 г.) (Appl. No. 17371/90, 16 September 1996)	4, 18, 36, 86, 102
Glor v. Switzerland (2009 г.) (Appl. No. 13444/04, 30 April 2009)	20, 54
Gutl v. Austria (2009 г.) (Appl. No. 49686/99, 12 March 2009)	36
Handyside v. The United Kingdom (1976 г.) (Appl. No. 5493/72, 7 December 1976)	17, 83
Hasan Ilhan v. Turkey (2004 г.) (Appl. No. 22494/93, 09 November 2004)	26
H.G. and G.B. v. Austria (2005 г.) (Appl. Nos. 11084/02 and 15306/02, 2 June 2005)	42
Hobbs, Richard, Walsh and Green v. the United Kingdom (2007 г.) (Appl. Nos. 63684/00, 36475/00, 36484/00, 36438/00, 14 November 2006)	23
Hoffmann v. Austria (1993 г.) (Appl. No. 12875/87, 23 June 1993)	14, 15, 16, 30, 80, 83, 101
Hoffmann v. Germany (2001 г.) (Appl. No. 34045/96, 11 October 2001)	52
Hoogendijk v. the Netherlands (2005 г.) (Appl. No. 58641/00, 6 January 2005)	6, 7, 62
Hugh Jordan v. United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 24746/94, 4 May 2001)	6, 7, 38, 72
Incal v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 22678/63, 9 June 1998)	48
Inze v. Austria (1987 г.) (Appl. No. 8695/79, 28 October 1987)	4, 14, 18, 40, 73, 80, 103
Ireland v. the United Kingdom (1978 г.) (Appl. No. 5310/71, 18 January 1978)	48
Jane Smith v. United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 25154/92, 18 January 2001)	30
John Murray v. the United Kingdom (1996 г.) (Appl. No. 18731/91, 8 February 1996)	38, 49
Kaijalainen v. Finland (1996 г.) (Appl. No. 24671/94, 12 April 1996)	66
Kamasinski v. Austria (1989 г.) (Appl. No. 9782/82, 19 December 1989)	46
Karlheinz Schmidt v. Germany (1994 г.) (Appl. No. 13580/88, 18 July 1994)	23, 91
Karner v. Austria (2003 г.) (Appl. No. 40016/98, 24 July 2003)	45
Kelly and Others v. the United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 30054/96, 4 May 2001)	7, 39
Kerhoven and Hinke v. the Netherlands (1992 г.) (Appl. No. 15666/89, 19 May 1992)	45
Kiliç v. Turkey (2000 г.) (Appl. No. 22492/93, 28 March 2000)	48
Kjartan Asmundsson v. Iceland (2004 г.) (Appl. No. 60669/00, 12 October 2004)	51
Kjeldsen v. Denmark (1976 г.) (Appl. Nos. 5095/71, 5920/72, 7 December 1976)	6, 34, 71
Klopper v. Switzerland (1996 г.) (Appl. No. 25052/94, 18 January 1996)	66
Konttinen v. Finland (1996 г.) (Appl. No. 24949/94, 13 December 1996)	32
Koua Poirrez v. France (2003 г.) (Appl. No. 40892/98, 30 September 2003)	36
Kurt v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 24276/94, 25 May 1998)	39
Ladner v. Austria (2005 г.) (Appl. No. 18297/03, 3 February 2005)	42
Lang v. Austria (2009 г.) (Appl. No. 28648/03, 19 June 2009)	36
Larissis and Others v. Greece (1998 г.) (Appl. Nos. 23372/94, 26377/94, etc., 24 February 1998)	33
Larkos v. Cyprus (1999 г.) (Appl. No. 29515/95, 18 February 1999)	50, 105
Laskey, Jaggard and Brown v. the United Kingdom (1997 г.) (Appl. Nos. 21627/93, 21826/93, etc., 19 February 1997)	42
Lee v. United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 25289/94, 18 January 2001)	30
Leyla Sahin v. Turkey (2005 г.) (Appl. No. 44774/98, 29 June 2004)	34

Lindsay v. The United Kingdom (1986 г.) (Appl. No. 11089/84, 11 November 2006).....	9, 73
Lithgow v. The United Kingdom (1986 г.) (Appl. No. 9006/80, 8 June 1996).....	12, 77
Loffelmann v. Austria (2009 г.) (Appl. No. 49686/99, 12 March 2009)	36
Lustig-Prean and Beckett v. the United Kingdom (1999 г.) (Appl. Nos. 31417/96 and 32377/96, 27 September 1999).....	43
Magee v. the United Kingdom (2000 г.) (Appl. No. 28135/95, 6 June 2000).....	38, 49
Mahmut Kaya v. Turkey (2000 г.) (Appl. No. 22535/93, 28 March 2000)	39
Marckx v. Belgium (1979 г.) (Appl. No. 6833/74, 13 June 1979)	3, 14, 15, 16, 40, 56, 79, 102
Mata Estevez v. Spain (2001 г.) (Appl. No. 56501/00, 10 May 2001)	45
Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium (1987 г.) (Appl. No. 9267/81, 2 March 1987).....	47
Mazurek v. France (2000 г.) (Appl. No. 34406/97, 1 January 2000)	40, 103
McKerr v. the United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 28883/95, 4 May 2001).....	7, 39
McLaughlin v. the United Kingdom (1994 г.) (Appl. No. 18759/91, 9 May 1994).....	49
McMichael v. the United Kingdom (1995 г.) (Appl. No. 16424/90, 24 February 1995)	51
McShane v. the United Kingdom (2002 г.) (Appl. No. 43290/98, 28 May 2002)	7, 39
Mentes and Others v. Turkey (1997 г.) (Appl. No. 23186/94, 28 November 1997)	39
Merger and Clos v. France (2004 г.) (Appl. No. 68864/01, 22 December 2004).....	40
Mizzi v. Malta (2006 г.) (Appl. No. 26111/02, 12 January 2006).....	13, 52
Modinos v. Cyprus (1993 г.) (Appl. No. 15070/89, 22 April 1993).....	41
Moldovan and Others v. Romania (No. 2) (2005 г.) (Appl. Nos. 41138/98 and 64320/01, 12 July 2005).....	20, 29, 69, 98, 115
Monory v. Hungary and Romania (2004 г.) (Appl. No. 71099/01, 17 February 2004)	67
Moustaquim v. Belgium (1991 г.) (Appl. No. 12313/86, 18 February 1991).....	37
Nachova and Others v. Bulgaria (2005 г.) (Appl. Nos. 43577/98 and 43579/98, 6 July 2005).....	24, 25, 27, 58, 60, 61, 93, 110
National Union of Belgian Police v. Belgium (1975 г.) (Appl. No. 4464/70, 21 October 1975)	12, 16, 82
Nick and Hokkanen v. Finland (1996 г.) (Appl. No. 24627/94, 15 May 1996)	66
Norris v. Ireland (1988 г.) (Appl. No. 10581/83, 26 October 1988)	41
Odievre v. France (2003 г.) (Appl. No. 42326/98, 12 February 2003)	12
Okçuoglu v. Turkey (1999 г.) (Appl. No. 24246/94, 8 July 1999)	38
Okpiz v. Germany (2005 г.) (Appl. No. 59140/00, 25 October 2005).....	11
Olsson v. Sweden (1988 г.) (Appl. No. 10465/83, 24 March 1988).....	50
Onen v. Turkey (2002 г.) (Appl. No. 22876/93, 14 May 2002)	39
Opuz v. Turkey (2009 г.) (Appl. No. 33401/02, 9 June 2009).....	22, 57, 87, 109
Orsus v Croatia (2008 г.) (Appl. No. 15766/03, 17 July 2008).....	46
Özgür Gündem v. Turkey (2000 г.) (Appl. No. 23144/93, 16 March 2000).....	38, 102
P.K., M.K. and B.K. v. the United Kingdom (1992 г.) (Appl. No. 19085/91, 9 December 1992)	49
P.M. v. the United Kingdom (2005 г.) (Appl. No. 6638/03, 19 July 2005)	52
Palau-Martinez v. France (2003 г.) (Appl. No. 64927/01, 16 December 2003).....	31
Patel v. the United Kingdom (1998 г.) (Appl. No. 35693/97, 22 October 1998).....	68
Paulik v. Slovakia (2006 г.) (Appl. No. 10699/05, 10 October 2006)	13, 16
Perkins and R. v. the United Kingdom (2002 г.) (Appl. Nos. 43208/98 and 44875/98; 22 October 2002).....	43
Petrovic v. Austria (1998 г.) (Appl. No. 20458/92, 27 March 1998)	23, 84, 91
Pla and Puncernau v. Andorra (2004 г.) (Appl. No. 69498/01, 13 July 2004).....	41, 56, 104, 108
Pretty v. United Kingdom (2002 г.) (Appl. No. 2346/02, 29 April 2002).....	54, 55
Purtonen v. Finland (1998 г.) (Appl. No. 32700/96, 9 September 1998).....	67
Rainys and Gasparavičius v. Lithuania (2005 г.) (Appl. Nos. 70665/01 and 74345/01, 7 April 2005).....	48
Rasmussen v. Denmark (1984 г.) (Appl. No. 8777/79, 28 November 1984) 10, 14, 16, 17, 19, 22, 75, 80, 84, 85, 90	

Rekvenyi v. Hungary (1999 г.) (Appl. No. 25390/94, 20 May 1999).....	54, 106
Religionsgemeinschaft der zeugen Jehovas and Others v. Austria (2008 г.) (Appl. No. 40825/98, 31 July 2008).....	35, 36
R.W. and C.T.G-W. v. Austria (2001 г.) (Appl. No. 36222/97, 22 November 2001).....	67
Sahin v. Germany (2001 г.) (Appl. No. 30943/96, 11 October 2001).....	52
Salgueiro Da Silva Mouta v. Portugal (1999 г.) (Appl. No. 33290/96, 21 December 1999).....	41, 44, 104
Sampanis and Others v. Greece (2008 г.) (Appl. No. 32526/05, 5 June 2008).....	47
Schmidt and Dahlström v. Sweden (1976 г.) (Appl. No. 5589/72, 6 February 1976).....	11, 76
Schuler-Zraggen v. Switzerland (1993 г.) (Appl. No. 14518/89, 24 June 1993).....	21, 86
Šečić v. Croatia (2007 г.) (Appl. No. 40116/02, 31 May 2007).....	28, 59, 100, 108
Sejdi and Finci v. Bosnia and Herzegovina (2009 г.) (Appl. Nos. 20799/09 and 34836/06).....	65
Selçuk and Asker v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 23184/94, 24 April 1998).....	39
Shanaghan v. the United Kingdom (2001 г.) (Appl. No. 37715/97, 4 May 2001).....	7
Sidabras and Dziautas v. Lithuania (2004 г.) (Appl. Nos. 55480/00 and 59330/00, 27 July 2004).....	11, 48
Sidiropoulos and Others v. Greece (1998 г.) (Appl. No. 26695/95, 10 July 1998).....	48
Simpson v. the United Kingdom (1986 г.) (Appl. No. 11716/85, 14 May 1986).....	45
S.L. v. Austria (2003 г.) и деле L. and V. v. Austria (2003 г.) (Appl. No. 45330/99, 9 January 2003).....	42
Smith and Grady v. the United Kingdom (1999) (Appl. Nos. 33985/96 and 33986/96, 27 September 1999).....	43
Sommerfeld v. Germany (2001 г.) (Appl. No. 3187/96, 8 July 2001).....	52
Spadea and Scalabrino v. Italy (1995 г.) (Appl. No. 12868/87, 28 September 1995).....	111
Stec and Others v. the United Kingdom (2006 г.) (Appl. Nos. 65731/01 and 65900/01, 12 April 2006).....	9, 18
Stoica v. Romania (2008 г.) (Appl. No. 42722/02, 4 March 2008).....	69, 115
Stubbings and Others v. the United Kingdom (1996 г.) (No. 22083/93 and 22095/93, 22 October 1996).....	12, 78
Sutherland v. the United Kingdom (1994 г.) (Appl. No. 25186/94, 1 July 1997).....	41
Sutherland v. the United Kingdom (1997 г.) (Appl. No. 25186/94, 1 July 1997).....	42
Tanli v. Turkey (2001 г.) (Appl. No. 26129/95, 10 April 2001).....	39
Tanrikulu v. Turkey (1999 г.) (Appl. No. 23763/94, 8 July 1999).....	39
Tekin v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 22496/93, 9 May 1998).....	39
The Holy Monasteries v. Greece (1994 г.) (Appl. Nos. 13092/87, 13984/88, etc. 9 December 1994).....	35
Thlimmenos v. Greece (2000 г.) (Appl. No. 34369/97, 6 April 2000).....	13, 14, 32, 58, 79, 83, 101, 109
Timishev v. Russia (2005 г.) (Appl. Nos. 55762/00 and 55974/00, 13 December 2005).....	5, 14, 15, 20, 25, 29, 99
Unal Tekeli v. Turkey (2004 г.) (Appl. No. 29865/96, 16 November 2004).....	10, 12, 16, 21, 78, 82, 87
United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 19392/92, 30 January 1998).....	48
Van der Mussele v. Belgium (1983 г.) (Appl. No. 8919/80, 23 November 1983) ..	10, 12, 23, 53, 73, 76, 106
Van Raalte v. Netherlands (1997 г.) (Appl. No. 20060/92, 21 February 1997).....	23, 91
Velikova v. Bulgaria (2000 г.) (Appl. No. 41488/98, 18 May 2000).....	25, 61
Vermeire v. Belgium (1991 г.) (Appl. No. 12849/87, 29 November 1991).....	40, 56, 107
Vezenardoglu v. Turkey (2000 г.) (Appl. No. 342357/96, 11 April 2000).....	61, 48
Wessels-Bergervoet v. the Netherlands (2002 г.) (Appl. No. 34462/97, 4 June 2002).....	21
Willis v. the United Kingdom (2000 г.) (Appl. No. 36042/97, 11 June 2002).....	12
W.J. and D.P. v. the United Kingdom (1987 г.) (Appl. No. 12513/86, 13 July 1987).....	45
Woditschka and Wilfling v. Austria (2004 г.) (Appl. Nos. 69756/01 and 6306/02, 21 October 2004).....	42
Wolfmeyer v. Austria (2005 г.) (Appl. No. 5263/03, 26 May 2005).....	42
X and Y v. Netherlands (1985 г.) (Appl. No. 8778/80, 26 March 1985).....	5, 75

Yasa v. Turkey (1998 г.) (Appl. No. 22495/93, 2 September 1998)	48
Zarb Adami v. Malta (2006 г.) (Appl. No. 17209/02, 20 June 2006)	7, 23, 92
Z.B. v. the United Kingdom (1990 г.) (Appl. No. 16106/90, 10 February 1990)	45
Zehnalová and Zehnal v. Czech Republic (2002 г.) (Appl. No. 3862/97, 14 May 2002)	54, 55
Zeman v. Austria (2006 г.) (Appl. No. 23960/02, 29 June 2006)	9, 23
Žičkus v. Lithuania (2009 г.) (Appl. No. 26652/02, 7 April 2009)	48